

81
158

801-17
580

801-86
117542

Ив. А. Карышевъ.

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ

II

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

(МЕДИУМИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сообщеніе Маріи.

	СТРАН.
Жизнь Маріи на землѣ	1
Марія заболѣваетъ	17
Исповѣдь	19
Смерть Маріи	20
Похороны	24
Разговоръ съ хранителемъ	26
Марія во тьмѣ	29
Марія видитъ свѣтъ	32
Возрожденіе Маріи	33

Сообщеніе Тани.

Жизнь Тани на землѣ	37
Смерть и возрожденіе Тани	41
Жизнь духовъ	47
Ихъ планеты и солнца	48
Жилища духовъ	48
Какъ духи называютъ планеты	49
Величина духовныхъ планетъ	50
Стадь	50
Бабочки	51
О злыхъ душахъ	52
Языкъ духовъ	52
Пѣсни духовъ	53
Музыкальные инструменты	53
Молитва — отдыхъ	53
Описаніе Ангела-Хранителя	54
Питаніе духовъ	55
О молитвѣ	56
О жизни людей	61

2011119710

	СТРАН.
Я странствую въ ладѣ	63
О богатомъ баринѣ	64
О просьбѣ, которая всегда исполняется	75
Объ эфирѣ	75
Исчисленіе времени у духовъ	77
О злой силѣ	78
О трехъ сестрахъ	79
У духовъ не десятичное исчисленіе	83
Языкъ духовъ	84
Исчисленіе пространства	84
Величина эфирной волны	84
О скорости передвиженія	85
Положеніе духовъ въ пространствѣ	86
О желѣзныхъ дорогахъ	87
О праведномъ язычникѣ	87
О навѣтѣ	92
Гдѣ наши покойнички	93
12 стадій	94
Географія вселенной	96
О славѣ человѣческой	98
О любви	102
О молитвѣ	107

Сообщеніе Нероса.

Жизнь Нероса на землѣ	117
Смерть Нероса	130
Неросъ на Рокъ	131
Мученія ада	132
Неросъ покидаетъ Рокъ	134
Администрація Рока	131
Денница мучается больше всѣхъ	147
Сила добра и любви	144
Что такое братъ	146
Конецъ мученій и начало блаженства	148

Сообщеніе счастливой Марты.

Первая жизнь Марты на землѣ	153
Смерть и возрожденіе Марты	158
Новая жизнь на землѣ	160
Опять смерть и опять возрожденіе	169

МЕДИУМИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ МАРІИ.

I.

Августа 19-го дня 1899 года.

Миръ вамъ! Вотъ и я — Таня. Со мной пришла еще душа; одна дама изъ благородныхъ. Я ей обѣщала; уже очень она несчастна; Богъ съ ней. Вотъ я такъ разумѣю; пусть покалываетъ съ вами. Умерла она недавно. Она теперь изъ скорбныхъ. Она не врунья, нѣтъ, она хорошая душа; а такъ несчастная. И добрая какая она. Право, послушайте ее, коли хотите.

В. — Мы очень рады. Проси ее, Таня, сказать, что ей надо.

О. — Она будетъ говорить, я же буду писать то, что она говоритъ:

Марія. Миръ вамъ. Простите, что можетъ не во время. Я — Марія. На землѣ я была русская. Умерла я лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; точно не знаю, у насъ трудно время сосчитать. Живу теперь между несчастными и много, много и очень много выстрадала. Я одна изъ тѣхъ, которыми полонъ міръ земной.

На землѣ я была изъ очень хорошей семьи; была прекрасно воспитана; всегда враждалась въ высшихъ кругахъ общества; и была, какъ у васъ называютъ, замужемъ. Бывала я и заграницей; блистала и въ столи-

цахъ; но тогда жила въ Россіи, въ одномъ изъ большихъ уѣздныхъ городовъ. Если бы вы спросили въ томъ городѣ про меня и нашелся бы кто либо, кто меня еще помнитъ, то навѣрное онъ сказалъ бы вамъ: «Да, знаю, это была извѣстная красавица, умница, какихъ мало, интересная женщина, примѣрная мать, честная жена. Но угасла она рано, никѣмъ не оцѣненная».

А между тѣмъ, какъ страшно грѣшна, эта отпѣнная дама. Сколько она перестрадала за всѣ свои земныя мнимыя добродѣтели; и сколько, сколько раскаявалась она въ своихъ мерзкихъ поступкахъ!!...

И вотъ, когда жгучая боль прошла, я невольно оглянулась на землю и вспомнила, какъ много тамъ такихъ же какъ я. Одинъ изъ нихъ можетъ быть хуже меня; другія лучше, но какъ много изъ нихъ имѣютъ въ себѣ зародыши всѣхъ моихъ грѣховъ. Всѣ онѣ рабы своего времени, своего общества и его губительной моды. О! какъ глубоко мнѣ стало жаль ихъ, моихъ сестеръ во Христѣ. О! какъ неправильно онѣ понимаютъ свой жизненный вопросъ и цѣль своей жизни!

Я долго мучилась, обдумывая вопросъ, какъ мнѣ помочь имъ и какъ вразумить ихъ. Узнавъ, что теперь на землѣ можно печатать сообщенія духовъ, я рѣшила подробно рассказать свою жизнь и смерть и всѣ свои страданія; и если бы хотя одна изъ такихъ несчастныхъ, какъ я, не только исправилась бы, но хотя бы немного одумалась, я была бы счастлива и считала бы, что исполнила свои мнимыя добродѣтели.

Таня. Она задумалась, стоитъ смиренно и тихо молится; подождите немного.

Марія. Итакъ, я уже сказала, что я изъ хорошей и честной семьи; была замужемъ за военнымъ; онъ занималъ мѣсто очень видное; собою я была красива; а при стараніи я была настоящая красавица. Мужъ былъ

человѣкъ добрый и ласковый. Было у насъ трое дѣтей. Нужды, конечно, мы не знали, и хотя не было богатства, но довольство было полное.

Мать я была хорошая, т. е., я любила своихъ дѣтей на столько, что желала, чтобы они были здоровы, нарядны, хорошо воспитаны. Очень вѣроятно, я огорчилась бы, если бы они вышли ворами или развратниками. Но они опечалили бы меня еще больше, если бы стали погрѣшать противъ правилъ салонной порядочности или свѣтскихъ приличій. Дальше же моя любовь не шла съ самага рожденія ихъ.

Я даже не кормила своихъ дѣтей; во первыхъ, потому, что это портитъ цвѣтъ лица; а потомъ, къ чему мнѣ не спать по ночамъ и все время сидѣть дома? Доктора, конечно, нашли, что мнѣ кормить вредно; мужъ тоже хотя и пожалѣлъ сперва, но согласился потомъ.

Итакъ, дѣтей кормили чужія, нанятые матери; потомъ ихъ нянчили няньки и бонны; все—какъ должно быть, къ несчастью, у васъ на землѣ.

Хозяйка, я тоже была хорошая: всегда нашъ домъ былъ полной чашей и, сколько бы ни приняло гостей, всегда находили сытный, вкусный и даже роскошный обѣдъ. Что было мнѣ за дѣло, что часто приходилось дѣлать долги, обсчитывать прислугу, а мужу трудиться черезъ силу.

Жена,—о! жена я была въ высшей степени честная. Проживя съ мужемъ пятнадцать лѣтъ, я ни разу не измѣнила ему; хотя кругомъ меня, какъ пчелы, роились мужчины; хотя я ночи не спала, сидя, танцуя и забавляясь съ ними. Сколько народу всегда вздыхало и мечтало около меня; сегодня одинъ надѣется, завтра другой, но я!—я, вѣдь, честная женщина.

А сколько нужно было имѣть ума, живости, притворства и ловкости, чтобы при ограниченныхъ средствахъ

затмѣвать собой дѣвицъ и другихъ моложе меня женщину. Сколько находчивости, чтобы всѣхъ держать при себѣ, дурачить ихъ, и отъ нихъ же принимать невинныя подарки.

Развѣ мнѣ могло прійти въ голову, что я ничѣмъ не отличалась и, въ сущности, была даже хуже тѣхъ несчастныхъ надшихъ женщинъ, которыя изъ-за куска хлѣба шатаются по ночамъ? О! — о такихъ я и думать не могла — это, вѣдь, грязь.

Даже мужъ мой гордился моимъ поведеніемъ; онъ говорилъ: «У ногъ моей жены всѣ, а она какъ королева только раздастъ улыбки». Ахъ! сколько людской гордости и счастья было въ этихъ словахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ столько ошибокъ кроется во всемъ этомъ пониманіи вещей, что теперь мнѣ страшно вспомнить обо всемъ, что было. Тѣмъ болѣе, что инегда я дарила и большее, чѣмъ однѣ улыбки; но все, конечно, въ предѣлахъ салоннаго приличія.

О! какъ сама я была строга къ другимъ; о! какъ я порицала пороки; и помню, какъ немилосердно я страшила дѣвушку, которая отдалась, полюбя одного. Я первая перестала ей кланяться и прекратила всякое знакомство съ домомъ. Да, все это очень больно!... я страдаю, вспоминая объ этомъ.

Дайте мнѣ собраться съ силами.

Рѣчь моя путанная, но что за дѣло, — я очень волнуясь. Кому надо, пойметъ меня, лишь бы ударило его въ сердце. Неправда ли? Ну, и отлично.

Такъ, вотъ какъ, я жила долгіе годы. Все наряды, поклонники, вѣчная дума о своей красотѣ, о своемъ первенствѣ въ обществѣ, вѣчная забота объ удовольствіяхъ и комфортахъ...

Даже порядочной книги я не читала. Не слыхала или, лучше сказать, не хотѣла слышать ни одной здравой и

умной мысли. Если брала книгу, то навѣрное это былъ модный, пикантный романъ, если говорила, то вѣчно тѣже глупо-салонныя рѣчи съ моднымъ притворнымъ смѣхомъ, — и, несмотря на это, какъ всѣ меня уважали, какъ любили! за что?! — за что?!... Спрашиваю я теперь себя и не нахожу отвѣта. Одно можетъ быть, — это, что болшинство было такое же, какъ и я.

О, Господи! какъ все превратно у васъ на землѣ!...

Вотъ, такъ шло время. Дѣти стали подростать; нужно было учить; у меня были дочь и два сына. Нужна была гувернантка. Нашлась пріѣзжая дѣвушка, тоже изъ хорошей семьи, но, конечно, бѣдная сирота; недурна собой, даже, скажу, красива. Впрочемъ, я замѣчала и цѣнила только свою красоту. Поселилась она у насъ. Ну, что тутъ важнаго, думала я; что можетъ измѣнить въ домѣ какое-то существо, полуприслуга, безгласная, ожидающая подачки.

Да! горько! очень горько все это!.. Сколько такихъ же несчастныхъ дѣвушекъ, но кто заботится о нихъ; кто помогаетъ имъ облегчить ихъ печальную участь? — но теперь дѣло не въ ней.

Жила она у насъ, не помню сколько времени; но вотъ, что стало странно: дѣти охладѣли ко мнѣ; дочь какъ-то странно смотритъ, а когда я собираюсь въ гости, то на губахъ ея я замѣчаю что-то въ родѣ презрительной улыбки.

— Ты опять въ гости, сказала она разъ, а мы все дома.

— Да, а какъ же? и страненъ мнѣ твой вопросъ; а гдѣ же дѣти должны быть какъ не дома? У васъ все есть. Что вамъ еще надо?

— А что ты тамъ дѣлаешь?

Этотъ вопросъ озадачилъ меня. Что я тамъ дѣлаю? Да, въ самомъ дѣлѣ, что я тамъ дѣлаю? — спросила я мысленно въ первый разъ сама себя.

— Ты глупа, отвѣтила я ей.

Другого отвѣта нѣтъ въ моей головѣ. Вѣдь, не могу же я сказать ей, что я тамъ кружу головы мужчинамъ, по-дурацки пляшу и чуть не продаю себя. Вопросъ этотъ испортилъ мнѣ вечеръ. Онъ цѣлый вечеръ неотвязно стоялъ въ головѣ. Но ко всему этому я скоро какъ-то привыкла, я дѣти, говоря вообще, очень мало стали меня беспокоить.

Но вотъ, что стало еще страннѣе для меня: что отецъ ихъ вдругъ какъ будто опалъ; сталъ уставать; и мои побѣдами пересталъ восторгаться. Когда я ему передавала свои восторги, онъ сталъ отвѣчать вяло; а разъ даже сказалъ:

— Да, но все это такъ пусто, а дома безпорядки, долги. Если бы не мадемуазель Ольга, то дѣти до сихъ поръ не умѣли бы молиться. Вѣдь, дочери нашей уже девять лѣтъ; вѣдь, это—стыдъ и срамъ, подумай хорошенько.

— Молиться? — да, молиться? Но, вѣдь, я и сама никогда не молюсь. Конечно, я вѣрю въ Бога, но я думаю, что какъ Ему до меня, такъ и мнѣ никакого дѣла другъ до друга нѣтъ. Говѣть, я говѣла; потому, вѣдь, это нужно, и потому-что это такъ интересно; дней пять быть все въ черномъ, скромно; ходить въ церковь, гдѣ съ благоговѣніемъ стоять сзади толпой поклонники, не смѣя и слова сказать. А какъ я умѣла граціозно класть поклоны. Но развѣ все это дѣлалось для Бога? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ,—а такъ,—разнообразіе. На шестой день причастіе, пиръ, подарки, цвѣты, бѣлое платье и проч. Такъ и дѣтей я приобщала, когда имъ шили новыя платья. Нужно же гдѣ-нибудь и дѣтей показать въ новомъ. Да и о чемъ молиться? Боленъ кто — доктора надо; денегъ нѣтъ — надо занять гдѣ-нибудь; по службѣ мужу что-нибудь надо — можно уладить, покормить кого слѣдуетъ или взятку дать. Ну, о чемъ же молиться? Вѣдь, молятся только ханжи.

Удивилъ меня мужъ, говоря: «Выучила плясать, брэнчать, вздоръ говорить, но ни одной молитвы». Что-жъ, у всякаго свой взглядъ на вещи.

Но уже сѣмя раздора упало. Причина всему этому—Ольга, рѣшила я; да при томъ, что это все обозначаетъ? къ чему это? и какое дѣло мужу до дѣтей? Надо устранить Ольгу; но какъ? Она такъ услужлива, такъ привязала къ себѣ дѣтей и расходовать при ней меньше. Она и по хозяйству хлопочетъ, она и на дѣтей шьетъ; глупо ее удалять,—но что же дѣлать?—Нужно же какъ-нибудь устроить все. Однако, подожду, рѣшила я, еще увижу, что дальше будетъ.

Вихрь свѣта опять унесъ меня. Изгнаніе Ольги тѣмъ болѣе было бы не кстати, что тутъ начались живыя картины, театры; нужно устраивать костюмы, а Ольга такъ бываетъ находчива въ этихъ случаяхъ.

Но тутъ еще одна важная забота явилась — одинъ графъ пріѣхалъ въ нашъ городъ. Онъ молодецъ, красивъ, богатъ, но странно: онъ до сихъ поръ какъ будто не замѣчаетъ меня. Ужъ не постарѣла ли я, или это просто уловка задѣть меня за живое? Господи! какъ все это было пошло, глупо, стыдно мнѣ и говорить вамъ. Но нужно, нужно говорить, а иначе вы не поймете меня.

Таня. Отдохните немного, она думаетъ и молится. Она очень волнуется.

Марія. Да! Вы не повѣрите, какъ тошно мнѣ переживать все это еще разъ; но можетъ, Богъ дастъ, что это будетъ въ послѣдній разъ. Можетъ, это принесетъ пользу, можетъ, моя жизнь будетъ зеркаломъ для многихъ женщинъ! Бѣдныя, бѣдныя онѣ! — повѣрите ли, я не могу видѣть безъ содроганія и слезъ вашихъ *порядочныхъ женщинъ, нѣжныхъ матерей и честныхъ женъ:* душа скорбитъ.

Таня говоритъ, что вы уже устали? Ну, если вы позво-

лите, я приду еще разъ; въ одинъ разъ всего не скажешь; я забыла, что у васъ есть время.

Не гнѣйте меня и позвольте все, все сказать, пусть неинтересно вамъ,—но я, ради Бога, прошу. Если бы вы видѣли, какія кровавыя слезы текутъ изъ глазъ моихъ; сколько тоски и горя въ нихъ и можетъ съ моими слезами все, все это вылетѣть и многимъ станетъ легче.

Таня. Она ушла; ну, что, видите, какая она несчастная?

В. Ты устала, Таня?

О. Я не устала, но она очень волнуется и мнѣ жаль стало ее. Пусть отдохнетъ, сердечная; потомъ, въ другой, разъ легче ей будетъ. Ну, пойду и я.

II.

20-го августа 1899 года.

Миръ вамъ. Это я—Марія. Простите, пока не выскажусь, не успокоюсь, это я ужъ чувствую.

Видно, Господь ссудилъ мнѣ все высказать, сложить съ себя это ужасное бремя на землѣ. Здѣсь набрала его, здѣсь и сложить его надо.

Въ прошлый разъ я сказала вамъ, что прѣхалъ графъ; ну, этотъ графъ имѣлъ большое значеніе. Онъ какъ будто не замѣчалъ меня, а между тѣмъ каждый день встрѣчались то у однихъ, то у другихъ знакомыхъ и такъ все дѣло шло, а меня это уже начало бѣсить и волновать.

Никогда я такъ много не думала о себѣ, о своихъ нарядахъ, а тутъ устраивались разныя увеселенія и даже живыя картины.

Вы, конечно, знаете, что это за картины. Большою частью онѣ дѣлаются для бѣдныхъ. Ну, что же, чѣмъ не доброе дѣло принести свою красоту на пользу низшей братьи. Сыты ли они отъ того будутъ, это вопросъ другой; но хлопотать намъ надо.

И вотъ я готовилась выступить въ одной такой кар-

тинѣ. Это было что-то очень громкое: не то царица цвѣтовъ, не то весна, а въ сущности безмысленный вздоръ. Вся я была занята своимъ нарядомъ: утромъ шьютъ, въ полдень ѣзжу къ знакомымъ за совѣтами или сама ихъ другимъ даю, а вечеръ опять засѣданіе; а въ головѣ все графъ, да графъ. Два, три вѣжливыхъ слова и какъ будто меня нѣтъ, совсѣмъ меня не замѣчаетъ.

Ну, вотъ и вечеръ съ картинами насталъ. Мужъ заранѣе сказалъ мнѣ, что не поѣдетъ, что нездоровъ и много спѣшной работы. Онъ вообще въ послѣднее время какъ будто дулся на меня и, чего никогда не было, понемногу ворчалъ, что много денегъ выходитъ на вздоръ.

Итакъ я должна была выступить на показъ. Мнѣ почему то показалось, что это очень важно; какъ будто отъ этого зависла вся моя судьба. Я одѣлась, или, лучше сказать, раздѣлась, потому что нужно было все показать сколько допускало приличіе. Вся картина представляла изъ себя нѣчто чрезвычайно глупое. Это была какая то золотая колесница, вся усыпанная цвѣтами и вся въ цвѣтахъ и все цвѣты и цвѣты. Да, цвѣты очень шли ко мнѣ и я ихъ много истребляла. Я чувствовала отвращеніе къ искусственнымъ цвѣтамъ и носила только живые. Стоило это очень дорого.

Вотъ, наконецъ, меня показали. Было много цвѣтовъ, блеску, красоты, и я знала, что вблизи сидитъ графъ и смотритъ на меня. Это-то и составляло всю сущность моего въ то время существованія. И дѣйствительно, долго и много разъ показывали меня; много апплодировали и это меня нисколько не утомляло, напротивъ, я чувствовала въ себѣ весь восторгъ толпы и для меня это было упоеніе. Когда все кончилось, я пошла переодѣться. Но когда я вышла изъ уборной, первый, кто меня встрѣтилъ — это графъ съ букетомъ дорогихъ и роскошныхъ цвѣтовъ.

Но что много говорить; весь вечер онъ не отходилъ отъ меня, и я чувствовала, что-то новое въ моемъ сердцѣ, можетъ быть, я люблю его или начинала любить — не знаю.

Когда я ѣхала домой, я подумала о мужѣ:

— «Вѣрно, спать; тѣмъ лучше; можно разобратъся и тогда послѣ когда-нибудь рассказать ему; а то въ пылу чтонибудь и лишнее скажешь».

Но представьте мое удивленіе, когда я вошла домой, я нашла такую картину: мужъ мой сидѣлъ и съ нимъ Ольга; она ему что-то читала. Эта мирная картина кольнула меня, но они нисколько не смутились. Эти чистые, голубые глаза поднялись на меня и въ нихъ было столько чистоты, столько честности и простоты.

Терпѣть никогда не могла я голубыхъ глазъ. Это цвѣтъ, который всегда раздражалъ меня; я всегда избѣгала голубого цвѣта, этотъ цвѣтъ какъ будто что-то напоминалъ мнѣ неприятное или укорялъ меня. Да, это вѣрно.

Я не знала, что сдѣлать и что сказать,—я смутилась. Ольга вышла, а мужъ спросилъ:

— Ну, весело было?

Я процѣдила сквозь зубы ни да, ни нѣтъ; а онъ говоритъ:

— А намъ такъ было очень весело.

— Рада за васъ, сказала я, и ничего не стоило, такъ хорошо.

Какъ прошла ночь, не помню. Но утромъ, или, лучше сказать, въ полдень, когда я встала, меня вдругъ какъ будто ударило что-то: «А если эта Ольга отобьетъ моего мужа? Необходимо прилично отказать ей, и такъ уже мужъ не тотъ, и дѣти меня чуждаются. Что это за змѣя, которую я пригрѣла у себя въ домѣ. Больше ждать глупо» — рѣшила я.

Я быстро одѣлась и пошла къ дѣтямъ. Сказать правду, я почти дѣтей не видала за послѣдніе три дня; не было времени. Я вошла въ классную и застала, что дочь и сынъ что-то пишутъ, а маленькій сидитъ у Ольги на колѣняхъ и съ ней разбираетъ буквы.

Опять меня что-то кольнуло; опять нѣжная картина. Сурово поздоровалась я съ дѣтьми; едва кивнула головой Ольгѣ и кинула ей:

— Мнѣ не нравится ваша манера учить дѣтей на колѣняхъ. Это приучать ребенка не серьезно относиться къ дѣлу.

— Но онъ такъ малъ, сказала она смиренно, что не достаетъ до стола.

— Можно устроить какой-нибудь высокій стулъ. Потомъ я еще хотѣла вамъ сказать, что вы ужъ очень добросовѣстно относитесь къ своимъ и въ особенности не къ своимъ обязанностямъ, а я не люблю быть кому-нибудь обязана. За тѣ деньги, что я даю вамъ, я требую только, чтобъ вы занимались съ дѣтьми и немного присматривали за хозяйствомъ,—вотъ и все. А если мужу нужна будетъ чтица, то я найму ему другую.

Опять эти голубые глаза поднялись на меня и въ нихъ отразилась вся чистота и кротость этой святой дѣвушки.

— Но онъ просилъ меня.

— Скажите ему въ другой разъ, что это не ваша обязанность.

— Нѣтъ, я не могу, скажите это ему сами.

— Тогда я прошу васъ оставить мой домъ.

И только я это сказала, какъ раздались три голоса какъ одинъ:

— Ахъ, мама, да за что же?

Я хлопнула дверью и крикнула:

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Вдругъ вижу, что въ дверяхъ стоитъ графъ. Онъ первый разъ пришелъ къ намъ. Я смутилась: «не видалъ ли онъ моего злого лица? но, кажется, нѣтъ».

— Я за вами, сказалъ онъ, безъ васъ ничего не выходитъ; у насъ дѣло; ради Бога ѣдемъ.

«Тѣмъ лучше, думала я, всѣ прощанія, слезы и сцены безъ меня».

Ну, чѣмъ я не достойная жена? Чѣмъ не любящая мать? Развѣ я не берегла не только свою, но и мужнину честь? Развѣ я не заботилась о своихъ дѣтияхъ? Да, я гордилась своими поступками, вѣдь, я вполнѣ права была, вѣдь, мнѣ и больно было обидѣть ее, но, вѣдь, и нужно же рвать зло съ корнемъ. И какъ я разумно и тактично поступила. Да, да, это все, все такъ, я это чувствовала, когда ѣхала съ графомъ.

Но скоро я все забыла: шумъ, гамъ, оваціи моей игрѣ, красотѣ и подъ конецъ признаніе, и самое страстное признаніе графа!

Говорятъ нехорошо, когда мужчина признается въ любви посторонней женщинѣ. Конечно, не хорошо, если за этимъ слѣдуетъ паденіе. А если нѣтъ паденія? Если я выслушала все это шутя, какой же въ этомъ грѣхъ? То, что было во мнѣ, ни онъ и никто, вѣдь, не видалъ. Это и есть именно та гордость каждой свѣтской женщины, при которой всякій мужчина можетъ ей говорить, что хочетъ, а она умѣетъ выслушать и дать отпоръ. Вотъ въ чемъ вся музыка, вотъ гдѣ вся прелесть, все удовольствіе и все искусство умѣть играть на чужой душѣ.

Но мнѣ въ этотъ день не повезло подъ конецъ: мужъ прислалъ записку, что наша дочь внезапно заболѣла. Онъ требовалъ меня домой немедленно.

Привѣжаю, и что же? Наша дочь больна. Что такое? уже два доктора въ домѣ; была истерика, потомъ жаръ, боятся воспаленія мозга.

— Откуда, почему?

— Очень нервная натура и сильное потрясеніе.

— Удивительно, непонятно! Иду въ ея комнату, разметалась; вся въ жару, узнала меня, вся съежилась, и съ испугомъ смотритъ... что-то странное въ глазахъ.

Ну, конечно, объясненіе съ мужемъ. Неприятный разговоръ.

Довольно на сегодня, я уже давно вижу, что утомила васъ. И еще много, много должна сказать вамъ и зачѣмъ, зачѣмъ на землѣ нужно такъ много словъ. Зачѣмъ я не могу спокойно писать. Я знаю все, все это очень хорошо изложила, но волненіе мѣшаетъ. Да! волненіе у меня ужасное, мнѣ тяжело говорить. Страшно тяжело. Помогай вамъ Богъ; до завтра.

Таня. Вотъ она и ушла; думала будетъ сегодня спокойнѣе, а она еще хуже волнуется; даже не успѣваю хватать слова; заговорить, заговорить, ужъ я стараюсь, а все боюсь — пропущу. Да хранить васъ Христосъ и Царица небесная.

III.

Августа 21-го дня 1899 г.

Миръ вамъ! Это я — Марія. Что еще не наскучило вамъ слушать меня? Знаю, что все это очень обыкновенная исторія, все это не ново; стоитъ раскрыть любой романъ и тамъ все то же, и даже гораздо лучше описано. Но мнѣ дорого мое потому, что ни одна книга не скажетъ той правды, что скажу я.

Въ прошлый разъ я сказала, что дочь заболѣла. Конечно, пришлось въ виду такой болѣзни оставить Ольгу, а мнѣ смириться. Сначала меня это очень бѣсило; но потомъ я нашла выходъ и извлекла изъ этого даже себѣ пользу. Вся эта исторія скоро стала извѣстна въ городѣ и, конечно, съ большими прикрасами и онѣ-то еще больше оттѣнили меня.

Скоро покрасовался на мнѣ вѣнецъ мученичества отъ тирана мужа и низкой интриганки. Всѣ принимали во мнѣ участіе; всѣ давали совѣты, удивлялись моею кротости, терпѣнію, и еще больше баловали и ухаживали за мной.

Я была вполне увѣрена въ чистыхъ отношеніяхъ между мужемъ и Ольгой; но когда меня спрашивали, я улыбалась двусмысленно, и защищала такъ мужа и Ольгу, что кто раньше и сомнѣвался, тотъ вполне убѣждался въ ихъ низости относительно меня; и скоро за мной установилась кличка «святой мученицы».

Между тѣмъ графъ уже положительно сгоралъ около меня; и знаете, еслибы не Ольга, я вѣрно пала бы; но именно эта исторія съ Ольгой меня удерживала и заставляла упорно держать ореолъ честной женщины.

Потомъ много разбирала я этотъ фактъ и скажу вамъ, что если бы я пала, было бы гораздо лучше. Въ этомъ случаѣ я, вѣроятно, сразу поняла бы всю гадость своихъ чувствъ, и, можетъ быть, скорѣй очнулась бы. Но что было, то было.

Со страстью графа мнѣ было очень трудно бороться. Нужно было имѣть столько хитрости, уловокъ, чтобы не дать ему разлюбить и въ то же время вѣчно держать его не то въ надеждѣ, не то въ отчаяніи, и эта игра меня увлекала не на шутку.

Но одинъ разъ, придя домой, я услышала смѣхъ и веселье. Главное, что меня поразило, это — смѣхъ мужа, который уже давно не смѣялся при мнѣ. Оказывается, у нихъ идутъ игры какія-то, и когда я вошла, то у мужа были завязаны глаза и они какъ дѣти, всѣ отъ души смѣялись и веселіе царило у нихъ. Увидавъ меня, они какъ будто смутились. Я прошла въ свою комнату, чтобы переодѣться, и спросила прислугу.

— Часто тутъ такой шумъ?

— Да постоянно, какъ васъ дома нѣтъ. Это они при васъ только всѣ сидятъ по угламъ, а какъ васъ нѣтъ, баринъ, и барышня, и дѣти просто на головахъ ходятъ.

Казалось, ну, что мнѣ? а между тѣмъ меня взяла злость и я пошла къ мужу, чтобы, во что бы то ни стало, сказать ему очень и очень обидное. Я не знала сама, что я ему скажу, но предвкушала впередъ удовольствіе обиды. Придя къ нему, я попросила у него денегъ, зная что въ это время денегъ у него не было, а мнѣ деньги вовсе и нужны-то не были. Конечно, онъ отказалъ и прибавилъ:

— Да гдѣ же деньги, я недавно тебѣ всѣ отдалъ?

— Да вышли.

— Знаешь, это невозможно, я, вѣдь, одинъ разъ въ мѣсяць получаю деньги и ты хорошо знаешь, что нужно сократить расходы.

— Вотъ и я это думаю, и потому думаю дочь отдать въ институтъ; можно, вѣдь, и на казенный счетъ. А мальчиковъ тоже куда-нибудь отдать надо; теперь, пока, можно нанять учителя приходящаго и подготовить ихъ, а потомъ и отдать.

— Какъ!—сказалъ мужъ, ты думаешь насчетъ дѣтей сокращать расходы? Мало того, что мы обираемъ ихъ, потому что при нашихъ средствахъ мы могли бы легко имъ скопить, но ты хочешь еще отнять у нихъ домъ, отца, мать, Ольгу.

— Да, главное, Ольгу,—сказала я.

— Ну вотъ, что я скажу тебѣ: живи ты какъ хочешь, но не мѣшай и намъ жить. Ольга останется. Дѣти тоже.

Тогда я такъ взбѣсилась, что нарочно вышла въ залъ и громко крикнула, чтобы весь домъ слышалъ.

— Значитъ мнѣ нужно поставить условіе: я или твоя любовница! — И затѣмъ уѣхала въ гости.

Тогда устраивались разныя увеселенія, наставалъ боль-

шой праздникъ, великій праздникъ—маслина. Да, этотъ праздникъ зла и теперь еще существуетъ у васъ. Странный праздникъ, когда все чистое, хорошее покидаетъ людей, когда люди опиваются, объѣдаются, распускаютъ свои страсти; и когда даже самыя скромницы позволяютъ себѣ разныя вольности.

Бѣшеный карнавалъ! широкая маслина!.. и до сихъ поръ цвѣтешь ты между людьми, во всѣхъ своихъ порокахъ.

Таня. Она отдыхаетъ и молится. Отдохните и вы минутъ десять.

Марія. У насъ въ домѣ настала постъ, несмотря на масляницу. Всѣ притихли. У всѣхъ постныя лица; мужъ уже давно не выходитъ даже къ обѣду; Ольга сторонится и съ какимъ-то недоумѣніемъ и испугомъ смотритъ своими голубыми глазами. Дѣти ходятъ чуть не на ципочкахъ и боятся даже громко говорить. Тоска и всѣ какъ будто чего-то выжидаютъ. Я и сама не знаю, что предпринять; да и времени нѣтъ обдумать: то балъ, то маскарадъ, то семейные вечера, катанье, блины; не спишь, и все танцы, одинъ хаосъ.

Я не помню, въ какой день, но было назначено большое катанье за городъ, на цѣлый день, гдѣ будутъ блины, танцы и всякое безуміе. Графъ выписалъ какого-то рысака и легкія санки, что стоило ему нѣсколько тысячъ.

Я должна была мчаться съ нимъ. Это именно потому, что я сказала ему однажды, что не стоитъ кататься на такихъ лошадяхъ, а вотъ если бы была такая лошадь, чтобы духъ захватывало... Это было уже почти начало весны. Бывали морозы, но бывало также по нѣсколько дней оттепели. Выбрался прекрасный денекъ. Былъ легкій морозъ и мы помчались.

Пока все шло благополучно, мы уѣхали съ нимъ за

шесть верстъ отъ города. Троекъ пятнадцать ѣхали за нами; а я съ графомъ въ одиночкѣ. Онъ правилъ самъ. День прошелъ незамѣтно, со всѣми обыкновенными вашими препровожденіями времени: ѣда, питье, танцы и т. д. Но настала и ночь; нужно было возвращаться. Состояніе графа и мое было очень напряженное и меня брало невольно страхъ обратно съ нимъ ѣхать. Но отказаться я не хотѣла: мнѣ было стыдно показать, что я его боюсь.

Конечно, мы всѣхъ скоро перегнали.

Когда на бѣшеномъ скаку я услышала его страстныя рѣчи, когда я слышала его дыханіе на своемъ лицѣ, ужасъ охватилъ меня; тутъ уже уйти было некуда; это не въ комнатѣ; моихъ суровыхъ взглядовъ онъ видѣть въ темнотѣ не могъ. Однимъ словомъ, выхода мнѣ никакого не было.

Вдругъ случилось что-то ужасное. Это было одно мгновеніе; санки перевернулись и мы по горло очутились въ водѣ; въ темнотѣ не видно дороги. Лошадь чего-то испугалась и мы попали въ яму, наполненную ледяной водой. Скоро насъ нагнали. Я промокла, какъ у васъ говорятъ, до костей.

Ну, конечно, пылъ прошелъ. Было уже совсѣмъ не до любви, когда чулки и одежда примерзли къ тѣлу. Я не помню, какъ доѣхала до дому, хорошо, что остались цѣлы руки и ноги, а главное, честь честной женщины спасена.

Я едва раздѣлась. Пришлось все чуть не отдирать. Конечно, я постаралась все скрыть отъ мужа, благо я пріѣхала домой, когда всѣ спали.

Но къ утру началась боль въ боку, жаръ и страшный кашель. Черезъ нѣсколько часовъ уже всѣ доктора были около моей кровати. Лицо мужа было испуганное. Весь столъ уставленъ склянками и банками. Потомъ боль утихла, но жаръ сжигалъ меня; мнѣ казалось, что кровь кипѣла во мнѣ.

Ну что, скажете вы? Вѣдь, хоть тутъ-то, тутъ, пора было смириться мнѣ. А вы думаете, я полагаю, что могу умереть? Нѣтъ, я просто забыла, что умираютъ люди во всѣхъ возрастахъ. Я была убѣждена, что мнѣ, въ 32 года умереть!—это была бы насмѣшка! Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; я изъ этого положенія думала извлечь себѣ личную пользу; я приняла тонъ несчастной, которую домашнія огорченія довели до болѣзни.

Да! каторжники на смертномъ одрѣ и зачатые разбойники, убійцы, если не каются, то содрогаются о своихъ грѣхахъ; *но свѣтскія женщины никогда!!..* У нихъ, вѣдь, нѣтъ грѣховъ, а все случайности и нервы.

Я торжествовала, видя виноватое лицо мужа, его страхъ за меня, грустные, испуганныя мордочки дѣтокъ; ну, только не хватало, чтобы около кровати корчился отъ любви графъ. Ну, а голубыхъ глазъ я не видала. Ушла ли она; мнѣ не хотѣлось о ней спрашивать.

Знаете вы, что болѣзнь, въ общемъ, доставляла мнѣ много пріятныхъ минутъ. Я не страдала и большую часть времени была безъ сознанія; только дня черезъ три или четыре, когда у меня показалась кровь изъ горла, я немного удивилась и нашла, что ужъ это, пожалуй, какъ будто лишнее. Но мысли о смерти у меня ни на одну минуту не было; напротивъ, я, насколько могла, строила разные новые планы и выдумывала, что изъ этого положенія могла бы я еще выгадать и въ домѣ, и въ свѣтѣ.

Пришла меня навѣстить бывшая няня дѣтей. Она уже не жила у насъ, но часто приходила. Она очень любила меня и дѣтей, и говоритъ:

— Красавица моя, а недурно было бы причаститься: кто знаетъ, что можетъ быть.

Что-то какъ будто кольнуло меня, и я рассердилась: «Эти простыя бабы всюду видятъ смерть. Вздоръ, думала

я, не можетъ быть; такія не умираютъ». Но потомъ, сообразивъ еще, я рѣшила, почему бы и не причаститься, это еще больше нанугаетъ всѣхъ, начиная съ графа. Сколько жалости возбудится въ сердцахъ окружающихъ, какъ испугается графъ и какъ будетъ страдать, услышавъ, что меня уже приобщали! Рѣшилась; позвала мужа, и просила пригласить духовника.

Отдохните, друзья мои, горько и тяжело говорить!!! но надо, — надо и скорѣе надо.

Господи, помоги мнѣ все, все сказать, дай силы все, все вспомнить!!!... Ахъ, какая ужасная исповѣдь!! Какъ страшно грѣховна она!! Но какъ никто не остановилъ меня?.. какъ допустили меня до нея?.. О! эта исповѣдь! Господи, прости! Но все, все скажу.

Я какъ нарочно была въ полномъ сознаніи; столько силъ нахлынуло; и я твердо, громко каялась. Я каялась, что я дурная мать, потому что не могла уберечь дѣтей отъ дурного вліянія, вѣря въ чистоту и доброту дѣвушки. Я каялась, что я дурная жена, потому что не умѣла уберечь своего мужа увлечься другой; что я плохая христіанка, потому что часто, чтобы уберечь для семьи, для мужа, извѣстное положеніе, должна была христіанскія обязанности мѣнять на свѣтскія; что грѣхи мои тяжкіе и что я мучаюсь за нихъ!

И видѣла я умиленные слезы на глазахъ священника, и видѣла я его непритворную печаль. Онъ размышлялъ: «Неужели эта чистая душа такъ рано угаснетъ?» О! какъ невыносимо тошно мнѣ все это!!!... Не могу больше, завтра!!!...

Таня. Она ушла, храни ее Господь! И долго ли это она будетъ и себя, и насъ казнить. Еслибы вы видѣли ее сердечную, какъ она мечется изъ угла въ уголъ. Утомила она всѣ мои чувства, Богъ съ ней. Пойду, храни васъ Господь, до конца потерпимъ, авось скоро.

IV.

Августа 22-го дня 1899 года.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня, Марія уже давно у васъ, Она уже съ самаго утра сидитъ здѣсь и ждетъ. Она говоритъ: «Знаешь, что? я не могу черезъ два или три дня говорить. Этимъ я только и васъ, и себя томлю».

— Какъ, говорю я ей, черезъ два дня? Вѣдь, вчера говорили и каждый день говоримъ.

— Ну, не обманывай, я чувствую, что два дня уже прошло.

В. — Повѣрила она тебѣ, что мы каждый день ее слушаемъ?

О. — Нѣтъ, не вѣрять, ей отъ тоски кажется долго; ну, звать ее что ли? И что нынче будетъ, должно умереть, ужъ, вѣдь, пора, Богъ съ ней. Ну, зову.

Марія. Миръ вамъ! Я Марія. Надо все вамъ досказать, только вы ужъ очень тихо пишете.

В. — Нѣтъ, не мы тихо пишемъ, а это твои мысли слишкомъ быстро бѣгутъ; ты забыла, что у насъ на землѣ есть время.

О. — Да, это правда; время! время! Вотъ у насъ, слава Богу, нѣтъ его, а то если время, — не вынести всѣхъ мученій.

В. — Успокоилась ли ты хоть немного?

О. — Пстой, пстой, еще нѣтъ. Ну, вотъ, друзья, я приобщилась; и вы думаете, что я поперхнулась или захлебнулась причастіемъ; нѣтъ! Представьте себѣ, я проглотила его, а какъ — это одинъ Богъ знаетъ.

Какъ только я причастилась, силы оставили меня. По всему тѣлу будто молнія прошла и странная тоска рана. Я ужъ плохо сознавала, что со мной. Но тоску помню, ибо она была такая, что я мѣста себѣ не находила; я стала метаться; грудь жгло; а дыханія не было. Я силилась вздохнуть, но не могла и потеряла сознание.

Сколько, не знаю, прошло времени до тѣхъ поръ, какъ я очнулась. Когда я очнулась, я не чувствовала больше никакой боли; и тоска прошла. Я открыла глаза и каково же было мое удивленіе; я вижу, что стою на ногахъ у кровати, а кругомъ кровати какіе-то люди и что-то дѣлаютъ, но мнѣ не видать что.

— «Что это значитъ? думаю себѣ, почему я встала? выздоровѣла, что-ли? Просто чудо! что это такое? и такая легкость!»

Я оглядѣла комнату и вижу такую картину: мужъ сидитъ, голову положилъ на столъ и рыдаетъ; дѣти стоять кругомъ него, обнимаютъ его и тоже въ голосъ илачуть. «Что случилось?»—меня все это очень поразило; а въ особенности рыданія мужа; я никогда не видала, чтобы онъ плакалъ. И такъ стало мнѣ жаль его:

«Я слишкомъ далеко съ нимъ зашла, думаю себѣ, надо упокоить ихъ; я, вѣдь, теперь здорова.»

Я бросилась къ нему. Но вдругъ, кто-то хватилъ меня за руку. Я оглянулась и обомлѣла: предо мной стоялъ свѣтлый, прекрасный юноша; большіе, кроткіе, чистые, голубые глаза Ольги смотрѣли на меня. Да, это ея глаза; и я содрогнулась.

— Кто ты, что тебѣ? и что - то смутное пронеслось у меня въ головѣ и сердце сжалось.

— Я твой Хранитель. — Да, это онъ! Я вспомнила, что когда еще ребенкомъ выходила изъ тѣла, какъ онъ меня ласкалъ, какъ любилъ и училъ. Но потомъ, когда я подросла, я почти никогда не выходила изъ тѣла во время сна. Вонервыхъ, незачѣмъ выслушивать неприятныя вещи; а потомъ в времени нѣтъ, я прямо ложилась и отъ усталости засынала или не спала, мечтая о разныхъ пріятныхъ вещахъ. Зачѣмъ же, думаю себѣ, теперь я вышла изъ тѣла? О! вотъ почему я такъ не любила Ольгиныхъ глазъ! они похожи на глаза моего

Ангела-хранителя и были для меня укоромъ всей моей жизни.

— Зачѣмъ держишь ты меня, спрашиваю его, и что все это значить?

— Успокойся, ты все некончила со своимъ тѣломъ и тебѣ нельзя ни до кого дотрогиваться.

Кто пойметъ тотъ ужасъ, который охватилъ меня?

— Какъ! все кончено? неправда, я жива! я войду въ тѣло! это онъ пугаетъ меня!.. вздоръ!.. Кто оторветъ меня отъ моего тѣла?.. гдѣ оно?

Я бросилась къ тѣлу и увидала, что его одѣваютъ въ бѣлое платье, въ которомъ я всегда приобщалась; но Хранитель опять взялъ меня за руку, а тѣло прикрывъ своимъ крыломъ. Крикъ ужаса и негодованія вырвался изъ моей груди.

— Пусти! кричу ему, и я стала страшно метаться, рваться, и меня поражало, что никто не обращалъ на насъ вниманія; какъ будто насъ не было. О! это ужасно, это такой ужасъ! такое отчаяніе!

Мы долго такъ боролись. Его словъ я не слушала; я все кричала и металась. Я видѣла, какъ тѣло мое понесли. Я видѣла, какъ его клали на столъ, и леденящій ужасъ охватилъ меня.

Я ясно и отчетливо чувствовала это тѣло; я чувствовала каждое малѣйшее прикосновеніе чужихъ рукъ къ нему. Мнѣ неловко и больно было лежать на столѣ, я будто хочу поправиться и вдругъ мнѣ говорятъ—я умерла.

— Ложь! низкая ложь, кричу я, что есть силы.

О! когда вы умрете! старайтесь какъ можно менѣе смотрѣть на свое умершее тѣло. Лучше совсѣмъ на него не смотрите, а то вани флюиды еще смѣшаны съ нимъ и вы во второй разъ можете испытать ощущеніе смерти. Да, это очень, очень странное чувство.

Вдругъ я увидала, что комната стала наполняться

людьми. Въ своемъ смятеніи я почти никого не узнавала. Господи, какъ я металась и на всѣ мольбы Хранителя помолиться, я кричала одно:

— Жить, жить хочу; уйди, ты врагъ мой, это все отъ тебя. И я проклинала все и всѣхъ и больше всего хранителя, что онъ не пускалъ меня къ тѣлу.

Сколько все это длилось, я, конечно, не знаю. Я потеряла время; но думаю, что настала уже ночь. Около тѣла никого не было, кромѣ монахини, которая что-то читала, а я металась по-полу и кричала.

Потомъ я услышала хохотъ и какія-то взвизгиванія. Я поднялась и увидѣла, что комната была полна какихъ-то тѣней; нѣкоторыя были мнѣ какъ будто знакомы; между ними мнѣ казалось, что я вижу тѣнь умершей матери, а затѣмъ какія-то безобразныя тѣни, которыя смѣялись и издѣвались. Я притихла.

— Что это? кто это? — думалось мнѣ.

— Это ты вызвала зло своимъ смятеніемъ, молись, молись, упрашивалъ меня Ангель-хранитель.

Но я его не послушала и тѣни стали двигаться на меня. Я потеряла сознаніе. Я какъ будто оценѣла и застыла, и тѣни какъ будто стали отходить отъ насъ; но чуть я начинала стонать или рваться отъ хранителя, онѣ опять надвигались.

Да, такъ шли эти страшные и мучительные дни. Мнѣ казалось, что это былъ все одинъ нескончаемый день. Я все видѣла: какъ рыдали, какъ молились, какъ приходили всѣ знакомые въ черномъ, какъ всѣ удивлялись, плакали и даже графъ былъ; но мнѣ было не до нихъ и даже не до графа. Я все думала, какъ-бы мнѣ доказать всѣмъ, что я жива, и что я чувствую. Я пробовала кричать каждому надъ ухомъ: «я жива!» но звуки замирали и никто меня не слышалъ. Ужасъ охватывалъ меня, когда я вспоминала, что меня похоронять

въ то время, когда я совсѣмъ жива. Я даже отчетливо чувствовала, что запахъ шелъ отъ меня. Я чувствовала уже броженіе въ желудкѣ, и то, что газы поднимались къ горлу. Я все чувствовала; да, это были муки ужасныя; но что всѣ онѣ значать передъ тѣмъ, что было дальше.

Вотъ насталъ роковой день моихъ похоронъ. Господи, нѣтъ силъ и словъ передать, какой это ужасъ. Когда подняли гробъ, усыпанный моими любимыми цвѣтами. О!.. какъ я теперь ихъ ненавижу, мнѣ такъ ясно представилась моя золотая колесница, вся усыпанная тѣми же цвѣтами и я полуобнаженная въ ней!.. Какъ это недавно было, вдругъ опять цвѣты! и такое омерзѣніе нашло на меня! я чувствовала ихъ мертвящій запахъ.

За гробомъ шла я одна съ Хранителемъ; всѣ остальные ѣхали. Какъ хорошо я все кругомъ видѣла и какъ отчетливо все сознавала. Я даже машинально, идя за гробомъ, читала по улицамъ вывѣски. Я отчетливо видѣла дома, въ которыхъ такъ недавно еще была; вотъ и собраніе, гдѣ я царила.

Да!.. мнѣ кажется, такое чувство испытываетъ преступникъ, когда его везутъ на казнь. Всѣ чувства во мнѣ были притуплены; только одинъ страшный гнетъ висѣлъ надо мной и ощущала я какое-то страшное сознаніе, что, что-то ужасное должно свершиться надо мной; такое страшное, что даже не хватало силъ подумать, что именно. Я ощущала, что свершается какая-то ужасная несправедливость, и что всѣ, всѣ эти люди, которые такъ любили меня, всѣ совершали это ужасное дѣло. Въ церкви всѣ молились, но мнѣ казалось, что они не молятся, а только стовариваются, какъ лучше свершить это ужасное дѣло.

И вдругъ я увидѣла дѣтей въ черномъ и съ ними Ольгу. Я бросилась къ нимъ съ крикомъ: «Спасите, спасите вашу мать!» но и они не хотѣли меня слышать и жалась къ Ольгѣ.

Господи!.. что же это?.. Нѣтъ сожалѣнья, нѣтъ милосердія, нѣтъ ничего, есть одни только палачи!

Хранитель все время не отходитъ отъ меня и все просить, чтобы я молилась. На его просьбу, я даже расхохоталась; мнѣ казалось, что онъ издѣвается надо мной: ну можно-ли молиться при этихъ обстоятельствахъ? Но мнѣ стало такъ страшно!..

Нѣтъ, не могу всего этого рассказывать, и тяжело мнѣ, и трудно описывается это. Словъ не хватаетъ вашихъ, чтобы высказать хотя часть того, что чувствовалось!..

Но вотъ меня несутъ къ эшафету. Черная зіяющая яма, обложенная кирпичемъ и усыпанная опять все тѣми же ненавистными цвѣтами, масса вѣнковъ кругомъ. Когда я взглянула въ эту яму, я вся содрогнулась.

— Какъ, кричу я, такую прекрасную, полную жизни, элегантную даму, да бросить въ эдакую яму! Да гдѣ же справедливость? О! нѣтъ, это невозможно, неужели никто не содрогнется отъ подобнаго злодѣянія. Зачѣмъ солнце, если оно освѣщаетъ такія дѣла! зачѣмъ земля, если она принимаетъ такія преступленія!

Тутъ раздался голосъ священника. Раздирающимъ голосомъ обратился онъ къ толпѣ со словами. «Кто можетъ думать, что передъ нами еще нѣсколько дней тому назадъ она цвѣла, полная жизни и любви къ Богу, мужу и дѣтямъ».

О! какъ его слова били меня; онъ восхвалялъ всѣ мои достоинства, онъ шагъ за шагомъ рассказывалъ мои чувства, онъ возводилъ меня въ святую женщину и искренно лились его слезы.

О! отчаяніе! меня его слова и слезы хлестали какъ бичи!..

Затѣмъ что-то грохнуло; страшный камень упалъ мнѣ на грудь; я потеряла сознаніе

Дайте отдохнуть четверть часа...

Таня. Она вышла, ну, и трудно же ей, Господи, вѣрно помолиться пошла. Ладно, помолюсь и я, но я не уйду.

Марія. Сколько прошло времени, конечно, я не знаю; но я опять очнулась. Странно, я не знаю, въ какомъ я мѣстѣ, гдѣ я, кругомъ мракъ, и только одинъ Хранитель свѣтился. Я не знаю, сидѣла-ли я, лежала-ли я, я ничего опредѣлить не могла, но мнѣ было все равно. У меня было состояніе пришибленности. Онъ молился и слезы струились изъ его глазъ. Я видѣла, что онъ страдалъ, но мнѣ было все равно. Я чувствовала очень хорошо могилу и ея мракъ. Я чувствовала какъ сырость просачивалась въ гробъ и какъ какія-то насѣкомыя ползали у меня по лицу, по платью и по рукамъ. Я не задыхалась отъ недостатка воздуха, но земля давила меня, а главное, отвратительный запахъ гніющаго тѣла, смѣшанный съ запахомъ цвѣтовъ.

О! проклятые цвѣты, они все преслѣдовали меня, и даже въ могилѣ гнили со мной. Не бросайте, ради Бога, цвѣтовъ въ могилу вашимъ ближнимъ, имъ отъ вашихъ цвѣтовъ такъ гадко.

Хранитель подошелъ, обнялъ меня и сказалъ:

— Помолись.

Но слова его мнѣ опять казались насмѣшкой.

— О чемъ молиться теперь? за что молиться?.. чего просить?.. не все-ли кончено для меня теперь?..

— Оторвись отъ своего тѣла, просиль онъ меня нѣжно и убѣдительно, забудь его, намъ нужно еще многое пережить. Тѣло, вѣдь, прахъ, оно уже стало обращаться въ землю, что тебѣ до него, зачѣмъ оно теперь тебѣ нужно? Уйдемъ отсюда.

— Да, когда я въ могилѣ, увѣряла я его, я въ немъ, въ своемъ тѣлѣ, я связана съ нимъ, что же можетъ раздѣлить насъ.

Но онъ доказывалъ мнѣ, что совсѣмъ этого нѣтъ, что это только мысли мои живутъ въ умершемъ тѣлѣ, что стоитъ мнѣ только смириться передъ своею участью, въ которой переменить ничего нельзя, и все состояніе мое измѣнится. Забудь свое тѣло, говорилъ онъ, молись Богу и сейчасъ мы пойдемъ съ тобой на тяжелое мытарство.

— Охъ! мнѣ все равно. Какія тамъ еще мытарства? Хуже того, что сдѣлали со мной, уже сдѣлать нельзя, хуже этого уже не будетъ.

Онъ сталъ мнѣ подробно все объяснять, но я уже совсѣмъ перестала слушать его. Онъ опять началъ съ начала и все убѣждалъ меня.

Я видѣла всю его скорбь и только удивлялась: «Что ему отъ меня нужно?.. Ну, думала я, онъ ангелъ безгрѣшный, небожитель, и уходилъ бы туда, гдѣ ему хорошо, нѣтъ, сидитъ зачѣмъ-то здѣсь, со мной въ могилѣ, странно мнѣ это показалось, я даже сказала ему:

— Иди ты отъ меня, ты мнѣ совсѣмъ не нуженъ.

Онъ такъ заплакалъ, что мнѣ какъ будто стало его жаль. Я попробовала на минуту сосредоточиться. «Ну, говори, я постараюсь тебя понять!!»

И онъ опять сталъ объяснять мнѣ сначала: Я поняла, что онъ хочетъ показать мнѣ всю мою жизнь.

— Ну, что же, показывай, мнѣ все равно.

Вотъ передо мной стали проноситься картины или миражи моей жизни. Сперва я видѣла себя избалованнымъ ребенкомъ, капризнымъ, непорченнымъ уже съ двухъ лѣтъ, лгуньей, находчивой на все дурное, и знаете, меня все это нисколько не трогало.

— Что мнѣ за дѣло до этого, говорила я.

— Вѣдь, ты виновна, говорилъ Хранитель.

— Очень возможно, говорила я.

Итакъ, неслись картина за картиной и мы дошли до тѣхъ временъ, когда я выросла. Но и тутъ меня ничто

не умиляло, не волновало: ни хорошее, ни дурное. Правду сказать, хорошаго было очень мало: все кокетство, ловля выгоднаго жениха, зависть къ другимъ, гордость и всѣ обыденныя прелести молодой, свѣтской дѣвушки.

Вотъ дошли и до той жизни, которую я вамъ рассказывала. Тутъ я встрепенулась, онъ сталъ показывать всю грязь, всю мерзость моей души и моего сердца, но я заспорила.

— Нѣтъ, говорю, это все ложь! нѣтъ, я не согласна. Конечно, я много дѣлала промаховъ; во многомъ я подло поступала; но я права, ибо меня такіе и люди окружали, что иначе я дѣйствовать не могла. Всегда всѣ оказывались кругомъ виноватыми, но не я, нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ; не я, я была права, иначе я не могла дѣлать, и кто бы ни сталъ меня увѣрять, я скажу: это ложь, я честная женщина, я ни въ чемъ неповинна. Я жила, какъ всѣ живутъ и всегда въ обществѣ будутъ жить, ибо иначе нельзя жить.

И долго онъ все доказывалъ мою виновность, но я ни слушать его, ни смотрѣть его картинъ больше не хотѣла.

Опять почувствовала я въ полной силѣ мракъ могилы, и разложеніе своего тѣла. Опять я копалась въ своемъ гниющемъ тѣлѣ. Тогда Хранитель старался отвлечь мое вниманіе отъ тѣла и мыслей, касающихся меня самой и опять принимался доказывать мою виновность. Онъ часто выбивался изъ силъ, молилъ меня, плакалъ, молился Богу, но все напрасно, я совсѣмъ одеревенѣла, и всѣ его слова были для меня пустые звуки.

Все это тянулось нескончаемо. То его какъ будто отъ меня заволакивало туманомъ; то опять я его видѣла ясно, и каждый разъ какъ я его видѣла ясно, вспомнились глаза Ольги и тогда возставала страшная злоба на то, что она восторжествовала:

«Она тамъ, думалось мнѣ, съ дѣтьми, съ мужемъ, утѣшаетъ ихъ; но люди и свѣтъ ея не примутъ, и я злобно хохотала: Люди и свѣтъ будутъ считать ее убійцей и интриганкой. И я злобно радовалась этому.

Да, видите друзья, и въ могилѣ есть страсти, злоба и всѣ прочія чувства.

Все туманнѣе и туманнѣе для меня дѣлался мой Хранитель, и все сильнѣй и сильнѣй я чувствовала свое тѣло. Я чувствовала, какъ оно давило меня какъ клещами, захватывало меня, я чувствовала весь холодъ смерти, но я жила. Весь смрадъ могилы какъ туманъ носился кругомъ меня и пронизывалъ меня насквозь; холодъ, сырость, и какая-то липкая влага окутывали меня, я старалась что-то сорвать съ себя, что-то сбросить.

Какой-то шумъ—какъ шумъ волнъ, рокоталъ вокругъ меня; иногда мнѣ удавалось какъ будто сбросить отчасти эту тяжесть, забыться, какъ будто, но опять начинали вертѣться какія-то мириады звѣздъ въ глазахъ, опять шумъ и адскій стонъ вырывался у меня изъ груди; звѣзды расходились и я опять видѣла картину за картиной своихъ земныхъ ликованій, своихъ триумфовъ, картины всей своей жизни до мельчайшихъ подробностей, всѣ гадости и мерзости своей жизни и мнѣ дѣлалось невысимо тошно, — и все исчезало. Опять я погружалась въ мракъ и ужасъ.

Да, я боюсь, что вы не поймете и сотой доли того, что я испытала, ибо нѣтъ силъ и средствъ на нашемъ языкѣ передать вамъ и часть всего ужаса и отчаянія. Я чувствовала, что сижу въ могилѣ. Иногда мнѣ казалось, что я выползаю изъ нея, но тѣло хватало меня и тянуло внизъ, опять въ могилу. Опять вижу какія-то звѣзды и слышу шумъ, и опять леденящій шумъ волнъ и какія-то страшныя видѣнія и картины.

Все это не было еще такъ ужасно, пока я не на-

чинала вглядываться въ свое тѣло: я видѣла, что мясо отпадаетъ отъ костей, что мириады червей ѣдятъ мое мясо; это было ужаснѣйшее зрѣлище, а я и тутъ по привычкѣ, пріобрѣтенной на землѣ, старалась сохранить красоту своего тѣла, прихорашивала его, и въ ужасѣ смотрѣла какъ какая-то жидкость выступала черезъ платье и покрывало.

Нѣтъ, опять я больше не могу. Я не могу вынести однихъ воспоминаній объ этомъ. Я ухожу, мнѣ такъ, такъ трудно.

Таня. Ну, знаешь, я и сама такихъ страстей не слышала. Вотъ ужасъ-то какой. Если бы она не была бы духъ, я подумала бы, что она не въ умѣ, Христосъ съ ней. Господи! вотъ она тьма-то, вотъ она! Да, она уже лѣтъ десять, вѣрно, какъ вышла изъ тьмы. Храни Господь ее, несчастную! Знаешь, и я пойду, всегда умерить она всѣ мои чувства.

V.

Августа 23-го дня 1899 г.

Миръ вамъ. Я Марія; мнѣ стало теперь много, много легче отъ того, что я вамъ рассказала, а когда кто прочтетъ, да одумается и падутъ на его сердце мои прости слова, тогда мнѣ будетъ еще отраднѣе. Конечно, я не могу хорошо высказаться, ибо я говорю не словами, а сердцемъ и слезами.

Теперь буду продолжать. Вотъ такъ все долго тянулось; послѣ я стала меньше видѣть свое тѣло, но зато чувствовала его больше. Оно какъ будто вобралось въ меня. Иногда я какъ будто забывала его, только чувствовала его страшную тяжесть, оно тискало, душило меня, и тогда мракъ опять сгущался сильнѣй, рокотъ волнъ былъ громче, и передо мной вновь возставали картины. Нѣтъ, теперь уже не картины, а просто цѣлые

эпизоды изъ моей жизни. Это было еще ужаснѣе! Отчаяніе стало брать меня.

Свой зловонный скелетъ, отъ котораго уже во многихъ мѣстахъ отвалилось мясо до костей, теперь я уже видѣла смутнѣе и рѣже. Нельзя сказать, чтобы мнѣ было лучше отъ этого, но — и то хорошо, что не все одно и тоже. Но за то мысли мои стали много назойливѣй возставать на меня. Вотъ навязывается мнѣ какая-нибудь мысль; она долбила мнѣ мозгъ, сосала сердце; я разбирала ее на разные лады, теряла нить, опять находила ее и все это до тѣхъ поръ, пока чувствовала что-то гнетущее, похожее на то, что если бы вамъ сверлили черепъ.

Мученіе это ни съ чѣмъ сравнить нельзя; гнетъ и томленіе все усиливались, мысль разрасталась, захватывала всецѣло все существо мое, я старалась ее забыть, отбросить, отогнать, но ничто не помогало: она лѣзла въ мозгъ, лѣзла въ сердце; я начинала сознавать гадость и ложь своей жизни, у меня стало проявляться сознание моего зла, но никакъ я не могла понять, что мнѣ дѣлать...

Когда я совсемъ уже изнемогала, мысль уходила отъ меня и я чувствовала, что я мчусь куда-то, что миллионы звуковъ меня преслѣдуютъ, крикъ какой-то, какія-то стenanья мчатся за мной и я очень хорошо понимала, что это все происходило не внѣ меня, но во мнѣ самой... Тогда я опять призывала мысль, опять начиналась работа; работа адская, работа нестерпимая и ни малѣйшаго просвѣта, ни малѣйшей отрады!..

А бѣдное тѣло мое душило меня и все душило меня нескончаемо, и знаете, это было очень странно для меня, я чувствовала тѣло не снаружи, а внутри себя. Я чувствовала, что какъ будто все перевернулось во мнѣ, какъ будто я вывернулась на изнанку.

Страстное желаніе явилось у меня выбросить свое тѣло, или оторвать его отъ себя, избавиться отъ него. И вотъ однажды, когда я такъ ужасно куда-то мчалась, я совершенно случайно вспомнила о Хранителѣ и подумала:

«Хотя бы онъ былъ со мной. Можетъ быть, онъ научилъ бы меня, что дѣлать. И я стала его звать, я стала его молить прійти ко мнѣ и помочь мнѣ.

Тутъ случилось что-то необыкновенное, я увидѣла какъ бы отблескъ или, лучше сказать, какъ бы щель, и оттуда выбивался свѣтъ.

Свѣтъ!... можете-ли вы понять, что такое свѣтъ послѣ тьмы! Нѣтъ, этого никто не пойметъ, кто не былъ во тьмѣ. Ни съ чѣмъ вы не можете этого сравнить. Я бросилась было къ свѣту, но сейчасъ испугалась, я боялась его спугнуть, я боялась шелохнуться; меня охватила опять ужасъ и наболѣвшее сердце начало леденѣть:

— Что если это только иллюзія.

Но свѣтъ раздвигался. Тогда я крикнула:

— Гдѣ ты? и если это ты, приди желанный, не мучь меня, принеси наконецъ мнѣ смерть. Тутъ я увидала его. Онъ былъ такой же, но глаза его сіяли небеснымъ свѣтомъ. Это былъ маякъ къ спасенію и я бросилась къ нему.

— Не смерть, а жизнь я принесъ тебѣ, я принесъ тебѣ миръ и спасеніе.

И я упала на его грудь и слезы его падали въ мое сердце; я чувствовала, какъ какіе-то куски оторвались отъ меня. Мнѣ было невыносимо больно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бесконечно отраднo. Я рада была боли, я такъ давно ея не испытала, и эта самая боль давала отраду. Я даже напрягалась сильнѣй, чтобы вызвать еще и еще эту блаженную боль.

О! зачѣмъ нѣтъ словъ такихъ у васъ, которыя могли бы выразить ясно все, что было со мной. Солнце! по-

вѣрите-ли, солнце сіяло надо мной! я видѣла свѣтъ около себя и около меня было существо, которое меня любило. Въ своемъ несчастномъ состояніи я, кажется, была бы рада самому дьяволу броситься на шею — а тутъ вдругъ около меня и со мной и любить меня чистый, свѣтлый, прекрасный небожитель.

Таня. Она молится и плачетъ горячими, отрадными слезами, которыя облегчаютъ ее и успокоятъ. Отдохните и вы.

Марія. Затѣмъ Ангелъ-хранитель обнялъ меня и сказалъ:

— Обратимся къ Богу, видишь, вонъ тамъ, какъ темная туча; это зло идетъ на насъ, молись. Онъ одинъ можетъ защитить насъ.

Ужасъ вновь охватилъ меня.

— Какъ зло, зачѣмъ зло? опять тьма? Нѣтъ, я этого не хочу!

Но онъ успокоилъ меня.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, тьмы больше не будетъ, только молись.

— Я не умѣю молиться! — зарыдала я.

— Онъ обнялъ меня и сказалъ: повторяй за мной слова.

И я стала повторять святыя слова молитвы. Я просила просвѣтленія, я каялась въ своихъ грѣхахъ; я просила силъ, я просила искупленія, и чѣмъ дальше я повторяла эти слова, тѣмъ отраднѣе мнѣ становилось. Я чувствовала приливъ такой силы, такой подъемъ духа, что мнѣ казалось, что я слыхала ни съ чѣмъ несравнимое чудесное пѣніе, дивные звуки музыки, сердце мое трепетало, а слезы лились потокомъ.

Вдругъ какъ будто что-то заслонило солнце. Я съ ужасомъ прижалась къ Хранителю. У меня мелькнула мысль: что можетъ быть я чѣмъ-нибудь невольно оскорбила Создателя! Но Хранитель указалъ мнѣ, и я уви-

дѣла тучу, состоявшую изъ массы злыхъ духовъ. Они медленно приступали; злорадство было на ихъ лицахъ; я стояла и молилась мысленно. Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и сталъ мнѣ доказывать всю мою грѣховность. Я соглашалась съ нимъ, и при этомъ молила Творца простить меня и защитить. Они читали какъ по книгѣ всю мерзость моей жизни, они много лгали, но я молчала и молилась, Хранитель защищалъ меня, но они все сильнѣй наступали и сильнѣй раздражались.

Тутъ вдругъ я увидѣла какъ солнце сіяющаго старца; онъ былъ весь въ бѣломъ, на груди его сіялъ крестъ. Онъ простеръ руку надо мной, потому что я упала къ его ногамъ; я думала, что Самъ Богъ пришелъ и сказала:

— Я недостойна узрѣть Тебя, они правы, жизнь моя для ада, но Ты милосердъ, дотронься до рабы своей и я съ радостью пойду въ адъ, унося Твою благодать!

Онъ поднялъ меня, прижалъ голову къ моей груди, заплакалъ и сказалъ:

— Я твой покровитель, дитя мое, молись Ему, и благодать пребудетъ надъ тобой. Христосъ насъ слышитъ.

Да, вашими земными словами нельзя передать и той части того, что онъ говорилъ, вашъ языкъ такъ бѣденъ и слова такъ ничтожны, онъ очень много говорилъ мнѣ и я внимала ему съ благоговѣніемъ. Шумъ яקותъ удаляющаго зла сталъ стихать, и солнце опять сіяло. Онъ отошелъ отъ меня, сказавъ:

— Помолись еще и хранитель сведетъ тебя, гдѣ ты найдешь себѣ удобное мѣсто. И онъ исчезъ.

Я рыдала отъ радости и когда успокоилась, я поднялась посмотреть, гдѣ я, и остолбенѣла.

Я стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была моя могила. Мраморная гробница возвышалась надъ ней и золотыя буквы почти уже стерлись, но я ясно прочла:

«Здѣсь покоится прахъ Маріи такой-то», а сверху было написано: «Отъ неутѣшныхъ дѣтей и мужа».

О, какъ я обняла эту гробницу, и губами припала къ дорогимъ словамъ. Мнѣ казалось, что они говорили со мной, я чувствовала, какъ я ихъ любила теперь. И закралась во мнѣ тайная надежда, что можетъ быть они придутъ сюда и я ихъ увижу. Но хранитель сказалъ:

— Пойдемъ отсюда, оставь земное землѣ, не жди ихъ, они не придутъ. Твой мужъ уже старикъ, самъ ждетъ смерти и его давно нѣтъ въ этомъ городѣ. Дочь твоя замужемъ, у ней большія дѣти. Сынъ одинъ умеръ, а другой женатъ и далеко отсюда.

Я поразились. Да когда же? Когда все это могло случиться?

— Прошло тридцать восемь лѣтъ со дня твоей смерти, сказалъ Хранитель.

Я поклонилась праху и мы ушли въ другой міръ.

Съ тѣхъ поръ я первый разъ пришла на землю. Я не скоро разобралась въ своихъ мысляхъ и дѣлахъ и не скоро утихла. Я много, много молилась и одна, и съ Хранителемъ, и съ Покровителемъ, и вотъ теперь, когда я все привела въ порядокъ, я почувствовала желаніе увидѣть дочь и сына. Но опять ужасъ охватилъ меня, что если въ нихъ, особенно въ дочери, я увижу свой портретъ, свои пороки и недостатки? Нѣтъ! нѣтъ! я не могу, силъ не хватитъ опять и въ ней все пережить, что пережила я въ себѣ.

Тогда я стала припоминать другихъ подобныхъ мнѣ дамъ свѣта и жалость къ нимъ сдавила мнѣ сердце. Сколько, сколько такихъ, какъ я!.. Я долго просила Господа научить меня, какъ имъ помочь, моимъ несчастнымъ сестрамъ во Христѣ? — Какъ могу я научить ихъ? какъ могу я отвратить отъ нихъ грозящую имъ участь? — И эта одна мысль доставила мнѣ опять такія

страшныя муки, что Господь сжалился надо мной, и послалъ мнѣ Таню.

О! какое счастье, о! какой восторгъ, я все, наконецъ, высказала, что имѣла сказать, и горе свалилось съ меня. Какъ будто его совсѣмъ не было. Я какъ бы выросла! Да, я плачу, плачу горячо, но слезы эти какъ роса освѣжаютъ меня. О, какъ глубоко я жалѣю моихъ сестеръ, какъ сладостно люблю ихъ за ихъ будущія страданія, и если бы хотя одной только, одной облегчить ея страданія и ея участь, я была бы совсѣмъ въ ней счастлива! На все Его воля. Онъ простилъ кающуюся грѣшницу и воззрѣлъ Своими Божественными очами на ея грѣшное тѣло, а въ лицѣ ея Онъ проститъ всѣхъ, всѣхъ насъ.

Больше нѣтъ у меня словъ; однѣ умиленные слезы; отдайте ихъ моимъ сестрамъ, пусть онѣ хоть отчасти омоютъ ихъ.

Таня. Она ушла. Христосъ надъ ней. Теперь она совсѣмъ другая стала. Ея состояніе улучшилось. Знаете, уходя, у нея было веселое и счастливое лицо и она сказала:

— Въ послѣдній разъ смѣялась я на землѣ, а теперь въ первый разъ съ тѣхъ поръ могу взглянуть весело и спокойно.

Ну, храни васъ Господь! Ухожу и я.

Ив. Карышевъ.

МЕДИУМИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ ТАНИ.

12-го апрѣля 1899 г.

I.

Миръ вамъ, въ мирѣ скорби; я духъ Таня. Прислалъ меня къ вамъ Аввелъ, который васъ хорошо знаетъ; ему сегодня нѣтъ времени, а мнѣ хочется поговорить. Я никогда такъ не говорила; что не такъ скажу, не смущайтесь, скоро научусь. Аввелъ сказалъ мнѣ: «Иди, поговори, тамъ барышни спиритизмомъ занимаются»; вотъ я пришла.

Вопросъ. — Просямъ тебя, Таня, сообщи намъ, кто ты и давно ли ты жила?

Отвѣтъ. — Давно. По вашему, лѣтъ сто. Я хохлушка, но еще маленькая была продана въ Москву. До десяти лѣтъ жила худо; а потомъ при барышнѣ Салимовой была; насъ она грамотѣ учила; у насъ барышня была умная. Насъ было три дѣвочки у ней; мы читали и писали замѣсто ее: она сама не могла писать, слаба глазами была.

В. — Что же, обижали тебя?

О. — Нѣтъ, грѣхъ сказать, за лѣность били немножко; и то старый баринъ, ихъ батюшка. Замужъ я вышла не скоро. Барышня не хотѣла за крѣпостныхъ насъ отдать. Двѣ за приказныхъ вышли, а я за обнищалаго дворянина; у насъ два сына было. Мужъ и младшій

сынъ умерли скоро; а старшій сынъ, офицеръ, долго жилъ. Потомъ я въ монастырь пошла, знаете, Зачатьевскій; мы тамъ ризы шили.

Замужемъ плохо было; билъ меня мужъ; Богъ съ нимъ, а не ропщу. Теперь, здѣсь, мы съ нимъ друзья и даже вмѣстѣ родимся опять на землѣ.

В. — Когда же ты родишься?

О. — Какъ Богъ, Его Святая воля, еще и разговору не было; и гдѣ, все равно, была бы земля подъ ногами, а небо надъ головой; а вотъ, что трудно, это хорошо прожить на землѣ. Охъ, трудно, надо Ангела Хранителя слушаться, и Бога не забывать.

Да, вотъ, хочется мнѣ, когда буду жить на землѣ, то спиритизмомъ заняться, можетъ выучусь. — Зло у васъ очень мѣшаетъ заниматься спиритизмомъ. Да Богъ кому укажетъ, тотъ и занимается. Я, вѣдь, для блага хочу.

В. — Ну, хорошо, тогда мы вѣрно будемъ «духами» и придемъ помогать тебѣ.

О. — Ну, и умна же, ты, барышня!

В. — Не называй насъ такъ, зови по имени.

О. — Какъ хотите, а я, Таня, такой договоръ. Ну, вотъ, я часто буду ходить, поговоримъ, я говорлива.

Какъ хорошо, дѣвочки когда дружба и любовь между душами; Господи, какъ тепло и сладко. А на землѣ особенно надо стараться всѣхъ любить. Гляди на всѣхъ, какъ будто всѣ равны, какъ твои пальчики на рукѣ, какой ни отрѣжь, все больно и жалко; а что худое — не замѣчай. Не нищи худого, а нищи все, все хорошее, во всѣхъ; а если увидишь, что кто дурное дѣлаетъ, да что ему это во вредъ, помоги ему, научи; а не слушаетъ — упроси слушать; такъ то легко все лаской, все весело и такъ свѣтло станетъ. Я хорошо знаю, что у васъ на землѣ со всѣми людьми это трудно, но дѣлайте это хотя между собой и тѣми людьми, которые около васъ. Когда

кто тебя сердитъ, то стерпи; а потомъ самъ подойди съ лаской, какъ будто ничего не было, и станетъ такъ тому стыдно, и въ другой разъ только взглянетъ на тебя и сердце пройдетъ.

Больше всего берегись ближняго застыдить. Знаешь, ничего такъ не портитъ человѣка, какъ стыдъ. Изъ-за стыда человѣкъ Богъ знаетъ, что сдѣлаетъ, изъ себя выйдетъ, право. Знаете, что если каждый будетъ беречь другъ друга, то можно и на вашей землѣ счастливо прожить, такъ что хоть и на Марсъ не ходи, вамъ и на землѣ будетъ хорошо; и такъ радостно будетъ.

Охъ, дѣтки, трудно прожить, всѣ говорятъ, а по моему разумѣнью, помни Бога и люби всѣхъ, вотъ тебѣ и рай. Со всѣми будьте любовны. Противъ любви никто устоять не можетъ, ни одна пушка стрѣляющая не напугаетъ такъ зло, какъ любовь, и руки и ноги, все у него ослабѣетъ.

Знаете, дѣвочки жилъ одинъ баринъ, человѣкъ злой страхъ какой; какъ выйдетъ онъ, бывало, изъ своего дома, то отъ стараго до малаго всѣ трясутся и всѣ измыливали, какъ бы его извести, и онъ это зналъ, а сердце его еще пуце распалаялось. Вотъ, онъ выѣхалъ разъ на звѣря, по вашему, кажется, говорятъ на охоту; и какъ случилось, не знаю, только звѣрь завалилъ его подъ себя, а передъ нимъ никого не было, кромѣ одного слуги, у котораго онъ наканунѣ брата засѣкъ. Вотъ, смерть пришла барину, а вдругъ слуга пропоролъ звѣря и спасъ барина. Даже баринъ подивился и говоритъ:

— «Какъ ты меня спасъ, при такой твоей злобѣ ко мнѣ?» А слуга и говоритъ:

— «Правда, когда звѣрь повалилъ тебя, я обрадовался, а когда глянулъ на тебя, въ твой ликъ, и такъ ты схожъ съ моимъ братомъ вдругъ сталъ, что разомъ мнѣ дорогъ сталъ».

Вотъ, что любовь дѣлаетъ, и много такихъ примѣровъ, охъ, много. Такими любящими душами земля и держится.

Когда я жить буду на землѣ, а вы будете «духами», и я что не такъ буду дѣлать, вы мнѣ сейчасъ скажите: «Таня, помни Бога и помни, что ты намъ сама говорила».

Есть люди важные, не любящіе, Богъ съ ними, вѣдь и имъ свой часъ любви придетъ, но если надо сказать, правду имъ скажи, только съ кротостью; не уколи ихъ, съ любовью отнесись къ нимъ. Христосъ немного словъ говорилъ, а каждое слово за сердце брало. Мы, конечно, такихъ словъ сказать не можемъ, но и у насъ могутъ быть слова отъ сердца.

Господи, какъ я дѣтокъ люблю, что птички райскія, что моя бабуся. Щебечутъ и сладко такъ отъ нихъ, словно звѣздочки они Божіи. Я когда на землѣ жила, неразумна была и все думала; что звѣздочки Божьи — дѣтскія души, и такъ, бывало, гляжу и думаю, и зачѣмъ только ихъ глазки на нашу мерзость смотреть, и таково мнѣ стыдно, бывало, станеть и за себя и за другихъ.

Бывало, какъ сердце возьметъ на отца ихъ, такъ бѣгу къ дѣтямъ своимъ, гляну и раземѣюсь и сердце пройдетъ. Тогда я иду къ мужу:

— Виновата, говорю, невиновата, а прости, ради ихъ свѣтлыхъ глазокъ.

Одинъ мой сынъ рано умеръ, другой еще пожилъ со мной, и послѣ него я въ монастырь пошла. Сначала я все тосковала, а потомъ дольше молилась и скорбь утихла. Я все думала, вѣдь Матушка Божья тоже хоронила Своего Сына, такъ почему же мнѣ не похоронить; а теперь знаю, что хотя однимъ чувствомъ уподобилась Ей, даже любо стало пострадать; да и какое сердце горе не жгло?

Ну, будетъ пока, устала, не осудите, а я постараюсь угодить вамъ.

II.

17-го апрѣля 1899 г.

Миръ вамъ, въ мирѣ скорби! Не угадали друга; это я, Таня. Ишь какіе вы ласковые, не знаю какъ благодарить; мнѣ стыдно! Ну, какъ живете, какъ Бога славите? И какъ люблю же я васъ.—Сегодня вы всѣ тутъ; вотъ радость-то какая; ну, что вамъ сегодня сказывать; дайте зацѣпу, я и начну.

В. — Ну, а сегодня, Таня, ты Расскажи намъ, все по порядку, какъ ты умерла, тебѣ не трудно это вспоминать!

О. — Почему нѣтъ? Хорошо, немного страшновато, да ничего.

Моя смерть для меня чудная была. Не заскучаете, расскажу. Вѣдь, всѣ будете умирать, може, что и пригодится. Вотъ, какъ это было, я все подробно расскажу, что помню.

Я, вѣдь, въ монастырѣ была. Я работала, золотомъ шила и въ церкви читала. Было мнѣ уже подъ пятьдесятый годъ; но я бодря была. Только вдругъ напала на меня слабость и отъ вѣды отбило, но болѣзни никакой не было. Я было думала отъ лѣни; со мной лѣность бывала. А потомъ стала спина болѣть и грудь; думаю, отъ поклоновъ; а у насъ, вѣдь, трудная служба. Но всѣ стали говорить:

— Что это ты, мать Маланья, измѣнилась въ лицѣ.

Такъ, должно быть, съ мѣсяцъ,—а затѣмъ разъ проснулась и поднять не могу ни рукъ, ни ногъ, и все лежала. Монашки ходили ко мнѣ, утѣшали, читали и мнѣ ничего было, только тоскливо. А разъ и матушка игуменья пришла и говорить:

— Что это ты, Маланья, представиться, что-ли, хочешь? И отъ этихъ словъ такой страхъ на меня напалъ, что

мѣста не найду: — Нужно, говорить она, ее приобщить къ Святымъ дарамъ.

Вотъ, какъ я испугалась смерти; а пуще всего, что меня закопають. Нѣтъ мнѣ покоя; стону и молюсь еще пожить, — глупа была. Всѣ ушли, а я лежу и все думаю.

Вдругъ, вижу, свѣтло такъ стало и въ родѣ облака; я смотрю на стѣны, а ихъ нѣтъ; и вижу я, стоитъ какая-то дѣвушка вся въ бѣломъ, такая прекрасная, такая добрая и лицо будто знакомое, и говоритъ:

— Таня, не смущайся смерти, родиться труднѣй; сними ветхое платье и облекись въ Божьи ризы. — Удивилась я ея словамъ и говорю ей:

— Сними съ меня страхъ земной!

И положила она мнѣ одну руку на голову, а другою надъ лицомъ помахала; пошелъ вѣтерокъ, и такъ это мнѣ радостно стало.

Вдругъ слышу кто-то говорить:

— Матушка, а матушка, я и очнулась; вижу келейницу. — «А я думала, ты уже умерла; и такое у тебя лицо, и холодна ты».

Я все ей рассказала, что было со мной. Всѣ приходили и спрашивали. Я и имъ все рассказывала, что со мной было. И откуда только силы у меня взялись.

Дошло до матушки игуменьи, пришла и она; принесла съ собой книгу и перо, и говоритъ:

— Расскажи все намъ, Маланья, что съ тобой было? Все я рассказала, а она записала и говоритъ:

— Послать нужно за Святыми Дарами, може, до обѣдни не доживетъ, и ликъ у нея предсмертный.

— Нѣтъ, говорю, хочу послѣднюю литургію слушать; сама пойду.

— Ну, смотри, говорить, какъ бы грѣхъ не вышелъ.

Такъ до утра меня караулили монашки по очереди. На утро приказала матушка игуменья везти меня на та-

ратайкѣ. У насъ безногая монахиня была, это ея таратайка; а въ церковь я сама вошла; и откуда только силы взялись, одна радость меня несла; какой-то восторгъ окуталъ.

Принесли мнѣ мягкій фотель, но я больше стояла сама на ногахъ и такъ хорошо мнѣ было, такъ хорошо, что и не расскажешь. Когда батюшка меня про грѣхи спрашивалъ, я только и могла ему говорить:

— Все забыла, все забыла; я такъ рада, я такъ рада!

И сама такъ твердо къ чапѣ подошла. А потомъ вдругъ ослабѣла и ужъ ничего больше не помню; не знаю, какъ и въ келью донесли.

Стали меня масломъ мазать, а я что слышу, а что и не слышу. Вдругъ, вижу я, надо мной кто-то порхаетъ; а это мой Ангелъ Хранитель въ своемъ тѣлѣ. Вижу, онъ мнѣ улыбается и говоритъ:

— Таня, не робѣй, я съ тобой; немножко хоть помолись. Такъ то, дорогіе, и за что бы, кажется, такъ хорошо.

Вотъ взялъ Ангелъ Хранитель и положилъ свою руку мнѣ на голову, поцѣловалъ меня въ лобъ, въ очи, въ уста и меня какъ не стало, только отъ головы до ногъ какъ молнія прошла, и увидала я, что стою у ногъ своего тѣла. Удивилась я и говорю:

— Нешто я умерла? А сама все слышу, и чувствую, что спина болить.

— Забудь, говорить Хранитель, а самъ мое земное тѣло крыломъ отъ меня же и закрываетъ. «Теперь это брешь, Таня!»

А я все твержу: «Что ты, они меня ворочаютъ, и мнѣ больно».

— Брось, говорить, молись!

А мнѣ все это дивно стало. Дай, думаю, я своимъ монашенкамъ что-нибудь скажу.

— Оставь, говоритъ Хранитель, молись, видишь — тебя уже смущаютъ.

Глянула я въ уголь, а тамъ Господи, какая страсть, ажно тошно стало. Съ перепугу какъ крикну: «Влѣзу назадъ въ свое тѣло.»

— Что ты, говоритъ Хранитель, удерживая меня, молись, говорю.

Тутъ пришли еще какіе-то и будто умершій сынъ мой и радостно мнѣ и страшно ужасно, и хочется мнѣ куда-нибудь спрятаться. Потомъ стали тѣло хоронить, а я все думаю:

— Не можетъ быть, что я умерла, странно мнѣ все это, и я все вижу и все слышу, а какъ на тѣло взгляну — даже грудь и спина заболить.

Потомъ вижу, въ могилу несутъ; тутъ опять смущеніе стало брать, а Хранитель все повторяетъ: «Молись да молись!» А я уже и не понимаю, какъ и о чемъ молить.

Какъ стали опускать мое тѣло въ могилу, Хранитель закрылъ меня совсѣмъ крыльями своими и все говоритъ: «Молись!» А какъ грохнетъ земля въ первый разъ на гробъ, я такъ и упала на земь и не стало мнѣ ничего видно; вижу только Его одного, а сама я плачу. Онъ гладилъ меня, утѣшалъ; а у самого слезы; вѣдь, и имъ жаль тѣла.

— Теперь, говоритъ Хранитель, мы пойдемъ съ тобой, Таня, проживать жизнь съизнова. Помолись, чтобы Господь помогъ намъ себя осудить по праву и честно и не скорбно.

Вдругъ вижу, что я сижу на лавкѣ, вижу, что я махонькая дѣвочка, а матушка блины печетъ, я утянула тихонько блинъ и ѣмъ, да какъ мать оглянется, а я за спину блинъ прячу.

Первый въ жизни моей грѣхъ! украла! Говорю: «да я была не разумная.» А Хранитель говоритъ:

— А утянуть разумная? — А умѣешь прятать?

Вотъ, такимъ манеромъ много я такъ увидала своей мерзости, ужъ такъ тошнехонько стало. До пятнадцати лѣтъ такъ шагъ за шагомъ дошли, всѣ свои грѣхи увидала съ начала жизни, всѣ ихъ поняла и прочувствовала и переболѣло сердце мое:

— Не хочу больше на себя смотрѣть, говорю, куда меня дѣвать, такую гадину?

— Не робѣй, что ты, хуже бываетъ, ты только покоряйся, да молись, чтобы Господь помогъ не пропустить чего.

— Не могу, говорю, тошнехонько!

— Ну, и будемъ тутъ стоять до темноты.

Ну, что же, согласилась я съ Хранителемъ, дѣлать нечего, опять пошла. И такъ все ходили до послѣдняго часа жизни.

— Ну, теперь, Таня, говоритъ Хранитель, самое трудное будетъ. Не пугайся, придетъ зло и будетъ спрашивать отчетъ; оно будетъ лгать, не смущайся, на все говори: «я повинна передъ Богомъ, Его Святая Воля а не вамъ меня судить».

Какъ налетятъ, Господи, какъ загалдятъ, крикомъ кричатъ и всѣ разомъ лѣзутъ. Ужасъ такой, что страсть! Кричатъ: «ты и то забыла, и то забыла, и ты наша, говорятъ, пойдемъ съ нами и тебѣ хорошо у насъ будетъ!»

Господи, вотъ напугалась; думаю: «Что же теперь дѣлать? Куда отъ нихъ бѣжать?» Хранитель же все ихъ удерживаетъ и отстраняетъ, а самъ все молится:

— Огради насъ, Господи, и не оставь, а внуши!

А я просто огадѣла отъ нихъ, потеряла голову, да какъ крикну: «Господи, суди Самъ, а ихъ прогони, по что меня оставилъ, кто же насъ защититъ, какъ не Ты?»

Тутъ увидала я, что они стали утихать и пятиться, а Хранитель впередъ вышелъ и шепчетъ мнѣ: «Молись!»

Это самое трудное время послѣ смерти, какъ они подступятъ, да какіе же они страшные, да какіе мерзкіе. Какія мерзкія слова говорятъ, охъ!! и не дай Богъ ихъ видѣть! Да, страшные они такіе, рубахи черныя, лица эфіопскія, волосища тычкомъ стоятъ, а глазища такъ и сверкають. Скажу, эти еще ничего, а еще хуже бывають — это я уже потомъ видѣла. Теперь я ужъ по привыкла, а допрежь, какъ духъ ихъ заслышу — бѣгу, куда глаза глядятъ, и сколько они меня пугали, Богъ прости имъ за меня.

Ну, такъ вотъ, какъ я завопила, а они стали отходить, онъ и говоритъ:

— Ну, Таня, поздравляю тебя, теперь будемъ искупать свои грѣхи и пойдѣмъ съ земли туда, гдѣ Богъ тебѣ указалъ.

И стали мы подниматься высоко, страхъ высоко и все летѣли и летѣли и наконецъ опустились на планету, совсѣмъ не похожую на землю. Свѣтлая такая эта планета и мнѣ такъ-то легко, и я плачу, и смѣюсь, и молюсь, и такъ счастлива, что, кажется, весь міръ обняла бы и поцѣловала.

— Ну, теперь я тебя одну оставляю, помолись, успокойся и не бойся, зло не придетъ, а я приду скоро.

Господи, какъ все было хорошо: и цвѣточки, и деревья, свѣтло такъ и легко на душѣ и тѣло легче пуха; совсѣмъ не слышу себя, такъ хорошо, что словъ нѣтъ сказать! Молюсь Господу и словно Его слышу, вотъ-вотъ Онъ тутъ. Такъ, не помню времени, но видно много его прошло, все я одна была, или съ Хранителемъ. Далеко я не отходила, все тутъ же около бродила.

Онъ повелъ меня къ другимъ душамъ, Боже, сколько ихъ было, какія онѣ всѣ чистенькія, какія ласковыя и

привѣтливья! Всѣ цѣлуются, всѣ ласкають меня и Аввелъ меня принялъ тоже ласково, такъ что я даже застыдилась и говорю:

— Какъ же мнѣ съ вами жить, вы всѣ бѣленькіе, чистенькіе, а я въ черномъ; а мнѣ говорятъ:

— Что ты, глянь на себя.

Я какъ глянула и увидала, что и я въ бѣлой рубахѣ, какъ и они, и съ поясомъ и въ первый разъ такъ захохотала, что всѣ засмѣялись.

Ну, вотъ, такъ тамъ и живу по сейчасъ, и хорошо то мнѣ, такъ хорошо — и словъ нѣтъ рассказать. Ну, такъ храни васъ Господь, цѣлую васъ въ головки ваши разумныя.

III.

19-го апрѣля 1899 г.

Вотъ и я — Таня. Миръ вамъ. Аввелъ занятъ дѣлами, вотъ я и пришла. Не надоѣла еще? Ну, вѣдь, отъ меня польза не велика. Не надолго зашла. Ну, что вы, какъ живете? что хорошаго? что новаго? У насъ все хорошо: молимся, Бога славимъ, дѣла у кого есть; у меня мало дѣлъ; куда пошлютъ, туда иду; сама ничѣмъ не занимаюсь, а при другихъ больше. Я при Аввелѣ.

Можетъ, вамъ что нужно? Я могу услужить, мнѣ на радость послужить. Можетъ, что узнать надо? можетъ, что передать кому? я на это горазда и ловка.

Для меня теперь все хорошо, и такъ хорошо, что лучше и нельзя. Если бы вы знали, какъ Господь о насъ печется; да какъ любитъ. Ни одна мать не можетъ такъ заботиться о дѣтяхъ, какъ Онъ о насъ; потому что каждая мать еще и себя любитъ, а Онъ только всѣхъ насъ.

Вотъ, небось, вамъ интересно знать, какъ мы, духи,

живемъ? Ну, вотъ, скажу: у насъ сто три планеты; кому какая. У насъ на планетѣ, гдѣ я, «духи» дѣлятся на части по три десятка, а такихъ шестьсотъ, вотъ, какъ много. Но не всѣ постоянно бываютъ на планетѣ, больше они въ отлучкѣ, ихъ посылаютъ по дѣламъ. Нами, каждой группой, управляютъ тѣ, которые должны родиться на Марсѣ. У насъ хорошо; планета чистая, есть цвѣты, лучше, чѣмъ на землѣ. Наши духовныя цвѣты эти для васъ невидимы. Звѣрей и птицъ у насъ никакихъ нѣтъ, но, вотъ, есть мотыльки, есть пещеры, горы хрустальные. Три солнца; тьмы нѣтъ; растительность разная и роскошнѣйшая, какой на землѣ и во снѣ не увидѣть. Солнце больше видно, чѣмъ у васъ; на небѣ всегда одно, а то два. А черезъ десять лѣтъ, по вашему, по три солнца разомъ бываетъ на небѣ, свѣтятъ.

В. — Свѣтло тогда?

О. — У кого на сердцѣ свѣтло, то свѣтло, а когда темно, то и при трехъ солнцахъ темно. Намъ весело: мы молимся, работаемъ, куда пошлютъ, идемъ, славимъ Бога, много поемъ, приходятъ святые, ангелы-хранители, ангелы, весело! И Матушка Богородица бываетъ; ужъ Она такая, какъ глянетъ, то разомъ поймешь все величїе Господа! А разъ Христосъ былъ; ну, ужъ Этого и разсказать не умѣю, когда поумнѣю, разскажу. Къ намъ и зло иногда заходитъ; ну, ужъ это отъ насъ самихъ бываетъ; если когда кто изъ насъ смутится; ну, тогда мы всѣ соберемся и вмѣстѣ его гонимъ.

В. — Ну, а есть-ли у васъ жилища на вашихъ 103-хъ планетахъ, и какъ вы живете?

О. — Ну, вотъ это, я такъ понимаю; что какія у насъ жилища на видѣ. Ладно, скажу. У насъ, конечно, нѣтъ хатъ и хоромъ, а такъ, кущи больше; есть души, что живутъ на горахъ. У насъ, вѣдь, не такъ, какъ у васъ,

гдѣ хочеть, тотъ тамъ и молится. У насъ для отдыха и молитвы есть мѣсто опредѣленное. Вотъ я живу, у меня чудесно: восемь деревьевъ, маковки сошлись; подъ ногами цвѣты и небо видно и солнышко; я люблю просторъ. Есть у меня камушки, я сижу на нихъ, а отдыхаю на травкѣ. А есть такіе, что живутъ въ пещерахъ; какъ кому любо; живутъ на лугу, при рѣкахъ, живемъ по одному больше, ну, кто какъ хочеть, у насъ запрету нѣтъ жить, какъ хочешь, такъ и живи себѣ.

В. — Гдѣ-же находятся эти ваши планеты, около земли?

О. — Вокругъ всей нашей солнечной системы идутъ. Это все духовныя планеты, вы ихъ не можете видѣть, даже когда планеты наши совсѣмъ близко отъ земли. Ихъ всѣхъ не сто три. Отецъ Аввелъ на другихъ планетахъ живетъ; у нихъ еще, кажется, сто восемь планетъ, вѣрно не скажу, не знаю.

В. — Называете вы наши матеріальныя планеты такъ, какъ мы ихъ называемъ или у васъ свои для нихъ названія?

О. — Нѣтъ, у насъ названія планетамъ другія, не такія, какъ у васъ. Венера у насъ называется «*Начало жизни*»; ваша земля—*Скорбь*; Марсъ по нашему *Нормальная*, а Юпитеръ—*Высшая*; Сатурнъ мы называемъ *Радость*; Уранъ—*Любовь*, а Нептунъ—*Слава Божья*. Есть еще, она называется «*Начало верха*», есть и еще одна, но не знаю даже какъ и назвать ее. Про эту планету мы ничего не знаемъ.

В. — А вы, души, какъ называете эти планеты на своемъ языкѣ? Передай намъ звуки.

О. — Ну, что ты, развѣ это можно! У насъ совсѣмъ по другому. Попробуй своими буквами передать журчанье ручья или грозу и бурю. Этого нельзя. Вотъ начало жизни скажу по нашему: с-т-р-о-г-о-в, только выкинь

изъ слова «о» и горломъ скажи, умудрись, чтобы и было «о» и нѣтъ его. Да и что говорить—ничего не выйдетъ, нельзя.

В. — Какой же величины ваши духовныя планеты?

О. — Разныя, вотъ первая стада побольше, а вторая поменьше.

В. — А что это такое стада?

О. — Ну, это ступень, группа; вотъ я въ четвертой стади, а всѣхъ двѣнадцать съ Марсовыми.

В. — А нашъ отецъ гдѣ?

О. — Что-то не знаю; у него двѣнадцать подъ началомъ, а самъ онъ, вѣдь, тоже, кажись, въ восьмой стади. Я не знаю, кто онъ и изъ какихъ, онъ у насъ рѣдко бываетъ, только за дѣломъ. Онъ у Христовой пристани въ работникахъ.

В. — Это что же значить?

О. — А это, видишь, у Христа двѣнадцать апостоловъ, а отъ нихъ двѣнадцать пристаней.

В. — Что же это значить пристань?

О. — Ну, какъ тебѣ сказать, по выбору; вотъ есть какіе сами ведутъ дѣла, а есть у пристани: куда выберутъ, туда и идутъ, это самые что есть работники по міру. Насъ не Христосъ посылаетъ, а высшіе «духи», они только съ Его благословенія, или кому Онъ укажетъ ихъ благословить. Вотъ они чаще Его и видятъ, но зато съ нихъ Онъ ужъ и спрашиваетъ. Ихъ работа трудная, зато и грѣхи они не сами искупаютъ, а ужъ за дѣломъ прямо Ему складываютъ. Онъ и судить и прощаетъ. Ну, и труда же много у нихъ, все со зломъ, да со зломъ. Трудно имъ, вы сами, вѣдь, слышали про старшого? про Денницу-то? вотъ и де него самого доходятъ, а это ужъ не дай Богъ! Это сто грѣховъ лучше на себя взять, чѣмъ разъ его повидать.

В. — Ну, скажи, Таня, ты говорила, что на вашихъ

планетахъ есть бабочки. Какихъ цвѣтовъ и какой величины онѣ?

О. — Бабуси у насъ какъ цвѣточки, онѣ легкія, живучія и есть большія, какъ у васъ птички. А цвѣта онѣ разнаго: есть золотыя, есть и серебряныя, и всякія. Формой онѣ похожи на вашихъ бабочекъ, и усики такіе же у нихъ; сидитъ напротивъ тебя и мотаетъ усиками.

В. — Онѣ такія же пугливыя, какъ и наши.

О. — Нѣтъ, сами лѣзутъ къ намъ. Онѣ такія духовныя, какъ и наша планета. Формы онѣ разныхъ, но только всѣ летучія, есть какъ колокольчики звенять, а то горять, какъ огонекъ, но это все бабуси, мы ихъ такъ зовемъ. Онѣ къ намъ очень привыкаютъ. Вотъ и у меня живутъ три бабуси, одна съ огонькомъ, а то большая, цвѣтная, разумная такая, говорю: «Давай, бабуся, Бога славить»,—она и запоетъ; вотъ какая. Эту я какъ друга люблю. А другихъ животныхъ у насъ никакихъ нѣтъ.

В. — А, что, Таня, ваши бабочки умираютъ?

О. — У насъ смерти нѣтъ.

В. — А куда же онѣ дѣваются?

О. — А кто ихъ знаетъ, мнѣ самой это на мысль не приходило.

Мнѣ пора, отецъ, вѣдь, строго, онъ и те сказалъ, отпуская меня къ вамъ:

— Смотри, заговоришься и безъ дѣла останешься. Охъ, бѣгу, прощайте, да хранитъ васъ Богъ и Царица Небесная.

IV.

8-го мая 1899 г.

Какъ только сѣли за сеансъ, кто-то началъ писать, но мы бросили и выждали нѣкоторое время.

— Охъ, что это у васъ сегодня нечисть какая!

В. — А знака твоего они не видали?

О. — Нѣтъ, я выжидала.

В. — Какъ же ты ихъ прогнала?

О. — Да говорю, покровителя позову, да молитвой; они ужасно какъ не любятъ молитвы. Вотъ, грѣшна я, не люблю эту нечисть.

В. — Кто же это былъ?

О. — Кто ихъ знаетъ, изъ душъ кто-то, вѣдь, привязываются онѣ. А знаете, други, у васъ около дома много ихъ и какихъ только нѣтъ; вы-бы какъ-нибудь отгоняли. Много ихъ и всѣ въ окна и двери заглядываютъ и плюютъ, какъ чисто мразь одна! И, Господи, что имъ надо, вотъ гадость какая! Я, мои голубчики, теперь не надолго, должна буду идти по дѣлу Аввела. Забѣжала только, чтобы обмана не было и не сказали, что Таня врунья. Хотъ болтлива я, но не врунья.

— Ну, какой же вамъ отвѣтъ держать?

В. — Какъ хорошо ты говоришь по-русски; сто лѣтъ какъ умерла и не забыла.

О. — У насъ, вѣдь, много есть русскихъ; мы иногда говоримъ и по-русски, когда захочется. Души, какія недавно умерли, онѣ любятъ прямо разговаривать, а не мыслью. Говорить-то не забыла, а многое что забыла, вотъ какъ вѣдать совсѣмъ забыла; холодъ, жаръ совсѣмъ забыла и про боль тоже. Скажите мнѣ, други мои, что холодъ или жаръ языкъ кусаетъ?

В. — Жаръ кусаетъ, а холодъ ломить.

О. — А вкусъ какой бываетъ? Кислый нехорошо, сладкій помню, это — медъ; горько помню — трава полынь. А соленый вкусъ забыла. Соль — это песокъ бѣлый, знаю, а на языкъ забыла. Полынь помню, а горько и солено мѣшаю. Правда, грузди въ соли? вотъ вспомнила. А у печи жарко и какъ еще жарко? Потъ идетъ на работѣ въ полѣ, такъ, такъ помню, какъ сонъ. А болитъ разное: ломить, щиплетъ. Усталость и у насъ бываетъ, но мало похожа она на вашу, должно быть.

В. — А ты много работаешь?

О. — Не очень, можно больше, я не напраниваюсь и не отказываюсь, какъ другіе хотятъ, такъ и пошлютъ.

В. — Слышишь, какъ мать Ольга поетъ пѣсню? (надо сказать, что мать Ольга прекрасно поетъ).

О. — Прислушалась, думала, что кто-то мучается чѣмъ-нибудь, болень или скорбь у него большая; не веселія пѣсни у васъ на землѣ. Я много прислушивалась, нѣтъ у васъ хорошей музыки. У насъ хорошо поютъ, я пою, но лучше меня многіе поютъ. Ангелы всѣ, какихъ видала, поютъ прекрасно, такъ хорошо, что намъ далеко до нихъ.

В. — А играете вы на инструментахъ?

О. — Можно, друзья мои, почему же? У насъ всѣ инструменты есть. Стоитъ захотѣть, такъ они и явятся; можно играть каждому, кто на чемъ хочетъ. Какъ вамъ объяснить, такого слова у васъ нѣтъ, это ни мысль, ни способность созданія вещей, а что-то иное, очень простое для насъ, а для васъ очень мудреное и совсѣмъ вы не поймете. Вотъ, если я захочу, то оно сейчасъ и явится. Захочу имѣть фортепіано, а оно и здѣсь. Потомъ какъ не надо, оно и пропадаетъ. Ну, эту силу надо примѣнять тоже съ осторожкою, не все, вѣдь, намъ и позволительно, за многое отвѣтить можно.

В. — Теперь скажи намъ, Таня, какъ вы, «духи», отдыхаете и молитесь?

О. — Мы, конечно, не спимъ; но отдыхать — отдыхаемъ. А отдыхъ нашъ въ молитвѣ. Нашу молитву вамъ трудно понять. Вотъ, сядешь, или ляжешь, или просто стоишь и начнешь думать о Богѣ; и такъ станетъ легко и свободно, даже нѣніе ангеловъ слышишь, и сама начнешь пѣть, и какъ будто тебя уже нѣтъ, а ты тамъ далеко, далеко гдѣ-то, а когда очнешься, даже удивисься. Бываетъ, что одна молнишься, а то и съ другими.

В. — Вѣдь, у насъ на землѣ самая обыкновенная молитва — просьба, такъ что ваша молитва на нашу не похожа?

О. — То другое дѣло; то, когда молишь или просишь чего-либо у Бога или у Покровителя, либо у Матушки Божіей; это, вѣдь, порой и намъ душамъ надо; а какъ же ты думаешь? а то, отдыхъ, какъ бы силы мы свои въ Святая Святыхъ черпаемъ, какъ бы туда уносимся и ангеловъ какъ бы оттуда слушаемъ, а въ глазахъ свѣтъ, и душа трепещетъ и таково-то сладко и хорошо! — Не передашь всего этого. Сначала, когда мы учимся молиться, то молимся съ Ангеломъ-Хранителемъ, а потомъ, когда выучимся молиться, то молимся одни; ко мнѣ Ангелъ-Хранитель сначала часто ходилъ и онъ меня научилъ какъ молиться; а теперь я привыкла и онъ рѣже ходитъ.

В. — Опиши намъ своего Ангела-Хранителя.

О. — Ну мой очень хорошенькій, кудрявенькій, бѣленькій, глазки что цвѣточки, кудряшки бѣленькія, крылышки всѣ бѣленькія, свѣтленькія. Рубашечка у него свѣтлая, поясочекъ золотенькій и крестикъ на груди золотой. Только золото у насъ не такое, какъ у васъ, а легкое, какъ воздухъ вашъ; ну очень, очень хороши. А добрый то онъ какой; какъ скажетъ: «Таня моя!» я такъ и расплывусь отъ любви. Вотъ теперь скоро онъ къ другой душѣ уйдетъ.

В. — Какъ часто ты молишься?

О. — У насъ нѣтъ времени, а молюсь какъ душа просить, а ужъ не знаю какъ, но, должно, часто молюсь.

В. — У насъ много молитвъ, а у васъ есть ли онѣ?

О. — У насъ тоже есть молитвы на каждый случай: если отъ зла надо оградиться или молиться о тѣхъ, кто во тьмѣ; есть молитвы отъ страха; но это все у насъ не молитвами называется, а огражденіемъ. Еще у насъ

пѣсни есть, мы сами ихъ складываемъ и отъ ангеловъ учимся. Питаемся мы эфиромъ, вдыхаемъ его, какъ вы воздухъ. По его волнамъ мы можемъ узнать — гдѣ мы, сколько волнъ вышло; это какъ бы, по вашему, время, но какъ это происходитъ, вамъ, мои родные, не понять.

В. — Сколько у васъ тѣлъ, одно или два: говорятъ, что два?

О. — Постой, это правду говорятъ, только далекую правду. Въ день, когда мы умираемъ, у насъ есть тѣло, но не такое, какъ земное, вѣдь, вы меня не видите? Ну, вотъ, чѣмъ человекъ лучше жилъ, тѣмъ у него лучше оболочка, но онъ можетъ ее сгустить что ли, это по вашему, и такъ сгустить, что станетъ какъ вы, какъ ваше тѣло, и даже какъ на Венерѣ. А тоньше мы не можемъ сдѣлать, какъ кому опредѣлено. Вотъ злу лучше сгущаться, а чѣмъ чище духъ, ему труднѣе сгущаться, но опять этого нельзя сказать про всѣхъ; другіе могутъ это легко дѣлать, но дѣлаемъ мы это только съ разрѣшенія Бога, или выснихъ духовъ. А собственно тѣло у насъ одно.

В. — А какъ вы питаетесь? Трудно здѣсь у насъ вамъ питаться?

О. — Ничего не трудно, все тоже; вѣдь, и у васъ эфиръ есть. Правда, онъ немного измѣненъ, но мы, вѣдь, запасаемъ, когда идемъ въ вашу сферу.

В. — Можете ли вы быть невидимыми для другихъ «духовъ», когда того захотите?

О. — Если нужно душу укрыть отъ кого-нибудь, то или Ангелъ-Хранитель крыломъ прикрываетъ, или у кого есть особый фелонъ. Это такое покрывало, вѣрно не знаю, есть-ли оно у всѣхъ, но у многихъ есть, а если нужно для дѣла, то передаютъ другимъ.

Ну, пора мнѣ. Сидите смиренно, всѣхъ поцѣлую.

V.

30-го Маи 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и Таня. Какъ живете? Ну, про что говорить? Про молитву? Ну, ладно. Видите, мои дорогіе, я скажу вамъ, что въ первый разъ молитва, какъ и все, началась въ Святая Святыхъ.

Послѣ того, какъ ушелъ Денница отъ Бога, пошла великая скорбь и многое измѣнилось и многое стало не такъ, какъ прежде было. Въ особенности стало трудно людямъ, которые жили на планетахъ, ибо Господь уже пересталъ вести непосредственную съ ними бесѣду, какъ было прежде. Святая Святыхъ закрылась для всѣхъ, кромѣ тѣхъ ангеловъ, которые въ Ней остались для исполненія своего служенія при Богѣ, но и у нихъ не у всѣхъ стали однѣ мысли. А люди-то бѣдные, каково имъ было? вѣдь, Денница и его приспѣшники ушли въ міръ и каждую минуту могли къ нимъ придти, соблазнить, смутить. Вотъ, Господь тогда и сказалъ:

— Не думайте, что Я васъ покинулъ въ своей скорби. Нѣтъ, хотя Святая Святыхъ и закрылась, но Я дамъ Вамъ то, что всегда откроетъ вамъ дорогу ко Мнѣ, Я дамъ вамъ молитву.

Ну вотъ, это и есть то чувство, когда ангелъ, духъ или человѣкъ, хочетъ соединиться со своимъ Господомъ, когда ему нужно повѣдать что-либо сокровенное, что-либо попросить у Него, или даже просто соединиться съ Господомъ и получать отъ Него ту силу, ту поддержку, которая поможетъ ему идти дальше; тѣмъ болѣе, что каждая душа, выйдя изъ Святая Святыхъ, получаетъ забвеніе и идетъ въ потьмахъ и только Онъ Одинъ можетъ ей напомнить всѣ ея обязанности и направить ее. Конечно, Господь и безъ насъ ежечасно

знаетъ, что съ нами, да, вѣдь, мы то не знаемъ, идемъ ли мы правильно, идемъ ли мы по Его пути; не сбились ли. А еще, когда у насъ сильная скорбь, то, вѣдь, мы и не знаемъ, зачѣмъ она намъ послана — а черезъ Него мы все узнаемъ.

Еще скажу для примѣра: если есть у тебя кто-нибудь, кого ты очень любишь, и вы разстались давно, и находитесь далеко другъ отъ друга, ты, можетъ быть, и знаешь, что твоему другу хорошо живется, а все же ты пишешь ему, и отъ другихъ узнаешь, что онъ тамъ дѣлаетъ, и когда получишь хотя самую малую вѣсточку, то тебѣ бодро, легко и радостно — то же самое и съ молитвой. Еслибы мы не молились, то сначала тосковали бы очень, потомъ огорчались, а потомъ отвыкли бы, забыли бы всѣ Его слова, весь свой завѣтъ съ Нимъ и со-всѣмъ бы забыли, что есть Господь. А черезъ молитву наши души соединяются съ Нимъ, и все, что есть въ насъ, черезъ это освящается. Мы черпаемъ отъ Него силу и опять идемъ бодро, смѣло, съ радостью, а какъ начинаемъ падать, опять къ Нему обращаемся и это насъ постоянно поддерживаетъ и даетъ силу. Ну что, развѣ это не правда? Вѣдь, у насъ нѣтъ почты и разныхъ машинъ и не говорятъ по проволокамъ, какъ у васъ, у Бога все просто, сказалъ въ сердцѣ своемъ и Ему уже извѣстно, и Онъ уже слышитъ. И о чемъ бы вы ни молились, все до Него достигнетъ.

Люди часто говорятъ: «можетъ быть, я не разумно молюсь, можетъ, этого Богу и не надо». Не смущайся этимъ, подумай, вѣдь, если твое дитя не будетъ приходить къ тебѣ и говорить тебѣ все, что у него на умѣ, и на сердцѣ, какъ ты его направишь? какъ ты ему укажешь, что это не хорошо, что это дурно, неразумно? Такъ и мы Его дѣти, черезъ молитву поучаемся душой.

Иногда у васъ говорятъ: зачѣмъ нужно креститься? Зачѣмъ становиться на колѣни? Зачѣмъ нужно припадать къ землѣ, вѣдь это смѣшно. А по моему разуму, совсѣмъ не смѣшно. Не смѣшно ли тебѣ будетъ, если къ тебѣ придетъ ребенокъ твой, станетъ въ сторонѣ, а ты въ другой и будете говорить одни слова, ни руками, ничѣмъ не шевеля? Вѣдь, хочется же тебѣ, если ты любишь, ни одни слова говорить, а и приласкать, по головѣ погладить, руками всплеснуть, поцѣловать? Вотъ, тоже самое, когда ты молишься, ты чувствуешь Господа и принадаешь къ Его ногамъ, цѣлуешь мысленно Его и если не Его Самого, то Его изображеніе.

Крестъ ведется отъ Спасителя, освятившаго Своею смертью этотъ знакъ, который съ тѣхъ поръ сталъ страшенъ и противенъ злу. Поэтому, когда мы хотимъ бесѣдовать съ Богомъ, мы, чтобы оградить нашу бесѣду, нашъ умъ, наше сердце отъ зла, покрываемъ себя крестомъ — это для насъ нужно.

Молиться можно вездѣ, потому нѣтъ такого мѣста, откуда Господь насъ не услышалъ бы. Даже изъ ада Ему слышно, такъ какъ у Него нѣтъ времени и разстоянія; — для Него все близко.

Молиться можешь, какъ хочешь, можешь словомъ можешь мыслью.

Иногда вы идете въ церкви, но можете молиться, и дома; конечно, въ церкви люди молятся сообща: о Дарахъ, о людскихъ бѣдствіяхъ, о всѣхъ людяхъ, но можно и не въ церкви собраться; вотъ какъ мы, «духи» молимся сообща о какомънибудь дѣлѣ, просимъ направить, и благословить это дѣло. Тогда ужъ всѣ объ одномъ и молятся, а за себя, за свои нужды каждый можетъ и послѣ помолиться. Когда всѣ сообща молятся, то одинъ изъ васъ говоритъ вслухъ Господу о томъ дѣлѣ, о которомъ молитесь, а остальные только ему со-

чувствуютъ и въ душѣ о томъ же мысленно просятъ. Вотъ, для этого и есть священникъ, а если нѣтъ его, все равно, если кто и изъ васъ помолится за всѣхъ.

У васъ на землѣ есть люди, которые мало знаютъ, зачѣмъ они въ церковь-то идутъ: одни идутъ, чтобы людей посмотрѣть, другіе отъ скуки; идутъ также, чтобы пѣвчихъ послушать, а еще идутъ, потому, чтобы про нихъ не сказали, что они не молятся. Да можетъ быть, думаютъ нѣкоторые изъ васъ, и тамъ зачтется; все, молъ, когда и въ церковь заходилъ.

Если пѣніе слушать хочешь — иди на гулянье, тамъ и себя покажешь и другихъ посмотришь. Вѣдь, если меня позовутъ на работу спѣшную, нужную, а я приду свирѣстелки точить, меня выгонять, а если меня позвуютъ и скажутъ, молись, а о чемъ — не твое дѣло, я и сама уйду, вѣдь, такъ ли, друзья мои?

Вѣдь, правда же, что есть много, много людей, которые ничего не понимаютъ, стоя въ церкви, потому что все служеніе дѣлается на непонятномъ народу языкѣ или потому, что и пѣніе, и чтеніе, какъ нарочно такъ устраиваютъ, чтобы какъ можно больше прочитать и какъ можно менѣе поняли бы. Вотъ, коли тебѣ это надо — и читай, а бѣдный неразумный человекъ всю недѣлю проработалъ, идетъ въ церковь послушать, а вышелъ оттуда и ничего у него ни въ головѣ, ни въ сердцѣ не осталось. Что-то, молъ, тамъ читали, что-то пѣли, величали, раза два на колѣни становились — а зачѣмъ? Ксензы, вѣрно, знаютъ. А я, молъ, потихоньку отъ нихъ, кое-что сказалъ отъ себя Богу, да гдѣ, не дойдетъ, они, вѣдь, по ученому, а куда ужъ мнѣ.

Вотъ еще говорятъ: «Зачѣмъ цѣловать иконы? — зачѣмъ иконы почитать? это — дерево». Икона — дерево; что и говорить; но на томъ деревѣ умѣло — не умѣло, но съ благоговѣніемъ хотѣли изобразить или Господа, или Свя-

того Его, или Матерь Божью, и только потому, что хотѣли, это стало уже свято. Если передъ этой иконой такъ много вылило чувствъ, слезъ, печали, радости, и если Господь передъ этой иконой излилъ на нихъ благодать свою, такъ развѣ она уже сама по себѣ не свята? — Сколько, вѣдь, людей исцѣлилось черезъ иконы, потому Господь излилъ на нихъ свою благодать. Часто, довольно съ вѣрой прикоснутся къ этой благодати и она сойдетъ и на тебя, вѣдь, она неисчерпаема.

И такъ всѣ до одинаго должны молиться, потому кто же не хочетъ черпать силу отъ Господа? — Даже и дѣтей малыхъ, пока они сами не понимаютъ, приучать къ молитвѣ нужно, а то потомъ трудно будетъ имъ при- выкать. Вѣдь, у каждаго человѣка бываетъ такое время, когда онъ долженъ излить свою душу и если не изольетъ, то ему дѣлается трудно и тоскливо, а когда выльешь все Господу, то бываетъ сладко, легко, бодро и чудесно.

Но бываетъ, что люди или отвыкли молиться или просто находятъ это ненужнымъ, а потомъ начать молиться и не могутъ, потому такъ уже приучили себя, что не могутъ оторваться отъ земного ни на минуту, и тогда говорятъ: «мы не можемъ, намъ трудно, Богъ не принимаетъ нашей молитвы».

Это не правда, они сами виноваты, ибо не отдаются Ему всей душой. Въ этомъ случаѣ можно попросить или духа или человѣка, за тебя или съ тобой помолиться и Божья благодать сойдетъ на тебя.

А то часто человѣкъ бываетъ въ такомъ смятеніи, что не можетъ молиться, тогда нужно просить другихъ, и просить Матерь Божью и Святыхъ за него молиться и ему дѣлается легче и онъ постепенно самъ привыкаетъ.

Самъ Христосъ показалъ, что нужно молиться, развѣ Онъ не Богъ и то, что Онъ чувствовалъ, не чувство-

вали ли Они всѣ Трое? но Онъ все же молился Имъ, чтобы не перерывать связи съ Ними, ни на одну минуту, и этимъ Онъ и насъ научаетъ молиться. Есть между вами люди, которые постоянно молятся; и какую работу ни начнутъ — на все просятъ Его благословенія, и отъ этого имъ всегда хорошо, они всегда съ Богомъ; а что можетъ быть лучше этого. Ну вотъ, мои дорогіе, что значитъ молиться, и что такое молитва.

Ну, прощайте, цѣлую васъ всѣхъ по одиночкѣ. — Храни васъ Господь.

VI.

8-го іюня 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня. Ну, мои дорогія дѣвочки, мои желанныя, какъ живете? какъ Бога славите? О чемъ сегодня вамъ сказывать?

В. — Ты давно обѣщала намъ сказать про жизнь людей.

О. — Это мудреное дѣло, тутъ много, много, много словъ нужно. Видите, други мои, что ни душа, то новый отдѣльный міръ. Вотъ у васъ говорятъ, и я слышала, что кто много страдаетъ, того Богъ любить. Это не такъ, это не то, чтобы Онъ кого больше любилъ, а лучше скажите вотъ какъ: кто уже много страдаетъ, то тому приходитъ скоро конецъ, т. е., Господь снимаетъ съ него все остальное, чторосло на немъ нехорошаго.

Вы знаете, что каждая душа, уйдя съ Венеры, живетъ на землѣ, но не сразу, а прежде, чѣмъ идти на землю, она должна побывать на Рокѣ, а тамъ сколько, сколько разнаго зла въ нее насыдетъ!.. И сколько нужно жизней, чтобы все это очистить, а человѣку не очень-то любо жить на землѣ. Вотъ Господь, по своему милосердію и даетъ ему трудную, тяжелую жизнь, чтобы все

смытъ. Богъ и случается такъ: человекъ хорошей и Бога не забываетъ, и ближняго любить, и работаетъ хорошо, но живетъ въ горѣ, въ загонѣ, и, кажись, Господи, да за что же? А выходитъ это потому, что Господь за его чистоту хочетъ сократить ему срокъ жизни на землѣ и посылаетъ ему трудную жизнь по его же соглашенію.

Ну, а то бываетъ такая душа неустойчивая, слабая, какъ ковыль въ полѣ. Господь, чтобы укрѣпить ее, посылаетъ ей испытанія разныя, чтобы она затвердѣла, могла бы сама бороться и чтобы сама на правый путь стала.

А то бываютъ души, которыхъ почему-либо зло очень стережетъ, а Господь, чтобы не допустить совсѣмъ ихъ одолѣть, посылаетъ имъ жизнь рабочую, трудную, чтобы не было и времени имъ очень размышлять, да мудрствовать. Тогда зло такимъ людямъ старается устроить покойную жизнь, чтобы человекъ въ довольствіи былъ и чтобы имъ легче было забрать его въ руки.

А то еще и такъ бываетъ, что самъ человекъ проситъ, особенно который съ Рока или по вашему съ ада, чтобы Господь страданіями заглушилъ тѣ желанія, которыя ему зло столько времени внушило: Богъ посылаетъ ему страданія.

Была одна такая душа, которая дала завѣтъ Богу и просила у него жизни на землѣ въ нуждѣ и лишеніяхъ. Богъ благословилъ ей эту жизнь. Но въ земной жизни человекъ этотъ не выдержалъ своего испытанія. Обманымъ образомъ разбогатѣлъ, обокралъ одного человека, а друвого надулъ. Потомъ устроилъ какой-то пожаръ, который еще больше его озолотилъ, и самъ такъ зажирѣлъ, что забылъ и Бога, и ближняго, и кончилъ самоубійствомъ. Только на Рокѣ вспомнилъ онъ свой завѣтъ съ Богомъ... и понялъ, что Богъ не давалъ ему богатства, что все взялъ онъ самъ, самовольно, по наущенію злой силы и

забылъ, что обѣщаль жить въ нуждѣ. Много принялъ онъ страданій, чтобы искупить свою жизнь. Да всѣхъ случаевъ и не пересчитаешь; эта пѣсня длинная, когда-нибудь еще про это поговоримъ. Сказала вамъ: что, что ни человекъ, то совсѣмъ отдѣльный міръ.

В. — Скажи намъ, Таня, неужели ты всегда и со всѣми такая ласковая, услужливая, привѣтливая и не бываетъ у тебя горя.

О. — Видите, дорогія мои дѣвочки, отъ своей простоты я всегда веселая и радостная, даже въ горѣ. А живу то, вѣдь, я не просто: я странствую и чудно такъ странствую и васъ приглашаю со мной странствовать.

Я странствую въ ладьѣ, которая называется Воля Божья; по широкому океану Божіей благодати, съ рулемъ горячей вѣры, на парусахъ надежды и любви, съ весельемъ и радостью въ сердцѣ. И плыву я въ страну неизвѣстную, но желанную, въ Божественную Святаю Святыхъ и не страшно мнѣ волнъ, вздымучихъ, подводныхъ камней и страшныхъ бурь. И позовемъ въ свою ладью всякаго, кто хочетъ и не потонетъ она. И плыву я долго ли, скоро ли, а для меня это одинъ мигъ и приплыву я къ золотымъ вратамъ Святаю Святыхъ, и распахнутся врата и войдемъ туда съ веселіемъ, съ радостью жданными и глубоко любимыми и не какъ гости, а какъ хозяева ожидаемые.

Вотъ, мои родныя, когда возьметъ васъ тоска, вмѣсто того, чтобы тосковать и этимъ злую силу тѣшить, вспомните мои слова эти и печаль сойдетъ съ васъ и одна радость и отрада останутся въ сердцахъ вашихъ.

Вѣдь, эта цѣлая пѣснь и на нашемъ языкѣ она очень складно выходитъ. Я сама ее сложила себѣ на радость, и пусть и вамъ она будетъ въ утѣшеніе и въ радость. Храни васъ Царица небесная и Самъ Господь. Скоро опять приду къ вамъ, мои родныя.

VII.

26-го іюня 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня. Я обѣщала одну исторію разсказать. Ну, вотъ, мои друзья, какъ все это было. Это, вѣдь, истинная правда, а не поученіе.

Давно это было. Родился сынъ у богатыхъ, очень богатыхъ родителей, у которыхъ было крѣпостныхъ нѣсколько тысячъ душъ. Отецъ его былъ лютый, прелютый баринъ; да и мать не лучше. Тѣснили они мужичковъ, такъ что ужасъ. Даже такой домъ выстроили, гдѣ все было приспособлено какъ съѣчь, какъ пытать.

Мужички и бабы просто дышать при немъ боялись. Такъ чуть дыша ходили они около господъ, чтобы даже своимъ дыханіемъ не побезпокоить. Вотъ какіе у него родители были.

Другихъ дѣтей у нихъ не было, только одинъ этотъ сынъ родился, и порадовались же они на него. Цѣлый дворъ согнали бабъ; выбирать ему нянекъ, мамокъ и заботушки у нихъ нѣтъ, что, вѣдь, и тѣ любятъ своихъ дѣтей, а барыня не восхотѣла сама кормить свое же дитя. Тогда еще была эта мода чужимъ молокомъ дитя кормить. Ну, выбрали кормилицу и растеть дитя.

Но странное это дитя вышло: мать только ударить няньку или мамку, а ребенокъ закатится, да часа два лежитъ и не дышетъ. Испугаются всѣ, созовутъ лекарей, знахарей, а все пройдетъ, и опять смѣется и радуется дитя.

Подрось; на ножки всталъ; началъ говорить; ни отцу, ни матери не позволяетъ при себѣ не только ударить кого, но даже и крикнуть на людей. А разъ, уже пяти лѣтъ, услыхалъ крики, какъ пороли мужичковъ, то такъ испугался, что цѣлый мѣсяцъ лежалъ въ горячкѣ. Съ этого времени снесли этотъ домъ за околицу, чтобы

онъ опять какъ-нибудь не услыхалъ криковъ отъ истязаній.

Ужасно дивились отецъ съ матерью этому ребенку. Бывало, соберутъ ему дѣтей играть, а онъ всѣхъ цѣлуетъ, всѣмъ свои игрушки раздаетъ, всѣ платья, всѣхъ съ собой за столъ посадить и одно подавать велить, что себѣ, то и имъ. А нянькамъ, особенно одной говорилъ постоянно: «Выросту, никого въ обиду не дамъ, всѣхъ сравняю!»

Даже испугались отецъ съ матерью и рѣшили, что все это няньки ему внушаютъ. Разсердился баринъ, велѣлъ всѣхъ прогнать, а набралъ ему разныхъ мадамъ и мусье, чтобы своихъ и близко къ нему не подпускали. Но это не помогло, только скрытенъ сталъ.

Какъ началъ онъ учиться, то всѣхъ удивилъ; въ нѣсколько дней изучаетъ то, что другому подъ силу только мѣсяцъ учить. Онъ всегда былъ тихъ и скромнень, и до науки жадень.

Какъ сравнялось ему шестнадцать лѣтъ, запросился онъ въ чужіе края. Захотѣлось ему посмотрѣть, какъ другіе люди живутъ и какъ у нихъ все ведется, и ихъ науку изучить. Долго не соглашались отпустить его и отецъ, а нуще мать; и очень уже они сокрушались, что у нихъ одно дитя, да и то какой-то уродъ. Уговаривали, уговаривали его, но ничего не помогло; твердить все одно: уѣду, да уѣду. Ну, нечего дѣлать, помолились Богу и, скорбя сердцемъ, рѣшились пустить. Составили при немъ штатъ и поѣхало каретъ двадцать; сначала къ нѣмцамъ, а потомъ и въ другіе края.

Ну, вотъ, учится онъ и повсюду узнаетъ, какъ бѣдный народъ живетъ, а зло не знаетъ какъ къ нему подступиться, подходитъ къ нему и такъ, и сякъ, а онъ все твердъ. Ну, говоритъ Денница: «Онъ сердцемъ мягокъ; тутъ одна только женщина поможетъ. Она сдѣлаетъ все, что мнѣ надо; а ничѣмъ другимъ его не возьмешь».

Ну, и разыскалъ онъ ему красавицу такую, что другую трудно и найти. Русская она, и ловкая такая, а сердцемъ холодная. Изъ дворянскаго она, захудалаго рода.

Ему пришло уже время домой ѣхать. По дорогѣ заѣхалъ онъ въ Москву; а зло ему эту барышню и подметнуло. Ну, молодъ онъ былъ, увидалъ, полюбилъ, а больше всего полюбилъ онъ ее за то, что начнетъ онъ ей говорить, какъ люди страдаютъ, а она: охъ да ахъ! Ну, ему и любо, что его слушаетъ. Онъ привыкъ, что когда начнетъ то же самое другимъ говорить, то либо смѣялись, либо удивлялись, а то и прямо сторонились отъ него. А эта нѣтъ. Эта все ему поддакивала. Вотъ и полюбилъ онъ ее всею душой, а она какъ это увидала и начала: сегодня люблю, а завтра нѣтъ; сегодня иду за тебя замужъ, а завтра нѣтъ; и загорѣлась въ немъ сильнѣе любовь. Задарилъ онъ ее; ублажаетъ, какъ можетъ; а зло ее учить.

Тутъ умерла у него мать. Скоро за ней и отецъ. А онъ, какъ ни какъ, а женился на этой красавицѣ и поѣхалъ въ свою вотчину радостный и веселый. Онъ все твердитъ молодой женѣ, какъ это онъ все устроитъ для бѣдныхъ мужиковъ, какъ учить ихъ будетъ, какъ людьми ихъ сдѣлаетъ. А жена говорить; «Да, да», и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ: «А балы то, а рауты будутъ?»

Ну, пріѣхали въ имѣніе, баринъ твердитъ свое, а барыня свое; онъ говорить—нужно по правдѣ землю нарѣзать, а она говорить: это потомъ, а теперь нужно объѣхать сосѣдей, да всѣхъ великихъ баръ.

Ну, и ѣдутъ. Баринъ говорить:

— Ну, теперь за дѣла; а барыня:

— Вотъ выдумалъ, теперь къ намъ пріѣдутъ.

Ну, и къ нимъ пріѣхали. Баринъ принимается опять за свое; а барыня плакать:

— Ты, молъ, своихъ мужиковъ больше меня любишь, ну, и сидѣлъ бы съ ними!

Баринъ и такъ, и сякъ, а она кричать, визжать, ну и опять уступилъ онъ ей и пошли у нихъ званые обѣды, рауты да балы. Затѣмъ набрали дѣвушекъ, да давай ихъ учить верихляться, театръ представлять, свою музыку завели, своихъ скомороховъ; гдѣ ужъ тутъ людей учить! Ну вотъ, скоро балъ, а барыня прибѣгаетъ и кричитъ:

— Вотъ, вотъ говоришь, бить нельзя, а Палашка испортила кружева, что не одну сотню стоятъ!

— А баринъ ей говорить: и безъ кружевъ ты красива.

— А она: Какъ? Для тебя Палашка видно дороже!

Слезы, крики, да придумала еще о полѣ кидаться, да кричать, ну, и повели Палашку съѣчь, а баринъ полегчало. Поваръ кушанье испортилъ, барыня кричитъ:

— Охъ, осрамилъ! сырой пирогъ подалъ, а баринъ говорить:

— Да, вѣдь, не одинъ пирогъ, были и другія кушанья и всего не доѣли, значить, сыты, а она опять:

— Тебѣ поваръ дороже!—и бухъ на полъ. Ну, и повара повели драть.

Ну, разъ выдрали, два побили, баринъ и рукой махнулъ и сказалъ: «Хоть только до смерти не убивайте». Ну и пошло все по старому порядку; но отецъ съ матерью хоть и били, да деньги берегли, а этимъ денегъ не стало хватать; гдѣ взять? Конечно, съ мужика давай брать все, что ни попало, давай лошадей, давай корову, даже куръ забрали, а все мало, ну давай людей продавать; мать, отца отъ дѣтей, мужа отъ жены и пошло все рушиться.

А время идетъ, и барину стало уже къ сорока годамъ подвигаться; вѣдь, и жить только десять лѣтъ осталось; когда же теперь, не только обѣщанное совершить, но, дай, Богъ, только поправить испорченное.

Но вотъ пришла смерть къ его старой нянькѣ, что барыня загнала въ скотную избу. Передъ смертью шлетъ нянька тайно отъ барыни къ барину, что, молъ, любимая его нянька умираетъ, и слово ему имѣетъ сказать. Пошелъ онъ, глянулъ, а любимая нянька на соломѣ лежить съ телятами, въ грязи. Увидаль баринъ и сердце его сжалось, стонетъ, молчитъ, а старуха и говорить: «Звала спасибо сказать, что никого въ обиду не далъ и что веѣмъ хорошо отъ твоихъ умныхъ рѣчей стало. Теперь сѣки, не сѣки, а правду прими. Иду на тотъ свѣтъ, и тамъ за тебя помолюсь, а здѣсь и простить не могу»; и духъ испустила.

Вышелъ баринъ изъ грязной избы; идетъ и стыдно, и горько ему; подошелъ къ дому, а тамъ крикъ, плясъ, смѣхъ, веселіе, и повернулъ въ другую сторону. Все идетъ и идетъ онъ; а ночь темна и тоска на сердцѣ, и слезъ даже нѣтъ, и все твердить: «Что же дѣлать»? И старъ, и денегъ уже нѣтъ, и силъ нѣтъ все поправить! И таково ему скорбно и горько, лучше умереть! И зашелъ далеко и видитъ на полянѣ сидитъ старикъ въ рубищѣ, весь сѣдой, дряхлый, одинъ посохъ въ рукахъ и луна прямо на него свѣтитъ. Подошелъ баринъ ближе и видитъ, что онъ молится и такой у этого старика ликъ прекрасный, хотя и старый и дряхлый.

Остановился баринъ и все на него смотритъ, какъ только пересталъ старикъ молиться, баринъ къ нему подошелъ и говорить:

— Дѣдъ, откуда ты и куда идешь? Чей крестьянинъ?

— По старости своей я ни чей, а Божій; а иду въ вотчину къ мужичкамъ такого те барина; и назвалъ его имя. Удивился баринъ и говорить:

— Зачѣмъ же ты идешь?

— А вотъ иду помочь имъ и научить ихъ терпѣнію да прощенію, чтобы они своему барину простили, да

никакого зла ему не сдѣлали, да научить ихъ и помочь, чтобы лучше жилось.

— Это ты-то въ твои лѣта, въ рубищѣ?—и даже улыбнулся, какъ ни скорбно ему было.

— А дѣдъ говорить: «Почему же? когда доброе дѣло дѣлаешь, Господь изъ одного часа два дѣлаетъ, изъ одного года—два года, а что бѣденъ я, такъ не въ богатствѣ одномъ покой; вотъ баринъ богатъ былъ и сталъ хуже разбойника, никому не помогаетъ; а научить можно и безъ денегъ, а деньги сами придутъ. Удивился баринъ его рѣчамъ, сѣлъ рядомъ и говорить:

— Дѣдъ, я, вѣдь, тотъ баринъ».

— Тѣмъ хуже для тебя, говорить, лучше бы было, еслибы ты имъ не былъ.

Баринъ не ожидалъ, думалъ, мужикъ испугается, а онъ такъ просто ему сказалъ, и прихлынула къ его сердцу вся та скорбь, что наложилъ онъ на людей, и зарыдалъ онъ и говорить:

— Да, ты правду сказалъ, что лучше бы я имъ не былъ.

Но старикъ положилъ ему руку на голову и говорить:

— Самъ знаешь, что тебѣ мало времени осталось, а теряешь его на слезы; за дѣло скорѣе принимайся, уже давно пора; а то ужъ я за тебя хотѣлъ идти дѣло дѣлать; и все бы успѣлъ, а мнѣ и жить-то всего ничего не осталось.

Сталъ тутъ баринъ съ нимъ бесѣду вести, какъ и что дѣлать, а старикъ слушаетъ и поучаетъ его, и смотритъ баринъ на него, а у старика лицо свѣтлое такое и какъ звѣзды горятъ глаза; и понялъ баринъ, что этотъ старикъ не простой.

Пошелъ баринъ домой, а у него ужъ и огни потухли и всѣ спятъ. Вошелъ въ домъ, а въ домѣ чадъ отъ бала стоитъ, посуда горой навалена, отъ яствъ объѣдки одни, и стало ему такъ тошно и подумалъ онъ:

— И какъ это я до сихъ поръ все это терпѣлъ

Пронелъ онъ прямо въ свою комнату. Заперся и началъ всѣ бумаги разбирать, провѣрять, что осталось и чего уже нѣтъ и что еще можно сдѣлать. Но осталось мало, а денегъ совсѣмъ нѣтъ и все запутано. Сидитъ, разбираетъ и не замѣтилъ, какъ утро пришло; солнышко вышло; стали люди просыпаться.

Встали люди и дивятся, что на дворѣ день уже, солнце свѣтитъ, а у барина все еще огонь горитъ. Встала и барыня и ей доложили, что пришелъ баринъ поздно ночью, и до сихъ поръ огонь у него горитъ и дверь заперта; не случилось ли, молъ, чего съ нимъ. Барыня испугалась, въ дверь стучится, кличетъ, а онъ ей отвѣчаетъ:

— Оставь меня, какъ дѣла покончу, приду къ тебѣ.

Разсердилась барыня. «Какія такія дѣла, только пу- гаешь, а намъ время ѣхать, вѣдь, вчера звали насъ на охоту, оленей бить»; и опять стучитъ:

— Ѣхать на охоту пора, самъ общалъ.

— Не поѣду, говорить, и ты дома сиди, будетъ оленей бить, не до оленей. Ну, пождала, пождала, да въ слезы:

— А мое новое охотничье платье, ты съ ума сошелъ!— и у дверей визжитъ, кричитъ, въ дверь бьетъ. Вышелъ баринъ, стоитъ и смотритъ, а она еще пуще.

— Что ты издѣваешься, что-ли, надо мной? Тебѣ говорить, насъ ждутъ!

— Пусть ждутъ, а мы не поѣдемъ.

Бухъ барыня на полъ, ногами бьетъ, и хохочетъ и пла- четъ; ну, словно одержимая. А онъ стоитъ и думаетъ:

— Господи, и неужели я ее такъ любилъ, что изъ-за нея столько лѣтъ и столько душъ морилъ, и что въ ней? И противна и она сама ему стала и то чувство, что онъ за любовь къ ней принималъ.

— Ну, говорить, дѣвушки, несите свою барыню, а какъ дурь сойдетъ, скажите мнѣ,—съ ней разговоръ нужно

мнѣ держать, да готовьте дорожные сундуки, а тамъ видно будетъ.

Хлопнулъ дверью и опять сѣлъ за дѣла; а барыня услышала и сразу стихла, очнулась и думаетъ: «Что это такое? Видно, куда веселѣй ѣхать хочеть, видно, въ чужіе края, давно просилась, все денегъ не было, а теперь нашлись; ну, да ладно, не сразу соглашусь, нечего ба- ловать, покричу еще немного, мягче будетъ».

До вечера не вышелъ баринъ, а какъ стемнѣло, вы- шелъ и говорить:

— Доложите барынѣ, чтобы пришла.

И видятъ люди, что у барина и лицо другое и не похожъ, какъ будто, на себя и всѣ притихли; а сундуки уже готовы; барыня велѣла всѣ свои наряды уложить, чтобы и задержки не было. Услыхала, что зоветъ, пришла въ его комнату, а онъ сидитъ, какъ ночь, только грудь вздымается, и жаль ему ее, да рѣшилъ, а то опять все прахомъ пойдетъ.

— Вотъ, говорить, у насъ дѣла совсѣмъ разстроены; жить, какъ жили, нельзя, а потому я рѣшилъ вотъ что: у тебя есть небольшая вотчина, собирай всѣ свои вещи и всякую кладь и поѣзжай туда пока, а я тутъ оста- нусь и буду все поправлять. Довольно пировать. При хорошемъ житѣ, этой вотчины съ тебя хватитъ; это твое приданое, ну, и бери его. Изъ слугъ бери только свою няньку, двухъ дѣвушекъ, да еще семью, что съ тобой пришла, а другіе люди тутъ останутся. Слышала? Теперь время къ вечеру, тебѣ не зазорно будетъ ѣхать, не теряй времени и поѣзжай скорѣй, на вторыя сутки прїѣдешь.

Услыхала и ушамъ не вѣрить, какъ такъ, что такое, и пошелъ дымъ коромысломъ, а баринъ твердъ и говорить:

— Сказалъ и будетъ; тебѣ тамъ не дурно будетъ; все тамъ есть, поѣзжай!

Она и такъ, и этакъ: до царя, молъ, дойду.

— Иди, куда хочешь, поѣзжай только скорѣй, чтобы какой еще срамоты не вышло.

Видитъ она, что дѣло не въ шутку, и принялась уговаривать:

— Я, говоритъ, другая стану, я не могу безъ тебя жить, и то, и другое. А баринъ молится, чтобы Богъ далъ ему твердости.

— Хорошо, говоритъ, только не сейчасъ, а сейчасъ моя воля, чтобы ты ѣхала.

Такъ усадилъ ее въ карету и отправилъ. И горько ему, и жалко, и какъ камень съ души свалился, слава Богу, главная помѣха отъѣхала.

Ну, вотъ и день прошелъ, и ночь прошла, и еще день; и баринъ все сидитъ, не выходитъ. Всѣ притихли, еле дышать и въ толкъ не возьмутъ, чтобы это значило; почитай не ѣлъ ничего и обѣдъ никто не заказывалъ, два раза только воды спросилъ. На третій день зоветъ главнаго управляющаго и другихъ, и говоритъ имъ:

— Ну, отслужили мнѣ, идите отъ меня, больше мнѣ вашей службы не надо, только велите, чтобы весь народъ собрался къ такому-то времени: а васъ чтобы черезъ часъ не было.

И дивятся всѣ, что такое дѣлается, что съ нимъ, кто же хозяйничать будетъ? А тѣ управители и для барина брали съ народа, да и себя не забывали, и страхъ какъ били и казнили всѣхъ. Народъ смотритъ на барина и всѣ дрожать и думаютъ: коли барыню отправилъ, коли управителей прогналъ, а насъ должно прямо безъ разбора въшать будетъ.

Собрались всѣ и рѣшили такъ, что коли онъ намъ лютую смерть готовить, убьемъ его. Довольно нашу кровь пить; и его дѣдъ пилъ, и отецъ пилъ, и сынъ теперь!

Нѣтъ, довольно, лучше на каторгу идти, все одно и тамъ житье не хуже.

Вышелъ баринъ. Видятъ крестьяне, что онъ за эти дни посѣдѣлъ и сгорбился. Вышелъ и на всѣхъ глянулъ; и видитъ, что лица у всѣхъ свирѣпыя, изможденные отъ нужды, и такъ они ему жалки стали и такъ дороги, какъ родные; глянулъ онъ на ближняго старика, а онъ словно нянька, что умирала передъ нимъ. И жутко ему стало и поклонился онъ имъ три раза до земли и говоритъ:

— Простите, пришелъ не казнить, а самъ прощеніе просить за ту кровь, что дѣды пролили, что отецъ проливалъ и что я самъ надѣлалъ. Вотъ грамота.

И сталъ онъ читать эту грамоту, по которой всѣмъ до одинаго даетъ онъ вольную и всѣ земли, и лѣса, и поля дѣлится поровну между ними. Весь скотъ и всѣхъ лошадей и всѣхъ птицъ и даже домъ свой со всею утварью даетъ имъ на какія угодія понадобится; а себѣ беретъ только одну избу, гдѣ умерла нянька, а изъ земли столько, сколько захватитъ его гробъ; а кормить себя, просить мѣръ, чѣмъ Богъ послалъ.

Услыхали это мужики и въ толкъ не возьмутъ. Глаза вынучили и думаютъ: издѣвается, что ли, надъ нами? или придумалъ что либо страшное; и загадѣли между собой:

— Не вѣрьте, тутъ, видно, какая-нибудь издѣвка надъ нами.

Но скоро наѣхали приказные и стали землю межевать, а баринъ перешелъ жить въ избу. Только почистили ее немного, да кой-какую утварь похуже поставили, все самъ выбиралъ.

Долго не могли привыкнуть мужички, что все это правда; и землю боялись пахать и до лѣса дотронуться, а бабы чуть коровъ не перепортили, два дня доить боя-

лись. Барскій домъ заперли и не только что взять от-туда что-нибудь, а и близко подойти боялись. Только и полегчало, когда избу, гдѣ сѣкли, снесли и баринъ вышелъ къ нимъ и говоритъ:

— У меня есть послѣдніе десять рублей, жертвую ихъ, чтобы на томъ мѣстѣ часовню поставить, и вы, добрые люди, кто хочетъ пожертвуйте и чтобы тамъ каждый день панихида была за убитыхъ.

Вотъ тутъ повѣрили и начали всѣ дивиться и за него Богу молиться и все ему простили. Стали даже къ нему за совѣтами ходить и просить научить, какъ и что дѣлать. И дорого ему было, когда міръ къ нему приходилъ и говорилъ:

— Допрежь что баринъ скажетъ: онъ умнѣй насъ и добра намъ желаетъ.

Стали мужички горевать, что если онъ умретъ, некому будетъ ихъ учить, а баринъ говоритъ:

— Выстройте хорошую избу, да школу откройте, учителей найдемъ хорошихъ, и учите дѣтей вашихъ.

Устроили и не нарадуются, что ихъ дѣтки читаютъ и всякую бумагу къ дѣлу могутъ написать. Потомъ приходятъ къ барину и говорятъ:

— Что со стариками дѣлать, да съ хворыми? Нѣтъ у насъ угоды, да и ходить за ними некому.

— А домъ зачѣмъ пустой стоять? Вотъ вамъ и больница.

— И то правда!

И вышла хорошая больница. И всѣ кабаки повыгнали и такъ зажали, что у нихъ баринъ сталъ пуще отца родного, и судъ чинить, и утѣшаетъ въ горѣ, и радуется въ радости и такъ хорошо стало.

Все успѣлъ баринъ, да еще годъ для себя остался лишній,—помолиться. И ночилъ себѣ въ покоѣ, почти безъ болѣзни, ровно заснулъ. Передъ смертью пришелъ

опять дѣдъ, что на лугу сидѣлъ, и поздравилъ его, что все успѣлъ сдѣлать.

— А я, говоритъ, за это время помолодѣлъ и тебя зову молодѣть, будетъ, потрудился!

Ну, вотъ, вамъ, хорошая исторія? И, вѣдь, все это правда истинная.

VIII.

7-го іюля 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня. Господи, кого я вижу, и братъ Иванъ тутъ какъ тутъ, соколъ мой ясный, привѣтствую тебя, ну, что скажешь?

В. — У меня, Таня, большая къ тебѣ просьба, но я послѣ тебѣ ее скажу.

О. — Ничего, говори сейчасъ; все для тебя сдѣлаю, всѣхъ умолю. Я, вѣдь, приставучая, и Господь меня любить и никогда не отказываетъ за мое приставаніе. Конечно, Онъ Самъ хочетъ, ну, и Таню Свою любить и такія Онъ мнѣ просьбы посылаетъ, что Ему Самому угодно; и люблю, вѣдь, я это. Я давно это уразумѣла, а потому я сама радость, на радость дана и Ему, и себѣ, и вамъ. Не надо только хотѣть того, чего не хочетъ Господь, — а все прочее вымолить легко и можно.

В. — Нѣтъ, Таня, только не сегодня; я тебѣ скажу ее какънибудь.

О. — Да что у васъ приключилось? что это вы всѣ замѣшались; ужъ не отъ моихъ ли какихъ словъ?

В. — Нѣтъ, Таня, не отъ твоихъ словъ, а у насъ душно и жарко ужъ очень; въ комнатѣ дышать нечѣмъ — надо чтонибудь сдѣлать.

О. — Такъ; эфиръ нѣтъ — и то правда. Откройте окошечко. Хотя это нехорошо дѣлать во время нашихъ разговоровъ, зла кругомъ много. Да ничего, я попрошу; посторожатъ насъ.

Что и говорить, земля ваша трудна, зато и планетой скорби называется. У васъ все или жарко или холодно. А вотъ мнѣ не жарко, право. Я какъ наберусь эфира у себя дома, куда хочешь пойду — мнѣ все хорошо.

В. — Познакомь насъ поближе, что это такое эфиръ?

О. — Эфиръ, вотъ волны; видишь, какая эта штука; откуда онѣ, для чего онѣ, намъ доподлинно неизвѣстно. Но вотъ, святые называютъ его дыханіемъ Божьимъ. И плыветъ этотъ эфиръ изъ Святая Святыхъ и какъ океанъ или море. Вы видали, какъ потоки несутъ свои волны, такъ точно вѣчно нескончаемымъ потокомъ плыветъ эфиръ изъ Святая Святыхъ и идетъ всюду, всюду. Какъ море катитъ свои волны, такъ и волна эфира катится за волной.

Вотъ изъ этого эфира все, все сдѣлано; и ты, и я, и бумага, и столъ, животныя и растенія, и все, и все; и онъ никогда не пропадаетъ; ни одна его капля; а развѣ передѣлывается во что либо другое. Стустился онъ, вышла вещь; если эта вещь разошлась, вотъ опять поплылъ эфиръ.

Возьми кусочекъ бумаги, зажги его; тутъ сейчасъ уже что-то дѣлается, и эфиръ вытекаетъ, а другая вещь осталась. Ну, возьми же бумагу и жги ее, а я буду тебѣ говорить. Ну, смотри, что выходитъ. Правда, ты ничего не видишь, а я вижу и скажу тебѣ — выходитъ, что изъ бумаги, пока она горѣла, одинъ токъ вошелъ, а другой вышелъ. И на пеплѣ осталась жизнь.

Возьми пепель, помочи водой — да не жалѣй, лей больше воды — такъ. Ты не видишь, а я вижу, уже жизнь зародилась; есть уже зародыши жизни и опять одинъ токъ вошелъ, а другой вышелъ. Одно пришло, другое вышло. И все такъ, вездѣ и во всемъ такъ. Вотъ у васъ на столѣ шандалъ горитъ (лампа); просто вамъ кажется? — а сколько изъ ней жизни вышло,

страсть. Тутъ были кругомъ все зародыши и вредные, они сгорѣли, а другіе нарождаются. И вотъ сто зародышей или больше сгоритъ, а изъ нихъ выйдетъ одинъ и около него сто токовъ, столько, сколько сгорѣло жизней. Такъ все въ мірѣ живетъ и дышетъ, всякая вещь жива. Во всемъ Богъ, во всемъ Его Святая Воля. Ты думаешь, что въ камнѣ нѣтъ жизни; нѣтъ, есть, все живо, все дышетъ и сколько, сколько жизни!

В. — Развѣ въ нашемъ воздухѣ много вредныхъ зародышей?

О. — Да какъ же ты думаешь, у васъ теперь въ комнатѣ такая духота. Эфира совсѣмъ нѣтъ. Весь воздухъ зараженъ, какъ не быть вреднымъ зародышамъ; ихъ много; отъ дыханія, отъ жары, съ улицы пылъ и съ ней всякая зараза.

В. — Скажи, Тавя, эти зародыши можемъ мы когда-нибудь увидетьъ въ наши микроскопы?

О. — Что ты, что ты, никогда вы въ ваши стекла этого не увидите. Они тоньше меня. Я вижу и то только отчасти, и далеко не все. Понять этого и намъ не дано, и мы не знаемъ и не понимаемъ ничего изъ всего этого; какъ это все и для чего. Если-бы кто могъ поймать хотя одинъ такой зародышъ, и понять, къ чему это все надо и какъ это и для чего сдѣлано, тотъ могъ бы міръ самъ создать. Да этого никто не можетъ. Вотъ почему Денница все мѣритъ и вѣшаетъ, и хочетъ этотъ зародышъ сдѣлать, да нѣтъ, сколько бы онъ ни трудился, это все равно, что захватить Самого Бога. Вотъ въ этомъ ему вашъ ученый Архимедъ помогаетъ. Онъ все съ Денницей мѣритъ, вѣситъ и вычисляетъ.

В. — Вы этимъ эфиромъ и свое время считаете?

О. — Свободные духи совсѣмъ не считаютъ времени имъ это не нужно, у насъ нѣтъ времени. А духи, кто на дѣлѣ, тому надо считать время. Когда чистый эфиръ

плыветъ правильной волной изъ Святая Святыхъ, онъ проходить черезъ наше тѣло, и мы его чувствуемъ. Вотъ, когда вы купаесть въ морѣ, кругомъ васъ тоже идетъ волна и вы ее чувствуете, хотя она черезъ тѣло ваше и не проходитъ. Такъ и мы. Вотъ мы и считаемъ эти волны, кому надо. Вотъ теперь, если я хочу отсчитать, я беру первую волну, что черезъ меня проходитъ, а отъ нея считаю и знаю, что сколько пройдетъ волнъ черезъ меня, такое и время пройдетъ у васъ и сколько на Марсѣ, или на другихъ планетахъ; и вездѣ такъ узнаемъ время. Конечно, сразу нельзя, привыкнуть надо. Вотъ по началу и я не умѣла считать времени. Да кто не ходитъ на другія планеты, тому считать время и не надо, а другимъ по ихъ дѣламъ надо, вотъ они и учатся этому счету. Поняли, хотя немножко. Я, вѣдь, не учена, а говорю, какъ чувствую.

Ну, что, уразумѣли—вотъ я рада, что поняли. Ну, да хранить васъ Богъ и Царица небесная. Пришелъ за мной братъ Михаилъ, надо идти.

IX.

8-го июля 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня, а какъ прошла, сама не знаю. Тащилъ меня братъ Михаилъ и все только говорилъ: иди скорѣй и не гляди на нихъ. Говорили, что ихъ только двѣнадцать васъ сторожать, какое двѣнадцать, цѣлая уйма, не перечесть. Вотъ не люблю черезъ нихъ проходить, слабѣю, право слабѣю.

В. — Развѣ такъ зла много около насъ?

О. — Нѣтъ, здѣсь его нѣтъ у васъ, здѣсь хорошо, покойно, здѣсь краплено святой водой. А кругомъ васъ нехорошо. Стерегутъ васъ шибко, черезъ ихъ цѣпь прорваться трудно.

В. — А сюда они не войдутъ?

О. — Нѣтъ, ничего, братъ Михаилъ караулъ отъ себя поставилъ, чтобы на все время, какъ мы говорить станемъ, не приставали и не мѣшали бы.

В. — А ты сама развѣ съ ними не сладишь?

О. — Какой тамъ, и не говори, гдѣ мнѣ съ ними ужиться. Я и словъ такихъ не знаю, и говорить съ ними не умѣю; только молиться могу, а они отъ молитвы хуже еще свирѣпѣютъ, право. Вотъ братъ Михаилъ смѣлъ съ ними, онъ умѣетъ. Остановится еще около нихъ, шутить, разговариваетъ съ ними, а какъ захочетъ, скажетъ слово, въ мигъ всѣхъ разгонитъ, какъ и не бывало ихъ. Онъ на Господней пристани состоитъ, и привыкъ къ нимъ, часто дѣло съ ними имѣетъ. А я такъ ужаси боюсь. Знаете, когда я позавчера разъ съ вами вечеромъ говорила и окончила, то домой идти одна побоялась. Такъ много ихъ было кругомъ, а у васъ такъ было хорошо и смирно. Вотъ я до самаго утра все по вашимъ хоромамъ гуляла. Должно ужъ къ полдню вашему, меня хватились и пришли за мной. А то бы еще просидѣла. Ну, про что сегодня сказывать?

В. — Таня, ты обѣщала рассказать о трехъ сестрахъ; хочешь сегодня рассказать?

О. — Ладно. Такъ слушайте. Вотъ жили три сестры и однимъ дѣломъ занимались; всѣ вышивали, и была у нихъ мать. Только всѣ онѣ были любящія, добрыя, богомольныя, и все такое хорошее, однимъ словомъ, все какъ слѣдъ. Только работа у каждой розно шла.

Вотъ одинъ разъ мать взяла работу, принесла домой, поровну на три раздѣлила, и молвила:

— Ну, вотъ, работа большая, заработаемъ много, но надо ее къ сроку.

Ладно, раздѣлили поровну между сестрами; старшая глянула и затосковала сразу: «Работа, молъ, хорошая,

но трудная, и какъ съ ней управиться?» Вторая глянула и сказала: «Ну, что жъ, Богъ поможетъ». А младшая только засмѣялась и сказала: «Какъ не успѣть, что за штука, на все времени хватитъ».

Ну, начали работу: старшая прямо взялась, и такъ и этакъ все думаетъ какъ лучше сдѣлать, начнетъ, покажется ей что недостаточно хорошо, сейчасъ распорить свою работу; опять съизнова начнетъ. Все у ней одна дума: какъ бы лучше сдѣлать, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы успѣть. Другая посмотрѣла, помолилась, все рассчитала, сколько часовъ работать и сколько отдыха, а тамъ думаетъ: Богъ укажетъ. А младшая все сложила въ сторону: хватитъ де времени на все.

Ну, вотъ и день, и еще день проходитъ, а старшая ни днемъ, ни ночью покоя не имѣетъ и спать-то ляжетъ, а сна нѣтъ. Молиться начнетъ, а стежки въ глазахъ такъ и стоятъ; вскочить, все поняла, думаетъ, и опять бѣжить къ работѣ и удивляется, какъ это сестры снятъ; а самой опять кажется, что все не то и все то ей не любо и на все досада беретъ и опять молится. Вторая не снѣша встанетъ, матери въ хозяйствѣ поможетъ, подумаетъ и за работу. Пока старшая поритъ и передѣлываетъ, она все дальше да дальше идетъ. Ну, вотъ и младшая надумалась: видно и мнѣ пора, уже сестры много наработали. Она было и сѣла за работу, но тутъ на улицѣ веселье, а тамъ подруга пришла, опять не время, а пока такъ все ходила и работа запылилась, чистить надо, а тамъ шелкъ куда-то дѣвался, и все у ней такъ.

Ну, а время идетъ и работа идетъ. Но какъ идетъ? У старшей есть мѣста на диво, а есть хоть брось. Есть, сама не налюбуется и другіе дивятся, а то хоть не гляди; а работы осталось еще много; и съ лица то она спала, и пища не нужна, а въ сердцѣ одна тоска; и люди не милы и сама себѣ не любя. Вторая далеко за половину

ушла, и все у ней ровно какъ въ одно; и вѣсть она и снить и Бога славить и уже на младшую глядитъ: «Много де ей придется помочь, потому тамъ отъ начала недалеко, да и то, что сдѣлано, то грязно».

Ну, за то младшая даже и за это время еще съ лица поправились, потому мать лучше и кормить и холить, чтобы дочкамъ не въ усталость было, а побольше силъ набрались. Вотъ и къ концу идетъ дѣло и мать уже понукаетъ, говоритъ: «Торопитесь, заказчикъ хорошо платитъ, но и требователенъ онъ». Ужъ тутъ старшая себя не помнитъ и ее совсѣмъ горе беретъ: «Неудачная, молъ, я, ничего не умѣю дѣлать». А вторая уже кончила и сестрѣ помогаетъ.

Но вотъ Богъ и конецъ работѣ послалъ; окончили часъ въ часъ какъ должно. Сложили работу и мать взяла и понесла. Старшая тоскуетъ, отъ окна къ окну ходитъ; вторая отдыхаетъ, а младшая уже въ лѣсъ по грибы пошла, да еще и похваляется: вотъ де какъ мы работаемъ на славу.

Пришла мать и говорить старшей: Работа взята, да только удивляются, что это за работница, нерадивая, что ли? Работа второй дочери какъ съ машины; ну, а третьей назадъ принесла: пусть де начало будетъ какъ конецъ. И закручинилась старшая и говорить: матушка, почему это такъ? А потому, говоритъ, что ты въ себя не вѣришь и хочешь выше себя стать; а Богъ каждому положилъ по силамъ; а если выше силъ возьмешь, то будто и лучше выйдетъ, да себя надорвешь. Вотъ вторая сестра по силамъ работаетъ, у ней идетъ все ровно, какъ слѣдуетъ; ну, а про тебя младшая скажу: садись да опять работай, а я сзади стоять буду, потому ты и хорошо работаешь да время не умѣешь размѣрять. Я за тебя размѣривать стану, садись, да шей, пока не скажу: будетъ.

Вотъ, мои дорогія, поразмыслите. Кто уши имѣеть и слышитъ, да слышитъ. Потому видите, выходить, что нужно себѣ вѣрить, вѣдь, и въ тебѣ Богъ, а Онъ знаетъ, сколько и какъ можетъ каждый сработать.

Еще послушайте, какъ самыя эти же сестры попали за больными ходить. Тутъ другое совсѣмъ вышло. Дали имъ по шести больныхъ на комнату. Вотъ старшей, всѣ больные не наглядятся на нее; и хотъ она убивается за ними и ночи не спитъ, и не ѣсть, и сама извелась, и надорвала здоровье. Даже сами больные за нее сокрушаются, да только она недолго протянула и сама умерла. У второй въ комнатѣ все чинно, разумно, больные смиренно лежатъ, все дѣлается во-время, да только скука и тоска такая, что и сами больные не дождутся, когда уйдутъ изъ больницы. Все чинно да нудно, и все по порядку. А вотъ у младшей одно веселье: шумъ, смѣхъ, а про болѣзни и забыли. Что она сама не додѣлаетъ, то сами больные додѣлаютъ. Зато, всегда и все дозволено; всѣ жалѣютъ, что вотъ скоро выздоровѣли и удивляются, почему это такъ всѣ скоро поправились. Да многія болѣзни прямо за смѣхомъ и веселиемъ прошли. Вотъ и судите, гдѣ что хорошо и что надо.

По моему разумѣнію, къ чему сердце лежитъ, тамъ и работа идетъ; а гдѣ нужна чинность, тамъ и она хороша. О, міръ кажиннаго человѣка, кажинной души неисчерпаемъ; поди, скажи, гдѣ кому надо быть? гдѣ кто что сдѣлаетъ и какъ сдѣлаетъ? Этого нельзя сказать, потому душа человѣческая есть часть Божества; а исчерпай Божество! Вы какъ про то разумѣли? Кажется, самый непутевый человѣкъ, а и ему найдется дѣло, гдѣ и онъ къ мѣсту, гдѣ и ему въ радость; а другой кажется хорошъ, да къ мѣсту не приходится, ему найти мѣсто нужно.

Да что это, братъ Михаилъ не идетъ. Какое теперь у васъ время? я не считала. Уходя, братъ Михаилъ ска-

залъ: будь вольнымъ духомъ, не заботься, а я приду. Ну, вотъ я времени и не считала. Теперь чувствую, что будто пора уходить, а не знаю. Ну, вотъ и онъ пришелъ, цѣлюю васъ. Да хранить васъ Господь и Царица небесная.

X.

9-го іюля 1899 г.

Миръ вамъ. Вотъ и я, Таня. Какъ живете? Какъ Бога славите?

В. — Мы хотѣли спросить тебя о счисленіи времени: малое время вы считаете волнами эфира, ну, а большія пространства времени, напримѣръ столѣтія, тысячелѣтія, считаете вы ихъ какъ нибудь? — и какъ именно?

О. — Этого я не знаю, може кто и знаетъ. Вотъ хранители, тѣ ведутъ счетъ о своей душѣ и знаютъ, сколько душа ихъ живетъ, а мы не считаемъ, только малое время считаемъ. Я спрошу у хранителя и скажу вамъ когда-нибудь.

В. — Затѣмъ, Таня, мы, считаемъ по десяткамъ, у насъ десятичное счисленіе, а у васъ тоже десятичное или какое другое?

О. — Нѣтъ, у насъ, не такъ, у насъ на двѣнадцать. Вотъ видишь; Троица: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, потомъ Архангелы, Серафимы, Херувимы, всѣ чины Ангеловъ, ихъ девять; вотъ и двѣнадцать. Такъ мы и считаемъ.

В. — Скажи же, какъ по вашему напримѣръ 38?

О. — А такъ—мы говоримъ три силы и сколько тамъ еще осталось прибавь какъ по вашему. Я сбиваюсь. Вотъ такъ надо считать по нашему. Только это не такъ выйдетъ по вашему, потому у насъ есть звуки, которые видишь и которые не видишь, и все это у насъ одинъ звукъ. Мы говоримъ: Троица и девятый валъ эфира. Вы этого не поймете, а я и сказать не умѣю. Да какъ и

сказать, коли у васъ такихъ и словъ нѣтъ. Вотъ васъ пять человѣкъ сидитъ тутъ; по нашему я не скажу пять, а назову васъ всѣхъ по именамъ и это у насъ одинъ звукъ.

В. — Да какъ же ты говорила, что у васъ шестьсотъ планетъ, какъ же ты ихъ назовешь, когда ихъ такъ много?

О. — А тоже самое, я каждую назову по имени и все же выйдетъ не шестьсотъ словъ какъ по вашему, а только одинъ звукъ, одно по вашему слово. Вотъ и выходитъ, что по нашему одно слово, а значить столько, сколько я могу у васъ цѣлую рѣчь сказать. У насъ одинъ звукъ, но, вѣдь, и глаза говорятъ и все лицо говоритъ, и сердце, и умъ, и все говоритъ, и что къ чему идетъ, то и есть, то и значить. Какъ это вамъ рассказать, у васъ и словъ такихъ нѣтъ. Можетъ, кто и можетъ, а я не могу.

В. — Таня, а какъ это понять: ты считаешь и время волнами и мѣру протяженія волнами. Какая же между этимъ связь?

О. — Да; вотъ отъ однихъ планетъ до нашей планеты мы считаемъ 8000 волнъ, а до другихъ, вотъ, еще 6000 волнъ. А эти планеты дальше отъ насъ, чѣмъ отъ васъ до луны. Постои, какъ это такъ, я и сама не знаю. Да развѣ на морѣ вы не можете сосчитать, сколько на немъ волнъ умѣщается? такъ и у насъ все равно и тоже выходитъ—посчитай. Только, чтобы тутъ счетъ волнъ выходилъ, надо девять взять по девять да еще разъ все на девять и это все мы такъ скоро переходимъ, какъ у васъ одна минута, еще скорѣй.

В. — А какъ велика ваша волна эфира? Вотъ посмотри, это нашъ аршинъ, ну, что ваша волна больше или меньше его.

О. — О, нѣтъ, больше. Такъ разъ въ девять больше, а може, и еще больше; какъ вамъ сказать; это трудно.

В. — А какъ скоро вы перелетаете пространства, сколько времени ты летишь къ себѣ домой отъ насъ?

О. — А я не знаю; скоро, очень скоро, времени никакого нѣтъ. Да вотъ я сейчасъ была у себя на планетѣ и вернулась, пока говорю съ вами.

В. — Вотъ что, Таня, ты веди карандашемъ черту, а какъ кончишь вести, лети на свою планету, а прилетишь обратно, и сейчасъ заговори, а мы по часамъ посмотримъ.

О. — Ладно. Ну, считайте какъ по вашему. Сейчасъ улечу—ну, что скоро?

В. — Какая неимовѣрная скорость и двухъ секундъ не прошло, а ты уже была у себя дома и вернулась. Ну, Таня, еще.

О. — Что же, если хотите.

В. — Да это еще скорѣе, еле-еле одну секунду насчитать можно. Не затруднить тебя еще третій опытъ.

О. — Ничего, я рада, мнѣ не трудно. Ну, считайте! Смотри на часы.

В. — Что же это, Таня, ты устала что ли, теперь прошло восемь секундъ.

О. — Нѣтъ, усталости въ насъ нѣтъ, а я дома увидала свою любимую бабуся. Я поймала и посадила на палецъ и погладила ее, вотъ и опоздала. Одинъ смѣхъ съ ней, съ этой бабусей. Такъ она любя мнѣ.

В. — Насколько вы скорѣе насъ двигаетесь—это, право, удивительно.

О. — Ну, что и говорить, пока вы ногу подымете, а я уже вонъ гдѣ, еще скорѣй.

В. — Ну, какъ же ты летишь? головой или ногами впередъ?

О. — Зачѣмъ, мы всегда въ одномъ положеніи: головой наверхъ, къ Святой Святыхъ, а ногами внизъ къ Року. Мы никогда не оборачиваемся. Если, конечно, я захочу, я могу, но зачѣмъ, мнѣ это не къ чему.

В. — Такъ въ какомъ же ты теперь находишься положеніи относительно насъ? Гдѣ же Святая Святыхъ—по какому направленію твоя голова?

О. — А вотъ, Катя, протяни свою руку; такъ вотъ, моя голова подъ твоей рукой, а ногами я къ стѣнкѣ, гдѣ виситъ картина. Мои ноги немного ниже головы. Такъ я все время и разговариваю съ вами.

В. — Значитъ, тебѣ кажется, что мы сидимъ приклеенные къ стѣнкѣ?

О. — Да. А какъ-то днемъ я говорила съ вами, такъ вы были для меня совсѣмъ какъ будто вы на потолокѣ сидите.

В. — Какъ же это такъ?

О. — У васъ на землѣ все вертится и нѣтъ у васъ ни верха, ни низа, а у насъ есть. У насъ Святая Святыхъ наверху, а внизу Рокъ. Возьми кругъ и отъ Святая Святыхъ все лучи, лучи, лучи, какъ по лучу ни встань, все головой къ Святая Святыхъ. Ну, покажи опять свою руку. Ну, вотъ, я тутъ, подъ рукой стою, лицомъ къ вамъ. Теперь вы повернетесь вмѣстѣ со своей землей и все у васъ повернется, а я нѣтъ, я такъ и останусь. Васъ поворачиваетъ постоянно, а я на мѣстѣ остаюсь.

А вотъ, если я хочу на ваше мѣсто сѣсть я сгущусь, тогда уже будетъ по вашему, я буду стоять на полу у васъ или сидѣть и меня будетъ поворачивать, какъ васъ поворачиваетъ. Только это зачѣмъ мнѣ, мнѣ это не къ чему, мнѣ и такъ хорошо.

В. — Такъ какъ ты сохраняешь всегда одно и то же положеніе во вселенной, то можешь намъ сказать, какія созвѣздія у тебя надъ головой, а мы черезъ это узнаемъ то направленіе, въ которомъ находится Святая Святыхъ отъ насъ. Вѣдь, созвѣздія имѣютъ тоже постоянное положеніе во вселенной. Вотъ, по твоему описанію, я предугадываю, что, если ты полетишь прямо отъ насъ въ Святая Святыхъ, ты должна пролетѣть черезъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

О. — Постои, такъ я не вижу, я подымусь и посмотрю.

Ну вотъ, это семь большихъ звѣздъ, не знаю по вашему, а у насъ онѣ называются семь смертныхъ грѣховъ, ну да, это ближе всего. Только ваша земля отлетитъ потомъ дальше, и все измѣнится, но немного, правда.

В. — Таня, я завтра уѣду по желѣзной дорогѣ. Придешь меня проводить, какъ прошлый разъ.

О. — Не понравилась мнѣ въ прошлый разъ ваша пытьлка. Зла на ней страсть; я даже ушла, не дождалась, какъ ты уѣхала.

Знаете, есть, я видала еще другую такую планету, какъ ваша земля; совсѣмъ такая. Вотъ тамъ пытьлка идетъ по воздуху; только тамъ столбы. А то еще шары большіе, какъ рыба, плаваютъ. А то по проволокѣ еще летаютъ. Вотъ скоро-то идетъ такой челнокъ на одномъ колесѣ. Сѣлъ и поѣхалъ. Только ловко же они и убиваются. Свалится и все тутъ, и духъ вонъ. Ну, Богъ уже такихъ и подбираетъ, кому умирать надо. Богъ все подбираетъ, всѣхъ до едино: когда какихъ людей надо, кому какая смерть и все такое. Никто даромъ не погибнетъ. Все, значитъ, такъ надо.

Ну, вотъ, у васъ и сейчасъ весь воздухъ вреденъ, страсть какъ вреденъ, все изъ земли поднялось, жарко, душно, эфира нѣтъ, все испорчено, ужаси одни и какъ это васъ Богъ бережетъ.—Однимъ Имъ вы живы. Благодарите Его и молитесь Ему.

Ну, мнѣ пора, за мной пришли, сидите смирно, всѣхъ поцѣлюю. Да хранить васъ Господь и Царица небесная.

XI.

12-го іюля 1899 г.

Миръ вамъ. Вотъ и я, Таня. Сегодня я вамъ про праведнаго язычника скажу. Ну, вотъ, слушайте.

Жилъ одинъ уже старый язычникъ и въ такое время, когда христіанская вѣра была уже главная. Но онъ не

хотѣлъ свою вѣру мѣнять, и не потому, чтобы она ему не нравилась, а такъ; я, де, уже старъ. Онъ говорилъ: «И дѣды мои вѣрили такъ; ну, и мнѣ мѣнять вѣры не слѣдъ». Домашнимъ онъ никому не мѣшалъ и даже жена его умерла христіанкой.

Вотъ, пришла его смерть, а было у него два сына, уже большіе, и говорить онъ имъ:

— Вотъ, я умираю, все мое имѣніе и всѣхъ рабовъ подѣлите; а вѣру держите какую хотите—не заказываю вамъ на этотъ счетъ ничего; но живите хорошо и любите другъ друга! — И умеръ.

Сыновья подѣлили имущество и рабовъ. Ни много, ни мало, но для нихъ довольно было; а у старшаго сына и невѣста была. И говорить старшой:

— Ну, братъ, ты какъ думаешь жить?

— Останусь въ домѣ отца и буду жить, какъ отецъ жилъ.

— Такъ, говорить, а я думаю вѣру переменить и Христу послужить. Говорять, Онъ Богъ, и тебѣ совѣтую.

— Ну, говорить младшій, я еще подожду, тамъ видно будетъ.

Такъ они и разошлись, по любви и безъ обиды. Прошло лѣтъ съ пятокъ; встрѣтились. Вотъ, старшій братъ и говорить:

— Ну, что, братъ, еще вѣру не мѣнял?

— Нѣтъ, говорить, все думаю. Я хочу допрежь все узнать хорошенько, что это за вѣра и что въ ней дѣлать. Вѣдь, говорятъ то все о ней разное. А ты какъ?

— А я христіанинъ.

— Такъ, говорить; а почему ты свою невѣсту бросилъ?

— Да, говорить, не пристало мнѣ, христіанину жениться на язычницѣ.

— Ну, да, вѣдь, у ней двое дѣтей отъ тебя; нехорошо это ты сдѣлалъ: осрамилъ ее и дѣтей бросилъ. Теперь

я ее кормлю съ дѣтьми, потому не пропадать же ей. А язычество она для тебя переменяла бы охотно.

— Все это такъ, но всякъ долженъ свой крестъ нести. Вотъ это и крестъ. Потомъ еще Христосъ сказалъ: кто можетъ вмѣстить безбрачіе, такъ пусть. Вотъ я и отказался отъ брака.

— Мудрено все это, говорить младшій. А вотъ и еще: ты отпустилъ всѣхъ рабовъ; тѣхъ, кто въ силѣ, тѣхъ ты продалъ, а старыхъ и больныхъ такъ ты отпустилъ такъ?

— Да, нашъ Богъ учить, что всѣ люди равны и христіанину непристойно держать рабовъ.

— Мудреная вѣра, хорошо, что я ихъ кормлю, а то бы они съ голоду поумирали.

— Ну, это все хорошо, но когда же ты нашу христіанскую вѣру применишь? Вѣдь, теперь ужъ всѣ смѣются надъ язычниками. При томъ же когда умрешь, то прямо пойдешь къ дьяволу въ огонь вѣчный, потому что ты плевель, а я пшеница.

— Да я самъ все раздумываю надъ этимъ и не знаю, какъ мнѣ быть. Ужъ побудь ты христіаниномъ, а я еще пригляжусь.

— То-то смотри, а то мнѣ, вѣдь, тоже непристойно тебя и за брата считать.

Съ тѣмъ опять разошлись они. Прошло еще лѣтъ съ десятокъ, пошли между христіанами смуты. Зло раздѣлило святую церковь и пошли разныя ереси, и большая скорбь между христіанами. Свои своихъ казнили; горько и вспомнить, что тогда было. Вотъ, въ это какъ разъ время опять повстрѣчались братья. Ужъ и постарѣли они. Младшій очень было обрадовался, что видитъ брата; но взглянул на него и испугался, видя, что и ликъ у брата свирѣпый и платье монашеское, и глаза злобой сверкаютъ.

— А! ты все еще язычникъ, сказалъ онъ, ну ты мнѣ больше не братъ, и скоро тебя сожгутъ, какъ язычника.

— Что ты! за что меня сожгут? Вѣдь, я живу тихо, отвѣчаетъ младшій, никому не мѣшаю. А какъ живешь ты?

— О! я сталъ великъ. Все свое имущество я отдалъ Христу; выстроилъ золотой алтарь; усыпалъ крестъ самоцвѣтными камнями; и приписалъ себя особому ордену. Я монахъ, іезуитъ, я ищу Божьихъ враговъ и казню ихъ. Я расчяшаю путь Христу.

Задумался младшій братъ.

— Какъ же ты ихъ казнишь?

— Я жгу, пытаю, отдѣляю плевелы отъ пшеницы.

Загрустилъ младшій братъ и говоритъ:

— Знаешь, мой другъ, я было совсѣмъ собрался принять вѣру твою, а теперь не хочу. Ну, и что это у тебя за Богъ, который беретъ золото, камни самоцвѣтные, а людей велитъ казнить тебѣ. Да неужто вашъ Богъ самъ не можетъ справиться со своими врагами? Нѣтъ, такого Бога я не могу принять. Ужъ лучше самому быть казненному, чѣмъ другихъ казнить.

— Будешь ты такъ говорить, пока не попалъ къ дьяволу въ когти, говоритъ старшій. Тогда образумишься да уже тебѣ и прощенія не будетъ. Тогда и радъ будешь принять христіанство, да поздно будетъ.

На этомъ опять разстались братья. Вотъ, настало время младшему брату умирать. И думаетъ онъ: — «Что же, куда пойду, туда и пойду, а совѣсть моя чиста».

Умеръ онъ и видитъ, ангелы поютъ вокругъ него и говорятъ: «Истинный христіанинъ умеръ, а если нѣтъ на немъ крещенія, то это братъ ему помѣшалъ». И понесли они его на лучшую планету и говорятъ: — «Отдохни; жизнь твоя была угодна Богу».

Старшій пожилъ недолго и тоже умеръ. И такъ удивился онъ, когда увидалъ, что вдругъ не ангелы, а демоны его встрѣчаютъ. — «Какъ, думаетъ онъ: я столько Богу служилъ, что же все это значить?—гдѣ же спра-

ведливость?» И долго спорилъ съ Хранителемъ. Но несмотря на его споръ, пришлось ему все же идти во тьму.

Узналъ это младшій братъ и стало ему жаль брата. Взмолился онъ ко Христу, чтобы ему провѣдать его. Пошелъ онъ къ нему на Рокъ, и видитъ, что тотъ въ мукахъ, дьяволу служить. Заплакалъ онъ горько. А старшій и говоритъ:

— Какъ же это все сдѣлалось! я совсѣмъ не пойму! Я думалъ, гдѣ же ты? Коли уже я попалъ на Рокъ, то думалъ, что тебя чортъ ужъ прямо слопалъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я былъ язычникомъ, да жилъ какъ христіанинъ; а ты наоборотъ. Ты всѣ Его Божественныя слова извратилъ, какъ тебѣ хотѣлось, и какъ зло тебѣ внушало.

Долго спорили братья. Наконецъ-то младшему удалось убѣдить старшаго. Онъ горячими слезами растопилъ его извращенное сердце, а молитвой согрѣлъ его. Тогда только сказалъ старшій братъ:

— Братъ мой любезный! вотъ только теперь принялъ я вѣру Христову отъ тебя. Я плачу о томъ и о тѣхъ людяхъ, а ихъ много, очень много на землѣ, что думаютъ, что они Христовы друзья, а они Его первые враги, потому что извращаютъ Его Святыя слова. Кто уши имѣетъ слышать, да слышать. Пусть всякій человѣкъ разбереть, дѣйствительно ли онъ христіанинъ. Даже если онъ и крещеніе принялъ, но всеже можетъ онъ быть не только язычникомъ, но и хуже язычника. Язычникъ же свободно можетъ быть Христовымъ ученикомъ, если по вѣрѣ Его живетъ. Потому никогда не судите нехристя, но приглядитесь сперва къ его жизни и къ его дѣламъ, и тогда только судите. А еще лучше, никого не судите, а если можете, то лучше помогайте всѣмъ.

Мнѣ давно пора идти по дѣлу. Заболталась съ вами. Храни васъ Господь и Царица небесная.

XII.

23-го іюля 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня. Какъ живете? Какъ Бога славите? Ну, о чемъ будемъ разговаривать сегодня?

В. — Вѣдь, шелъ у насъ разговоръ про одного барина. Переѣхалъ онъ на квартиру № 13 и не стало ему везти ни въ чемъ; однѣ у него неудачи, однѣ бѣды, кто тутъ виноватъ?

О. — Не знаю, какъ могу я знать? Много можетъ быть причинъ. Навѣтъ должно. У васъ ихъ много бываетъ. Вотъ, что я тебѣ скажу.

Жилъ одинъ священникъ, и хорошъ онъ былъ; кажись, немного и грѣха имѣлъ; и жилъ онъ счастливо. Жена у него была, дѣти, и все было хорошо. Только пріѣхала къ нему тетенька, и позавидовала; а зло уже тутъ. Оно сейчасъ пристало къ ней, во снѣ пришло къ душѣ ея и говоритъ: «Будетъ пону хорошо жить; знаешь, проведи только первое горе, а мы навѣтъ положимъ».

И что же бы вы думали? Не заперла она на ночь дверь и пропустила вера. Обокралъ онъ батюшку и все пошло худо съ того часа. Все у него спуталось: сынъ умеръ: ногу сломалъ; дочь ушла тайкомъ съ какимъ-то баринкомъ; и такъ все пошло худо, что, что ни день, все горе и горе.

Вотъ разъ служить батюшка въ своемъ приходѣ; молится у престола, и такъ ему горько стало, что онъ заплакалъ. Какъ что случилось, не скажу, не знаю, только слышитъ онъ кто-то ему говоритъ: «Уйди съ этого мѣста». И понялъ священникъ, что ему другое надо мѣсто искать. Старое мѣсто было доходное, и жаль ему его, но дѣлать нечего, рѣшилъ и поѣхалъ. Выпросилъ себѣ мѣсто похуже стараго и все какъ рукой сняло. Такъ на немъ зажила, что много лучше прежняго.

Да, есть разные навѣты, есть страшные навѣты. Вы, вотъ, люди, думаете, что оно пустое, а, вѣдь, все это истина. Видишь, для васъ чувства всѣ равны, и вы ихъ считаете ни во что. Вотъ, когда вамъ больно, вы чувствуете и придаете значеніе, а чувства другого для васъ какъ-бы совсѣмъ не существуютъ.

А между тѣмъ, когда человекъ входитъ къ тебѣ со злобою, съ завистью или еще съ чѣмъ-нибудь дурнымъ, то и эфиръ, который каждую минуту проходитъ черезъ него и отъ него пропитывается тѣмъ же качествомъ, т. е., злобой, завистью и т. д. Вотъ къ слову я зла на тебя, сижу и гляжу на тебя, а въ душѣ моей злоба, а эфиръ этотъ идетъ отъ меня къ тебѣ и пропитываетъ тебя, и моя злоба уже на тебѣ находится и остается на тебѣ. Ты этого не чувствуешь; но, вѣдь, оно такъ; вѣдь, мой эфиръ остается въ твоемъ и мы передаемъ все другъ другу. Вотъ, почему и проклятiя иногда исполняются. Одинъ человекъ проклинаетъ другого въ своей злобѣ, а въ то время его эфиръ, выходя съ дурнымъ желаніемъ, касается и пропитываетъ этого другого; потому и говорятъ, что бываетъ такъ, что отъ проклятiя человекъ на мѣстѣ можетъ умереть. Вотъ, этакъ можно однимъ словомъ убить другого. Но, конечно, Господь отъ всего хранитъ, и все отъ Бога, какъ Онъ попуститъ. А попуститъ, то такъ и свершится. Ухожу, да хранить васъ Богъ и Царица небесная.

XIII.

24-го іюля 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня. Какъ живете? Какъ Бога славите? И рада же я, что вижу васъ бодрыми и веселыми. Стану сказывать вамъ о вашихъ покойничкахъ, гдѣ кто изъ нихъ у насъ находится, въ какой стадіи, какъ живутъ: худо или хорошо. Всякія мѣста у насъ

есть. Никто изъ васъ не минуешь насъ, всѣ черезъ насъ проходятъ и переживаютъ, что Богъ имъ даетъ, что сами заслужили.

Когда отъ васъ приходятъ ваши покойнички и живутъ у насъ въ сферахъ земли, то мы тѣхъ всѣхъ называемъ *несчастливыми*. Все равно, хорошо ли имъ жить или они мучаются. Все несчастные, потому всѣ у планеты «Скорби» живутъ, стало и несчастные.

Кто съ Марса приходитъ или на Марсъ идетъ тѣ, по нашему, *успѣшные*. Мы ихъ такъ называемъ.

Ну, такъ вотъ какія у насъ несчастные бываютъ.

Первая стадія — это лучше ея нѣтъ. Она сначала. Это такія души, какъ Аввелъ, которые поживутъ среди насъ недолго, и скоро на Марсъ перейдутъ.

Вторая стадія потомъ идетъ. Они будутъ долго готовиться среди насъ, но все же прямо пойдутъ потомъ на Марсъ.

Третья стадія. Это спорные. Они еще неизвѣстно, пойдутъ-ли на Марсъ.

Четвертая стадія. Такіе, какъ я.

Пятая стадія. Живутъ на планетахъ, что отъ насъ восемь тысячъ волнъ.

Шестая стадія отъ насъ еще дальше на шесть тысячъ волнъ.

На планетахъ неизвѣстно, сколько кому жить. Какъ Богъ укажетъ.

Седьмая стадія. Это все живущіе на планетахъ, ихъ неизвѣстно сколько; только мы ихъ на 6 группъ дѣлимъ. Первая группа, которымъ лучше, а тамъ во второй похуже и все хуже и хуже.

Восьмая стадія. Это скорбные. Ихъ шестьсотъ планетъ и мы ихъ на триста группъ дѣлимъ. Эти планеты всѣ кругомъ всей вселенной находятся; между Рокомъ и Божьимъ міромъ.

Девятая стадія. Это «одиночки». Эти планеты для одиночекъ у насъ находятся. Туда помѣщаютъ или безпокойныхъ, или прямо изъ тьмы, или тѣхъ, которые по милости Бога и Его благодати или по молитвѣ ушли съ Рока. Или тѣхъ, что въ тьни хотятъ свою жизнь провѣрить, помолиться, сосредоточить себя или успокоиться. Туда надолго нельзя идти. Только на время сажаютъ на эти одиночки.

Десятая стадія. Это тѣ, которые неизвѣстно куда угодятъ. Эти планеты еще дальше отъ Божьяго міра находятся, чѣмъ скорбныя планеты. Онѣ ближе къ Року и окружаютъ Божій міръ со всѣхъ сторонъ, кругомъ его.

Одиннадцатая стадія. Это тѣ, что внѣ всякаго обиденнаго закона. Мы говоримъ, что они: «на новомъ началѣ». Это когда кто либо изъ насъ сдѣлалъ что либо очень хорошее, либо что очень дурное. Ну, тѣ, что на новомъ началѣ, идутъ по другому, не такъ, какъ мы. Одни, бываетъ, угодятъ прямо на Марсъ, а другіе на Венеру, а то прямо и на Рокъ угодятъ. Это дѣло у нихъ тамъ тонкое. Намъ ихъ дѣла не видны.

Ну, вотъ и спрашивайте теперь, гдѣ ваши покойнички. У насъ часто бываетъ, что ищетъ душа душу. Мать умереть, дѣтей своихъ ищетъ, мужа, или родню; и сколько хлопотъ бываетъ. Плачутъ, бываетъ.

Вотъ у насъ есть одна душа, зовутъ ее Магдалина. Она пониже меня будетъ. Пришла она на планету, дочь свою искать; и говоритъ намъ: «Пропала, а я изъ за того больше и умерла, чтобы и повидать, а вотъ ея нѣтъ, да нѣтъ». Плачетъ, сокрушается страсть; всѣмъ намъ жалъ стало, утѣшаемъ. Она говоритъ: «пять лѣтъ какъ умерла!»

А одна душа тутъ тѣмъ временемъ стояла и говоритъ: «И я уже пять лѣтъ какъ умерла».

— А гдѣ ты жила?

— Ну, гдѣ ни жила, а теперь на Марсъ иду».

Глядь, поглядь, а онѣ то и есть мать съ дочерью. Вотъ радость-то промежь нихъ была! Ну, а потомъ острая любовь прошла и перешла въ тихую. Дочь ушла на Марсъ.

В. — Мы тебѣ, Таня, послѣ большой списокъ приготовимъ своихъ покойничковъ. Ты теперь намъ будешь говорить въ какомъ мѣстѣ они у васъ на небѣ находятся. А теперь дай намъ географію вселенной. Ты обѣщала давно намъ описать вселенную.

О. — Ладно, могу и теперь. Ну, слушайте.

Вы знаете, что міръ Божій очень великъ. Онъ такъ великъ, что у васъ на землѣ не хватитъ даже и счета, чтобы написать это число. Не найдется у васъ такого счетчика, чтобы посчиталъ, какъ онъ великъ. Но всеже конецъ ему есть. И мѣсто, куда проникаетъ благодать Божья, которое оживляется Его святымъ присутствіемъ, есть большой шаръ среди мрака тьмы и пустоты, которымъ нѣтъ конца и предѣла; по крайней мѣрѣ, никто, даже изъ насъ «духовъ», его не знаетъ.

По серединѣ этого шара помѣщается Святая Святыхъ.

На трехъ планетахъ обитаютъ тоже свободные отъ дѣлъ Ангелы-Хранители.

Это самая близкая система планетъ къ Святой Святыхъ. Она самая роскошная, самая сіяющая, свѣтлая изъ всѣхъ системъ. О! вы себѣ ничего подобнаго представить не можете. Тихій, вѣжливый, ласкающій, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно яркій и разнообразный блескъ ея описать невозможно. Она обращается кругомъ Святой Святыхъ, сохраняя всегда одну и ту же дистанцію.

Немного дальше, хотя и очень близко отъ Святой Святыхъ, имѣетъ свое обращеніе одна одинокая планета. Черная она пречерная, какъ потухшій уголь. Она никѣмъ не обитаема. Никто никогда не заходитъ и не останавливается на ней. Она чужда и страшна всѣмъ. Это планета, покинутая Денницей.

Въ нѣкоторомъ разстояніи находится сфера планетъ небесныхъ силъ. Это девять лучезарнѣйшихъ созвѣздій, но тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ блещетъ своей особой красотой и самымъ яркимъ свѣтомъ всевозможныхъ цвѣтовъ и колоритовъ. Это свѣтъ духовный, какъ и самыя планеты, отъ которыхъ онъ исходитъ. Это свѣтъ безъ огня и повышенія температуры, съ которымъ вы на землѣ совсѣмъ незнакомы.

Еще дальше, чѣмъ сфера планетъ небесныхъ силъ, помѣщается такъ называемое седьмое небо. Эта сфера окружаетъ также Святая Святыхъ, со всѣхъ сторонъ, образуя концентрическій шаръ, на поверхности котораго обращаются 700 роскошнѣйшихъ отдѣльныхъ планетъ, каждая изъ нихъ принадлежитъ какому нибудь святому.

За седьмымъ небомъ слѣдуетъ сфера довольно широкая, въ которой совсѣмъ нѣтъ планетъ. Она отдѣляетъ міръ духовный отъ міра матерьяльнаго.

Самая обширная сфера, это сфера матерьяльная или видимая для васъ вселенная. Но и въ ней каждую матерьяльную планету окружаютъ сотни и тысячи духовныхъ, невидимыхъ вамъ планетъ. Онѣ положительно, какъ горохъ, насыпанный въ мѣшокъ, и духовныя планеты заполняютъ всю вашу матерьяльную вселенную. Такъ что вы, живя на вашей землѣ, и не представляете себѣ, до чего обильна жизнь въ темныхъ для васъ областяхъ междупланетнаго пространства, которыя вы считаете пустыми. Это все пустое для васъ пространство переполнено духовною жизнью на духовныхъ же планетахъ, и ни счета и ни числа имъ нѣтъ. Одинъ Богъ ихъ знаетъ.

Въ самомъ концѣ вселенной, на наружной поверхности этого обширнаго міроваго шара, гдѣ уже кончается область, до которой доходятъ матерьяльныя солнца со своими планетами,—помѣщены Господомъ духовныя же планеты

для душъ скорбныхъ и для душъ, состояніе которыхъ не выяснено, вернутся ли онѣ опять на свою планету или отправятся онѣ на Рокъ. Это восьмая и десятая стадія душъ, помѣщается именно на границѣ вселенной на окраинахъ Божьяго міра, вдали отъ Святаго Святыхъ.

За этими несчастными душами уже въ темныхъ пространствахъ, окружающихъ Божій міръ, начинаются владѣнія Денницы и его темное царство тьмы. Какъ великъ этотъ Рокъ, никто изъ насъ не знаетъ, всѣ боятся и говорятъ даже о немъ.

Вотъ, что могу сообщить вамъ о вселенной. Ну, хотя немного поняли меня? Да хранитъ васъ Господь и Царяца небесная.

XIV.

30-го іюля 1899 г.

Миръ Вамъ! Вотъ и Таня. И нехорошая это у васъ штука — слава; не дай Богъ! У васъ изъ за славы чело-вѣкъ на все готовъ рѣшиться. Это чувство, вѣдь, не отъ Бога, а отъ зла. Въ былое время Денница очень старался унижать всякаго, а потому это чувство и возшло въ міръ.

Прежде никому не было дѣла до того, что про него скажутъ или что подумаютъ, но когда Денница сталъ смѣяться надо всѣми, а то вдругъ возьметъ да похвалитъ когонибудь, вотъ и пошло съ того. И люди, и души очень падки до похвалы, и чего, чего ни стали дѣлать для того, чтобъ ихъ хвалили. Другой ничего не умѣетъ дѣлать особеннаго, все дѣлаетъ какъ и всѣ; вотъ тутъ онъ и давай выдумывать, чѣмъ бы отличиться; а зло тутъ какъ тутъ и давай его учить.

Знаете какъ разъ Денница заставилъ Богу молиться. Вы не повѣрите, а это правда. Вотъ я и расскажу вамъ:

Жилъ одинъ старецъ, очень Бога любилъ. Жилъ онъ въ пустынѣ и все молился и Господь постоянно съ нимъ

пребывалъ. Много народу къ нему ходило; просило его молиться; и даже вельможи ѣздили къ нему издалека; и онъ молился за всѣхъ.

Не подалеку жилъ одинъ чело-вѣкъ и также былъ хороший, но только незадачный онъ вышелъ; ни разговора, ни дѣла у него особеннаго не выходило; а все было какъ у всѣхъ. Зависть его на все брала; думаетъ онъ однажды самъ про себя: «Почему на меня никто не смотритъ и мнѣ не удивляется». И все, что онъ не увидитъ, за все берется, все пробуетъ и ничего ему не удается и всему онъ завидуетъ. Душа то у него даровитая была, да не пришло еще его время по настоящему дѣло дѣлать. А Денница его уже давно караулилъ и все сбивалъ, боясь, что онъ на свое дѣло нападетъ, и всѣ дары къ мѣсту приставитъ.

Чело-вѣкъ этотъ былъ добрый, но еще молодой, и за своими дѣлами Богу почти не молился, а такъ, прочтетъ молитву какъ попаде, и все тутъ.

Вотъ прослышалъ онъ про старца, что всѣ на него дивятся, и много онъ добра приноситъ «Пойду, говорить, къ нему, погляжу, можетъ и меня научить какъ бы мнѣ не умереть простымъ чело-вѣкомъ, а чѣмънибудь отличиться». — Пошелъ. Старецъ его встрѣтилъ ласково. Когда онъ ему рассказалъ про свое дѣло, старецъ улыбнулся и сказалъ:

— И то правда, ничѣмъ тебя отъ другихъ не отличишь, все какъ будто въ тебѣ въ мѣру. Ну, вотъ, что другъ, коли тебѣ Богъ что далъ особенное, то само выплыветъ; а коли нѣтъ, то самъ ни въ жизнь не выдумаешь, потому что всякое чудо отъ Бога. Молись лучше; живи по совѣсти и тогда будетъ хорошо.

Разсердился юноша. «Вотъ думаетъ, штука, ну какой онъ угодникъ, такъ себѣ старецъ, да и ума то онъ не великаго». А Денница ему шепчетъ:

— А, вѣдь, прославился, поди, дуракъ, и вельможи къ нему съ поклономъ.

— Такой пустой мужикъ, а прославился, а я и учился, и уменъ, и красивъ и ничего во мнѣ толку; какъ все это странно. Задумался онъ надъ этимъ, а Денница ему говорить:

— А тебѣ вотъ въ вѣкъ не прославиться. Подумай, ну, гдѣ тебѣ даже такое пустое дѣло дѣлать какъ этотъ старецъ. Развѣ ты можешь сейчасъ бросить свои богатства, уйти въ пустыню, ѣсть одинъ хлѣбъ, и то если принесутъ, пить одну студеную воду, а вспомни еще холодъ и всѣ удобства? Гдѣ тебѣ!.. А онъ пустой да глупый, да сдѣлалъ. Вотъ, если бы ты, и впрямь былъ сильный, ты затмилъ бы его своимъ умомъ, къ тебѣ поди сами цари ѣздили бы! Да гдѣ тебѣ!

Задумался, очень задумался этотъ юноша. А тѣмъ временемъ Денница соображаетъ.

«Пусть-ка его себѣ попробуетъ и старца собьетъ и самъ не выдержитъ и время уйдетъ». Какъ то одинъ разъ и говорить этотъ юноша:

— Ладно, ты мнѣ помогай, а я ужъ этого старца затемню, себя не пожалѣю.

Взялъ всю свою казну да на бѣдныхъ отдалъ. Хоть это и тошно было Денницѣ, да ничего: «Мы-де свое опять наберемъ», думаетъ онъ. «А главное надоѣлъ мнѣ этотъ старецъ».

И снялъ юноша хорошую одежду, надѣлъ простой кафтанъ, даже и шапки не взялъ: «Потому-де у старца шапка была. У старца шалашь, а я прямо въ лѣсу, хоть и замерзну, а отличусь».

Ну, ладно, пошелъ въ лѣсъ, живетъ, и день, и два, скука, но ничего, сталъ Богу молиться для виду. Вдругъ идетъ женщина и плачетъ.

— Горе одолѣло, мужъ умираетъ, ходила къ старцу,

а онъ говоритъ: «время ему къ Богу идти». А у меня дѣти, ты тоже Божій человекъ, може поможешь, вотъ у тебя и шалаша вѣтъ, какъ у старца, ты, видно, еще угоднѣй Богу!

А Денница ему шепчетъ:

— Молись для вида, а я исцѣлю.

Сталъ юноша вздыхать, молиться, только вдругъ и думаетъ:

— Ну, а какъ Богъ есть, да все видитъ?—а этотъ, что мнѣ шепчетъ, отъ зла? И таково ему тошно и страшно стало, и онъ отъ всей души какъ вскрикнетъ:

— Господи! ужъ не для славы прошу, прости меня и не погуби несчастную. И почувствовалъ онъ, какъ будто кто то его влечетъ; всталъ, не помня себя и говорить женщинѣ:

— Веди меня, къ больному, веди меня, окаяннаго. И повела она его. Когда пришли, положилъ онъ руку на больного и говорить:

— Господи, въ руки Твои отдаюсь, хоть осрами, но не погуби малыхъ дѣтокъ!!!—И исцѣлился больной, и самъ онъ удивился и всѣ кругомъ.

— Что же это такое, думаетъ юноша, я и самъ не разберу, что со мной случилось. Въ первый разъ всѣхъ удивилъ, а мнѣ самому такъ стало и страшно и жутко, Господи! — А Денница освирипѣлъ и говорить:

— Говорилъ, не выдержишь.

— Ладно, думаетъ юноша, какъ не выдержу, а чтобы онъ мнѣ не мѣшалъ, начну молиться, да такъ, чтобы и голодъ, и холодъ, и боль, ничего не замѣчать. Пришелъ въ лѣсъ, взялъ камень, всталъ на него голыми колѣнями, ни пѣть, ни ѣсть и все воить:

— За что же это, Господи, Ты меня послушалъ окаяннаго! И долго такъ молился. А Денница со всѣхъ сторонъ заходитъ, а до души добратся не можетъ, потому что

самъ ангель ея закрываетъ. Съ колѣнъ кровь сочится, голодь одолеваетъ, а онъ все молится; и такъ ему стыдно, что старца задумалъ затмить.

— Пойду, говорить, поклонюсь ему и выпрошу прощенье и буду ему служить.

Идетъ, едва идетъ и ноги свело ему отъ стоянія, а на колѣняхъ раны. Пришелъ, а старецъ и говоритъ ему:

— Ну, слава Богу, пришло мое время, отслужилъ Тебѣ Господи, вотъ пришелъ человекъ безъ шапки и раны на колѣняхъ, онъ замѣститъ меня. Ты, вѣдь, и обѣщаль мнѣ такъ и велѣлъ ждать такого. Онъ поклонился юношѣ и говоритъ:

— Спасибо тебѣ, я давно тебя жду. И откуда что явилось: стало юношѣ такъ легко и такъ радостно. Обнялъ онъ старца, принесъ ему покаяніе. Старецъ его простилъ, благословилъ и говоритъ:

— Отъ Бога все выплыветъ, хотя и отъ зла начнется. Я все передаю тебѣ теперь, а меня похорони.

Старецъ прожилъ еще съ годъ, но уже не вставалъ, а только его училъ. И молился юноша, страсть, какъ молился; и угодень Богу сталъ.

Ну, прощайте. Мнѣ пора, дѣло есть, храни васъ Христось.

XV.

2-го Августа 1899 г.

Миръ вамъ! Вотъ и я, Таня. Какъ живете? Какъ Бога славите?

В. — Кто вамъ рассказывалъ, Таня, про любовь; какой духъ?

О. — Это намъ говорилъ одинъ очень высокій духъ. Говоритъ — такъ прямо въ душу и свѣтъ, и слова еще не успѣетъ вымолвить, а оно уже растетъ въ сердцѣ. Онъ намъ много еще говорилъ и нѣтъ у него пороч-

ныхъ, всѣ, говоритъ, святы, — отъ Свята пришли, и къ Святу идутъ, а заблуждаться временно могутъ. Поучать насъ онъ приходилъ раза четыре.

Первый разъ такъ говорилъ: «Знаете, что такое любовь?»

И замолчалъ; а мы задумались; и думаемъ, что такое, въ самомъ дѣлѣ, любовь? — А онъ говоритъ: «Это есть все; это Богъ; это эфиръ; это вы; это люди; это зло».

И знаете, такъ хорошо онъ это сказалъ, что мы сразу почувствовали, какъ сердце наше открылось для его чудныхъ словъ.

Все, что только существуетъ — все живетъ любовью; даже зло и то любитъ.

«Любовь можетъ все сотворить. Любовью двигается міръ. Любовью сотворенъ міръ. Отъ любви міръ и палъ. Отъ любви онъ возстанетъ и какъ солнце засвѣтитъ ясно и чисто. Мнѣ трудно писать, потому что я перевожу съ нашего языка на вашъ».

«Господь сказалъ, что любовь, какъ Онъ, безъ начала и конца; какъ Онъ не знаетъ Своего начала и конца, такъ и любовь не знаетъ ни начала, ни конца. Всему можно найти предѣлъ — любви нѣтъ предѣла. И каждый любить и каждый думаетъ, что больше онъ не можетъ любить, но еще что-нибудь его двинетъ — и любовь еще больше возгорится въ немъ. Отъ любви Господь создалъ міръ; и вы думаете, что во злѣ нѣтъ любви. Непремѣнно есть, иначе они не боролись бы, но разетались бы и не встрѣчались; а что же сводитъ ихъ вмѣстѣ, какъ не любовь?»

«Всѣ, какія чувства существуютъ на свѣтѣ—это есть прообразъ любви. Возьмите милосердіе — развѣ это не любовь? Кротость — изъ любви, нежеланіе стать выше и унижить другого. Смиренье, доброта, сожалѣніе и всѣ другія чувства, развѣ вездѣ и всюду не любовь?»

«Нѣтъ любви нечистой; нѣтъ любви самолюбивой;

нѣтъ любви завистливой; это — все не любовь, это — какъ зло отъ добра, такъ эти чувства отъ любви выродились. Но все это можетъ опять придти въ любовь. И когда растеніе цвѣтетъ, то въ немъ любовь. Если вслушаться въ нѣніе птицы, въ рокотъ волнъ, въ шумъ вѣтра — вездѣ любовь.

«И не думайте, что есть разная любовь, напримѣръ: любовь къ мужу, къ дѣтямъ, къ работѣ, — все это одна любовь, и ко всему она можетъ быть. И не думайте, что, если любишь одно, то нельзя любить другое; нѣтъ, это невѣрно: можно въ одно время горячо любить и мужа, и дѣтей, и ближняго, и работу, и все, и все. Конечно, когда въ это время нуженъ кому, то и кажется, что его любишь больше всѣхъ. Если мужъ твой нуждается въ эту минуту въ чемъ нибудь и ты ему отдаешь свою любовь, это не значитъ, что его одного ты любишь; нѣтъ, ты всѣхъ любишь, но сейчасъ ты ему нужна. Если ты нужна ребенку, или работѣ, или ближнему — никто изъ остальныхъ не теряетъ, что ты около одного или другого — любовь твоя не можетъ раздѣлиться или уменьшиться.

«И вотъ, друзья мои, если есть мужъ и жена и они не пара; Господь допускаетъ и такой бракъ, но пусть каждый изъ нихъ отдастъ другому свою душу, но не на плотское удовлетвореніе. Если одинъ изъ нихъ грѣшитъ и даже падаетъ, то другой береги, его поддерживай, помогай исправиться; но если твоя любовь не можетъ его исправить, то только тогда оставь его другому. Это самая трудная любовь, потому что люди мѣшаютъ ее съ бракомъ, но это только любовь къ ближнему.

«Любовь къ дѣтямъ, къ матери и отцу, это болѣе легкая любовь. Любите ихъ потому, что отъ нихъ получили кровь и плоть; вы, матери, дали ее дѣтямъ своимъ; вскормили ихъ молокомъ — значитъ, кровью своею.

«Любовь къ ближнему. Не говорите: «мы не можемъ ихъ любить, мы не знаемъ ихъ и если будемъ заботиться о нихъ, или беречь ихъ — то забудемъ дѣтей и мужей». — Нѣтъ, это неправда, никого не забудете. Любите ихъ, и чѣмъ они порочнѣй, чѣмъ больше погрязли, тѣмъ больше любите, и это вамъ дастъ не земную, а божественную радость.

«Не удерживайте любви, дайте ей течь, какъ рѣкѣ, пусть своими волнами она все уноситъ, пусть все смываетъ, и не думайте, что она изсякнетъ. Чѣмъ больше вы ей дадите свободы, тѣмъ лучше, не стыдитесь ея. Часто люди думаютъ, что у нихъ нѣтъ любви, но это только потому, что они сами думаютъ ее въ себѣ съ дѣтства; и она, какъ запертый потокъ. Но откройте дверь — и она хлынетъ рѣкой.

«Многіе думаютъ, что умъ и любовь не могутъ жить вмѣстѣ. О! какъ они ошибаются. Умъ и любовь тѣсно связаны. Если бы не было ума, то любовь не могла бы такъ широко развернуться; это доказываютъ намъ люди на планетѣ Венера и животныя: у нихъ нѣтъ ума, а потому любовь у нихъ не можетъ простираться далеко. Они могутъ любить только того, кто имъ нуженъ, или того, кто отъ нихъ произошелъ. Умъ — путеводитель любви. Онъ ведетъ ее разумно. Она одна не можетъ все обозрѣть, и умъ ее направляетъ. Безъ ума любовь засыпаетъ; а умъ безъ любви изсякаетъ.

«Я, друзья мои, могу олицетворить вамъ любовь. Я часто ее представляю въ видѣ мечты. Она — прекрасная женщина, и непременно съ сѣрыми, неуловимыми глазами. Только такіе глаза могутъ мѣнять свой цвѣтъ, свое выраженіе ежечасно. Она съ длинными волнистыми волосами цвѣта тоже неуловимаго: ни темнаго и ни свѣтлаго. Я самъ могу только ее себѣ представить съ дивными, нѣжными чертами лица. Эта женщина вездѣ и

всюду; она обхватываетъ весь міръ отъ Святая Святыхъ до самаго ада. И вездѣ ей ходъ отъ Бога до ада, отъ ада до Бога. Она около каждаго. И когда она около кого нибудь — ей до другихъ нѣтъ дѣла. Она ему отдаетъ все; всю свою любовь; она страдаетъ его страданіями; живетъ его радостью, его печалью, его грѣхами; и когда въ немъ загорится то пламя, которое должно согрѣть его и весь міръ, она обращаетъ свой взоръ къ другому. И нѣтъ у ней выбора. И нѣтъ у ней великихъ, святыхъ и грѣшныхъ — у ней всѣ равны, и всѣмъ она нужна, и всѣ стремятся къ ней, и она ко всѣмъ стремится. Нѣтъ у ней прошлаго, нѣтъ будущаго, одно настоящее. Кому нужна она, съ тѣмъ она въ эту минуту дышитъ. Отошла — о немъ забыла и другого любить и съ другимъ страдаетъ, и другимъ живетъ.

«Что ей грѣхъ? Что ей преступленіе? Она все любитъ, все обхватываетъ и не боится ни грѣха, ни преступленія. И она, лучезарная, взявъ грѣхъ и преступленіе, идетъ прямо въ Святая Святыхъ и все несетъ къ Богу. Развѣ грѣхъ и преступленіе не исчезнуть передъ Его лицомъ! И опять она чистая спускается въ міръ; идетъ въ грязь, въ смрадъ, въ болѣзнь, въ порокъ. И нѣтъ такой грязи, которая замутила бы ея блескъ. Ея любовь есть тотъ чистый эфиръ, одно прикосновеніе къ которому уже смягчаетъ все порочное. И когда всѣ, всѣ до единого воспламеняются отъ нея, тогда все грѣшное, все порочное пропадетъ само собой и все очистится. Ни постъ, ни страданія, ни изнуренія ничто васъ такъ не очиститъ, какъ ея всепрощающая, всеподымающая и всеосвѣщающая любовь. Вотъ она какая любовь. Если вы можете воздвигнуть ея образъ въ сердцѣ своемъ, вы уже съ ней, вы чисты и идете за ней.»

Вотъ, кажется, все, что онъ сказалъ, больше не припомню. Знаю, что я не могла его словами все сказать;

трудно переводить на вашъ земной языкъ: нѣтъ у васъ такихъ словъ живыхъ, а потому и не могу я все то передать, а очень бы хотѣлось мнѣ, голубочки, все доподлинно передать; такъ все хорошо, такъ все чудесно! Все это въ сто кратъ меньше, чѣмъ онъ сказалъ. Я рада, что и такъ хотя передала.

Ахъ, какъ много въ немъ любви! Довольно чувствовать, какъ онъ любитъ, чтобы стало легко, отрадно и радостно!

Правду онъ говоритъ, что зло такъ загрязнило вашу любовь, что люди стыдятся ее. Люди смѣются и даже издѣваются надъ ней. А, вѣдь, это такой великій даръ отъ Бога, Онъ Самъ весь любовь. Значитъ, какая бы ни была любовь — не стыдитесь ея, не глушите ея, отдайтесь ей всѣ. Сколько ее грязнили, сколько ее глушили, а она все жива, и самый порочный человѣкъ или духъ, хотя на чемъ-нибудь да вылететь ее. Самый закованный грѣшникъ и тотъ что-нибудь да любить. Почему львица ласкаетъ свое дитя?

XVI.

15-го августа 1899 г.

Миръ вамъ въ мірѣ скорби. Молитесь, друзья мои, и благо вамъ будетъ. Вы положительно не представляете себѣ того мощнаго значенія, какое имѣетъ молитва въ жизни человѣка.

Что для тѣла нища, то и молитва для души та же нища. Кто лучше и чаще возносится къ Богу, у того и душа крѣпче и можетъ онъ легче справляться и съ собой, и съ своими грѣхами и пороками.

На землѣ этого многіе совсѣмъ не понимаютъ, а потому говорятъ: — «Богъ лучше меня знаетъ, что мнѣ надо, то и дастъ мнѣ; зачѣмъ буду я еще молиться».

Но Богъ не такъ говоритъ; Онъ говоритъ: — «Я далъ человѣку свободную волю дѣлать то, что онъ самъ хо-

четь, а потому пускай самъ добивается того, что ему надо и къ чему онъ стремится. Кромѣ того, Я далъ человѣку разумъ, а потому онъ самъ долженъ знать и понимать, что ему полезно. Всѣ средства ему далъ Я, какъ и другимъ твореніямъ, еще большія у него, чѣмъ у всѣхъ, а потому пусть выбираетъ: если хочетъ и считаетъ для себя нужнымъ, пусть пользуется Моей силой и Моей помощью. Я далъ ему всего, что онъ хочетъ и сколько хочетъ—пусть только самъ добивается. Если же онъ находитъ для себя лучше обходиться безъ Меня, пусть управляется какъ знаетъ. Я ни въ чемъ ему не мѣшаю, ибо у него свой умъ, своя воля, онъ свободенъ, какъ и Я».

«Опытъ жизни—лучшій учитель. Онъ укажетъ человеку, что ему лучше и что хуже, что ему легче и что труднѣе, пусть убѣдится черезъ опытъ, если мнѣ не вѣришь, и когда убѣдится, то пусть тогда придетъ и Я не отвергну его»!!!

Душа безсилна, если Богъ не дастъ ей Своей силы. А чтобы Онъ далъ, надо Его просить и молиться; надо единяться съ Нимъ, чтобы и Онъ былъ въ васъ, и вы въ Немъ, — надо, чтобы, хотя до нѣкоторой степени, свершилось то таинство, котораго первообразъ есть Само Таинственное слитіе Трехъ - Упостаснаго Бога, дающее жизнь и силу всему живому. Никого къ этому таинству Господь Богъ силой не подводитъ. Только одни жаждущіе его и ищущіе получаютъ возможность единиться съ Богомъ и образовать вѣтви Его предвѣчнаго дерева.

Молиться должны всѣ живущіе, чтобы не ослабѣть духовно и не сдѣлаться жертвой зла. Молятся и ангелы, и архангелы, и святые. Казалось бы, зачѣмъ молиться имъ? Они, вѣдь, и сами такъ сильны и такъ святы, что каждый изъ нихъ могъ бы въ одинъ мигъ превра-

тить всю вашу землю въ хаосъ; или, наоборотъ, изъ между-планетнаго эфира могъ бы создать планету въ миллионы разъ больше всей вашей земли и не постепенно, но вдругъ. Но они всѣ молятся, ибо знаютъ, что вся эта ихъ сила, которой они владѣютъ, не ихъ сила, но сила Божья. Они знаютъ, что, кромѣ силы Божьей, нѣтъ другой силы, а чтобы владѣть ею, надо возноситься къ Нему, надо единиться съ Нимъ, надо достигнуть того, чтобы и Онъ хотѣлъ быть въ васъ, когда вамъ нужно быть въ Немъ.

Чѣмъ выше души и всѣ существа, тѣмъ чаще они возносятся, ибо жаждутъ они все большей и большей силы и святости, и сколько каждому нужно, сколько каждый можетъ вмѣстить, столько и получаетъ онъ изъ Общаго Предвѣчнаго и Святѣйшаго Источника Силы, Святости и Всемогущества.

Но люди понимаютъ это совсѣмъ иначе. Они хотятъ, чтобы сама Сила и Святость шла на нихъ непрошенная. Они такъ мало придаютъ ей значенія, что даже лѣнятся поискать ее.

Скажите, еслибы ваше государственное казначейство было бы открыто для каждаго, и кто только захотѣлъ, могъ бы брать въ немъ деньги сколько угодно, неужели никто изъ васъ не пошелъ бы въ него, а требовалъ бы, чтобы ему, безъ всякой съ его стороны просьбы, принесли бы деньги на домъ. Отчего же не хотите вы идти къ Царю вашему Небесному и попросить себѣ у Него Благъ, кои въ миллионы разъ полезнѣе вамъ, чѣмъ всѣ ваши земныя Блага.

Право, понять трудно такую земную логику, которая доводитъ людей до убѣжденія, что Бога и Его благодати искать не надо. Вѣдь, простой, земной практический расчетъ долженъ понудить къ молитвѣ каждаго, радѣющаго о себѣ человѣка. Подумайте хорошенько:

какъ бы ни былъ гордъ или самолюбивъ, или самонадѣянъ человекъ, ему прямо выгодно приближаться къ Богу и черезъ то облегчать себѣ свою задачу жизни. Гордость и самолюбіе можетъ еще возставать противъ публичной молитвы, они могутъ мѣшать человеку молиться передъ людьми, но что мѣшаетъ ему молиться въ своемъ сердцѣ или въ уединенномъ мѣстѣ? Несомнѣнно, что эта молитва, дѣлаемая съ земнымъ расчетомъ, далеко не такъ дѣятельна и плодотворна, какъ молитва чистая и истинная, какъ непринужденное, естественное возношеніе души къ своему Богу, вслѣдствіе прирожденнаго желанія чувствовать Его въ себѣ; тѣмъ не менѣе, Христосъ, въ притчѣ о невѣрномъ управителѣ (Лука, 16, 8), похвалилъ приемъ его и совѣтуетъ сынамъ свѣта въ этомъ случаѣ быть столь же догадливыми, какъ и сыны вѣка, и приобретать себѣ друзей богатствомъ неправильнымъ.

Какъ бы человекъ не былъ грѣшенъ, пусть не сомнѣвается, что молитва его достигаетъ Бога; ибо чѣмъ грѣшнѣе человекъ, тѣмъ и меньшая его молитва скорѣе идетъ къ Нему и тѣмъ отраднѣе Ему; объ одномъ кающемся грѣшникѣ бываетъ больше радости на небѣ, чѣмъ о девяти праведникахъ, не требующихъ покаянія.

Вотъ, когда пристукнуть васъ горе, болѣзни или неудачи, о! тогда молитесь вы всѣ; и надо правду сказать, что молитва многихъ изъ васъ, хотя и неумѣлая, но восходитъ высоко къ Богу. Но, вѣдь, однако, молитва принудительная не есть настоящая молитва; она суетна, трепетна, человекъ молится и самъ чувствуетъ, что просить невозможнаго. Онъ знаетъ, что для того, чтобы сбылась его просьба, нужно, чтобы Господь Богъ сдѣлалъ чудо, и онъ самъ чувствуетъ, что онъ не заслужилъ передъ Богомъ этого чуда. Но и то, какъ часто Богъ посылаетъ ему это чудо.

Что стоило бы человеку быть смиреннѣе и холоднымъ здравымъ разсудкомъ разсудить положеніе свое въ своемъ мирѣ скорби. Онъ увидалъ бы, сколько у всѣхъ постоянно горя, бѣдъ, несчастій, болѣзней, несбывающихся надеждъ и т. д., а если это такъ, и если безъ нихъ обойтись нельзя, то не логично ли, и не разумно ли быть всегда готовымъ къ нимъ.

Вы въ радостяхъ никогда о горестяхъ не думаете и онѣ всегда застаютъ васъ врасплохъ, неготовыми ихъ принять и пережить какъ нужно, какъ того требуетъ Богъ. Поэтому вы всегда трепещите передъ всѣмъ неприятнымъ и тяжелымъ въ жизни, какъ малыя дѣти передъ розгой, и даже не ищите ни причины ихъ, ни средства, какъ предотвратить ихъ на будущій разъ. Повѣрьте мнѣ, что тотъ, кто знаетъ, зачѣмъ и для чего онъ страдаетъ — тотъ переноситъ мученія легко, стойко, съ благоговеніемъ и съ молитвой благодарности, ибо видитъ въ нихъ Руку Божью, ведущую ихъ къ благу и къ самоусовершенствованію.

Не такъ ли точно дѣлаете вы же сами въ практической земной жизни. Вы рѣшаетесь на страшно болѣзненную операцію отнятія руки или ноги, чтобы спасти все тѣло или избавиться отъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Вы добровольно рвете себѣ зубы, чтобы избавиться отъ болей. Не совершенно ли такъ вліяютъ всѣ превратности земной жизни на ваше нравственное и духовное благосостояніе души? — Вѣдь, онѣ тоже лечатъ раны души и готовятъ васъ къ будущей блаженной вѣчности. Подумайте, неужели же не стоитъ пострадать какой-нибудь десяткомъ лѣтъ, чтобы быть счастливымъ цѣлую вѣчность.

Какъ много вредитъ вашей молитвѣ злая сила. Въ особенности злая сила сильна около людей невѣрующихъ въ ея дѣйствительное существованіе и не признающихъ

возможности ея воздѣйствія на нихъ. Многіе изъ васъ желали бы укрѣпить свою душу своимъ возношеніемъ къ Богу. Они чувствуютъ даже иногда потребность подѣлиться съ Богомъ трудностями своей земной жизни, сообщить Ему свои ошибки и сдать Ему хотя часть своихъ грѣховъ; но какъ только стануть они на молитву, начнутъ или читать какую либо обычную молитву, или говорить своими словами Богу свои нужды и печали, — сейчасъ мысли ихъ начинаютъ путаться, они начинаютъ вспоминать совсѣмъ постороннія вещи, не касающіяся ихъ молитвы — и начнутъ до того развлекаться, что прямо забываютъ, что стоятъ на молитвѣ, и пропадають у нихъ всѣ добрыя намѣренія, которыя были до молитвы. Пробормотавъ скороговоркой, что находятъ необходимымъ, они прекращаютъ молитву и убѣждены, что молиться они неспособны.

Въ сущности дѣло тутъ совсѣмъ не въ томъ: злые духи, видя добрыя намѣренія челоуѣка, который не далъ власть надъ своими добрыми помыслами своему Ангелу Хранителю — нападаютъ смѣло на челоуѣка, ибо онъ безоруженъ и беззащитенъ передъ ними, и они такъ сильно и настойчиво внушаютъ ему постороннія мысли, что изъ за нихъ онъ уже и не можетъ молиться. Самъ челоуѣкъ не даетъ никакого отпора этой силѣ, ибо не вѣритъ даже въ существованіе ея и приписываетъ все себѣ и своей неспособности; ангелъ же хранитель безъ просьбы челоуѣка не можетъ оградить его, ибо въ этомъ случаѣ онъ безсиленъ. Такъ какъ насиловать волю челоуѣка никто не можетъ, — чтобы стоило челоуѣку до молитвы или видя свою произвольную разсѣянность, съ которой онъ не справляется самъ, прибѣгнуть къ помощи ангела-хранителя и просить его отогнать отъ него зло и усилить его молитву? Тогда только челоуѣкъ увидалъ бы, дѣйствительно ли онъ совсѣмъ неспособенъ

къ молитвѣ или только не могъ своими силами побороть козни злыхъ духовъ.

Есть дѣйствительно между вами такіе люди, возношеніе къ Богу которыхъ ничтожно, ибо они уже слишкомъ заглушили въ себѣ искру Божью. Имъ дѣйствительно трудно молиться и при всемъ желаніи сосредоточиться и уйти въ себя и въ свою душу они этого сдѣлать никакъ не могутъ. Пусть они попробуютъ молиться вдвоемъ съ тѣмъ, кто умѣетъ молиться; и они убѣдятся, насколько эта мѣра дѣйствительна. Нѣтъ надобности молиться вмѣстѣ съ нимъ и объ одномъ и томъ же, совсѣмъ нѣтъ; нѣтъ надобности даже знать этого молящагося; но если, на примѣръ, въ церкви вы видите, что кто нибудь хорошо молится, въ то время какъ вамъ молитва не дается, станьте какъ можно ближе къ нему и увидите, что ваша молитва будетъ уже лучше отъ одной близости къ умѣющему хорошо молиться.

Кто съ молодости не приучилъ себя молиться и не сдѣлалъ себѣ изъ этого насущной потребности и серьезной привычки, — тотъ начинаетъ забывать молиться, какъ только жизнь начинаетъ радовать, улыбаться ему. Въ радостяхъ люди меньше молятся, чѣмъ въ печаляхъ; такова уже общая челоуѣческая, хотя и совсѣмъ неправильная черта. Затѣмъ, когда жизнь уже вступитъ въ свои права и начинаетъ тяготить, онъ желалъ бы молиться, но если привычка съ молодости не была сильна, то оказывается, что онъ совсѣмъ отвыкъ. Время и жизнь уже успѣли совсѣмъ изгладить изъ его памяти весь смыслъ завѣтовъ, данныхъ имъ Господу передъ вступленіемъ его въ жизнь — завѣты, которые онъ еще хорошо помнилъ, съ молодости, и тогда трудно челоуѣку найти духовную почву подъ своими ногами. Онъ и молится и самъ не знаетъ, нужно ли ему молиться. Онъ пробуетъ молиться, но молитва не дается ему; послѣ многихъ не-

удачныхъ попытокъ онъ бросаетъ ее, говоря: «я не умѣю молиться».

Но подумайте, что достается человѣку легко, безъ трудовъ и работы надъ собой? — Ко всему рѣшительно онъ долженъ готовиться, всему долженъ учиться, во всемъ упражняться. Все, что только имѣеть кто либо изъ васъ, все достигнуто или приобрѣтено упорствомъ и настойчивостью. Музыкантъ не былъ бы музыкантомъ, еслибы не проводилъ большую часть дня за упражненіемъ своего искусства; пѣвецъ — своего голоса, акробатъ — своихъ мускуловъ. Ученый не былъ бы ученымъ, еслибы не посвятилъ всю жизнь наукѣ. Зачѣмъ желаете вы сдѣлать исключеніе для молитвы и желаете, нисколько не учась и не упражняясь въ ней, достигнуть совершенства.

Господь сказалъ: «Въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой, проклята земля въ дѣлахъ твоихъ», — и это проклятіе есть удѣлъ человѣка и тяготѣетъ надъ нимъ всюду и вездѣ. Ничто безъ работы и труда не дается ему; всего долженъ онъ добиваться. Однако, даръ молитвы, если кто станетъ искать его съ помощью Бога, дается ему скорѣе всѣхъ другихъ даровъ и способностей.

Подумайте, какія преимущества и познанія можете вы получить черезъ молитву, какую силу и благодѣтельность ваша душа, и вамъ откроется новый міръ и новые взгляды на себя и на окружающую природу, при которыхъ вы будете легко и весело смотрѣть на всѣ трудности вашей жизни, и будете господами своего тѣла.

Вѣдь, вы уже знаете, что ночью, когда вы спите, то спать въ васъ лишь одно тѣло ваше; душа же не нуждается въ снѣ и никогда не спитъ. Наоборотъ, она, освободившись отъ узъ тѣла, дѣлается тѣмъ болѣе свободной и почти такой же душой какъ мы, умершіе уже для земли. Если только сама душа того хочетъ, то она наравнѣ съ нами посѣщаетъ всѣ наши духовныя планеты

и даже другіе матеріальныя міры, на которые только ее допускаетъ ее духовное развитіе. Поэтому на духовныхъ нашихъ планетахъ всегда много находится душъ, еще живущихъ на землѣ, но спящихъ въ это время.

Вернувшись обратно въ свое тѣло, ваша душа ничего не помнитъ изъ того, что дѣлала и гдѣ была во время сна. Но всякій, кто хочетъ помнить, что онъ въ нашихъ сферахъ видѣлъ, слышалъ или дѣлалъ, просить о томъ Бога и это ему разрѣшается; вслѣдствіе этого и сонъ мѣняется на такой, послѣ котораго онъ все помнитъ, что было во время сна.

Тѣ изъ васъ, которыхъ занимаютъ вопросы загробнаго существованія, могли бы тоже это дѣлать. Для васъ это, конечно, труднѣе достигнуть, чѣмъ для жителей Марса, но всеже не невозможно, и какъ много изъ васъ и въ настоящее время это дѣлаютъ.

Они силой своей молитвы тоже измѣняютъ свой сонъ на такой, послѣ котораго они помнятъ всѣ красоты и всю прелесть нашей духовной жизни. Для нихъ смерть уже болѣе не тайна, а загробная жизнь не вопросъ. Они знаютъ, зачѣмъ они живутъ и умираютъ, а потому вамного сокращаютъ свой длинный рядъ совершенствованій, ибо избѣгаютъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаете вы, живя съ завязанными глазами.

Святые удалялись въ пустыню, жили въ лѣсахъ, терпѣли лишенія, холодъ и голодъ, вели самую суровую жизнь; чтобы достигнуть высшихъ степеней молитвы и своей праведности, Христосъ самъ постился втеченіе 40 дней. Все у васъ на землѣ достигается трудомъ и работой надъ собой. Однако, кто чего сильно хочетъ, кто чего добивается и усиленно просить объ этомъ Бога, того и Богъ не оставитъ, но возвеличитъ.

СООБЩЕНІЕ НЕРОСА.

I.

15 апрѣля 1900 г.

Здравствуйте! — Я—Платонъ. Радъ, что застаю васъ здоровыми и бодрыми. Пришелъ съ вами побесѣдовать; не думалъ, что опять увижу васъ такъ скоро. Да ужъ такъ пришло: просила меня счастливая Марта привести къ вамъ духа Нероса и писать за него, если вы захотите его выслушать. Онъ вѣдь самъ писать не умѣетъ.

Такъ какъ же, угодно вамъ будетъ выслушать его?

В. Съ удовольствіемъ выслушаемъ; тѣмъ болѣе, что онъ отъ Марты.

О. Такъ слушайте его, а писать я буду за него:

Я—Неросъ. Марта сказала мнѣ, что вы интересуетесь загробнымъ міромъ, и я былъ бы счастливъ, еслибы вы выслушали меня, и рассказъ мой доставилъ бы вамъ удовольствіе. Поэтому я рѣшаюсь рассказать всю свою жизнь, какъ на землѣ,—такъ и за гробомъ.

Въ послѣдней своей жизни я былъ солдатъ.

Я считалъ себя римляниномъ, хотя достовѣрно мнѣ это было неизвѣстно. Я никогда не зналъ ни отца ни матери, и даже когда я уже былъ взрослымъ, то серьезно сомнѣвался—были ли они когданибудь у меня. Тѣмъ не менѣе, если хотѣли меня разсердить или обидѣть, то

называли меня галломъ, и тогда я былъ готовъ за такую обиду убить всякаго.

Дѣтства своего я рѣшительно не помню. Я выросъ между солдатъ, и никто никогда не могъ сказать мнѣ откуда, собственно, я взялся и какъ я попалъ къ нимъ; да я этимъ очень мало интересовался.

Въ то время солдаты были очень грубы, это были настоящіе полувѣри. Да это былъ очень необузданный народъ, и насколько они были полезны на войнѣ, настолько были вредны въ мирное время. Даже въ мирное время они пили, грабили и, держали себя, вообще, очень распущено. Представьте же себѣ—что былъ я, если другіе, у которыхъ были семьи: отецъ, мать, сестры, братья и наконецъ, многіе изъ нихъ были даже женаты, и то были они вродѣ звѣрей,—что же былъ я,—незнающій ни семьи, ни ласки?

Я былъ необыкновенно силенъ, имѣлъ гигантскій ростъ, тѣлосложеніе геркулеса и преградъ для меня не существовало. Я былъ настоящій звѣрь и удержу мнѣ не было;—я шутя рвалъ толстыя веревки, и изъ желѣзныхъ кошіи я завязывалъ узлы. Наружность моя была, чрезвычайно страшная, но я себя считалъ очень красивымъ. Я гордился тѣмъ, что мирные жители, особенно женщины и дѣти—до того боялись меня, что, взглянувъ на меня, когда я шелъ по улицѣ—убѣгали и прятались. Мнѣ это льстило и я нарочно принималъ еще болѣе свирѣпый видъ, чтобы ихъ больше еще пугать.

Конечно я не имѣлъ никакихъ нравственныхъ началъ, потому что мнѣ и негдѣ было ихъ почерпнуть. Я рѣшительно не понималъ и не зналъ,—что такое милосердіе, жалость, любовь. Я даже никогда и не пробовалъ ихъ себѣ представлять. Вся моя забота въ мирное время состояла въ томъ, чтобы напиться, поѣсть сладко и раздобыть побольше золота.

Золото я обожалъ. Оно было для меня—все. И гдѣ бы и у кого бы я не увидѣлъ золото, я уже—считалъ его своимъ, и если нельзя было его отнять силой, то я выдумывалъ разные способы выманить его или просто украсть.

Религій у меня не было никакой и я ни во что не вѣрилъ. Если я ходилъ въ храмъ, то это только затѣмъ, чтобы полюбоваться на тѣ сокровища, какія въ немъ находились, и все время, стоя въ храмѣ я придумывалъ, какъ бы ихъ выкрасть.

Женщинъ я совсѣмъ за людей не считалъ. Мнѣ казалось, что онѣ немного выше животныхъ. Я удивлялся, что ихъ не позволяютъ убивать, какъ собакъ.

Животныя, ну, о нихъ и говорить не стоитъ!—тѣ всѣ были моей потѣхой. Когда я встрѣчалъ собаку или кошку, я очень ловко перерубалъ ее на ходу, отъ головы до хвоста, и очень гордился своей ловкостью. Въ птицъ, я на лету, шутя попадалъ копьемъ и т. д.

Въ военное время мы блаженствовали и жили всласть, угождая своей дикой природѣ. Мы рубили направо и налево и пользовались своей властью—грабить сколько хотѣли. Для насъ война была праздникомъ, котораго мы ждали съ превеликимъ нетерпѣніемъ. Хотя и въ мирное время мы усердно грабили жителей безнаказанно, особенно когда мы стояли далеко отъ столицы, потому что обидѣтъ солдата всякій боялся: за это была назначена смертная казнь.

Я былъ настоящій идеаль солдатъ того времени. Грубѣе, ужаснѣе меня трудно себѣ представить чтонибудь. Только строгая дисциплина—могла отчасти насъ сдерживать, чтобы мы не стали рубить и грабить всѣхъ мирныхъ жителей. Я положительно сердился на дисциплину; которая не позволяла мнѣ своихъ же мирныхъ жителей бить и грабить въ то время, когда мнѣ нужно было золото.

Не знаю, сколько мнѣ было лѣтъ, но я былъ въ самой силѣ и здоровьѣ; мнѣ некуда было дѣвать свою энергію; и сколько я ни пилъ, ни буянилъ, но этого всего мнѣ было мало и не удовлетворяло меня. Но, однажды, насъ двинули, усмирять одну Галльскую провинцію. Тамъ было возстаніе. Сказать правду, насъ очень мало интересовало, за что мы деремся, благо намъ можно было безнаказанно бить, рубить и грабить; вотъ и началось сраженіе.

О, какое это было для меня упоеніе! — Я просто захлебывался отъ восторга. Много я уже уложилъ людей при своей ловкости, но вдругъ, въ одной свалкѣ, почувствовалъ я страшный ударъ въ грудь, и—прежде чѣмъ я понялъ, что это, я упалъ на спину и потерялъ сознание.

Сколько прошло время—я не знаю, но когда я очнулся, то увидѣлъ, что была ночь. Я попробовалъ подняться, но не могъ. Жажда томила меня, холодъ былъ ужасный и дрожь нестерпимая. Я попробовалъ поднять голову, и вдругъ я увидѣлъ, что крошечный огонекъ, какъ бы переходилъ отъ одного трупа къ другому. Я удивился и первую минуту я подумалъ, что боги собираютъ умершія души. Но потомъ я увидалъ недалеко отъ себя какую то закутанную фигуру, со стекляннымъ свѣтильникомъ, и около нея—старика, а позади еще нѣсколько человѣкъ, и они что то несли.

Я попробовалъ издать звукъ, и изъ меня вылетѣлъ страшный хрипъ, потомъ стонъ и кровь опять горячей струей хлынула у меня изъ груди.

Я почувствовалъ, что кто то приподнял мою голову и въ ротъ мой стала вливаться какая то освѣжающая меня влага. Я открылъ глаза и увидѣлъ что эта фигура прямо смотрѣла на меня, и что то спрашивала; потомъ они о чемъ то поговорили и стали меня поднимать, и опять отъ боли я потерялъ сознание.

Сколько времени прошло—не знаю, но когда я очнулся, я лежалъ въ очень большой, богато убранной комнатѣ, кругомъ были цвѣты, зелень, гдѣ-то журчалъ не то фонтанъ, не то ручей; я лежалъ на мягкомъ ложѣ.

Все это меня очень удивляло и я сталъ приглядываться. Я былъ раздѣтъ, а грудь моя была обмотана полотномъ. Первую минуту я думалъ, что у меня нѣтъ рукъ и ногъ,—я ничего не чувствовалъ. Когда я сдѣлалъ движеніе, я почувствовалъ, что все у меня цѣло, но что я страшно ослабѣлъ.

Какъ только я сдѣлалъ первое движеніе, ко мнѣ поспѣшно подошла какая то пожилая женщина и быстро что то заговорила. Я не понималъ ее; она поднесла мнѣ какое то питье и потомъ поспѣшно вышла. Черезъ минуту съ ней вошла другая женщина, и эту я узналъ:—это была та самая фигура, которая наклонялась надо мной, когда я былъ въ полѣ. Это, несомнѣнно, была она, но теперь она была вся въ бѣломъ, и была чрезвычайно красива. Если бы я имѣлъ тогда понятіе объ ангелахъ, я бы сказалъ, что она ангель. Но тогда я рѣшилъ, что я уже умеръ, и что около меня была богиня.

Она ласково и нѣжно наклонилась надо мной; положила свою руку мнѣ на голову и спросила на чистомъ римскомъ языкѣ:

— Какъ ты себя чувствуешь?

Мнѣ показалось очень смѣшно, что со мной такъ обращаются и я глупо засмѣялся. Я рѣшительно не зналъ, что ей отвѣтить, ибо сказать правду, я не понималъ, что такое чувство, а потому сказалъ ей, что хочу вина. Она очень осторожно перевязала мою рану съ другой женщиной, приложила къ ранѣ какія то травы, затѣмъ дала мнѣ вина и ѣду.

Я долго такъ лежалъ, а эта богиня ухаживала за мной, поила, кормила, лечила меня. Я скоро поправлялся,

но мнѣ не хотѣлось вставать, и я притворялся, что очень слабъ. Мнѣ нравилось, что эта богиня ухаживаетъ за мной, а тѣмъ болѣе, что меня кормили вволю; давали вина, правда немного, но меня достаточно опьяняло уже тогда, когда я глядѣлъ на нее.

Меня удивляли больше всего—это ея разговоры и слова. Она часто садилась около меня и начинала говорить такую чепуху, что я положительно давился, чтобъ не расхохотаться, потому что я замѣтилъ, что мой смѣхъ какъ будто ее обижалъ.

Замѣьте до чего я дошелъ: я уже сталъ обращать вниманіе на то, что могу кого нибудь обидѣть. Однажды я спросилъ у ней.

— Зачѣмъ ты взяла меня? Она отвѣтила, что у ней былъ мужъ, котораго она обожала, но котораго убили гдѣ то далеко, на войнѣ. Послѣ его смерти она такъ скучала и страдала, что желала смерти; но что тутъ она, будто бы узнала великую вещь. А далѣе, мнѣ казалось, что она начинаетъ путаться: она говорила, что нашла Бога, что этотъ Богъ далъ ей много утѣшенія, что Богъ этотъ жилъ на землѣ, что Онъ велѣлъ всѣхъ любить, всѣмъ помогать,—однимъ словомъ я ничего не понималъ. Но когда дальше она рассказала, что ея Бога убили, и что Онъ—презрѣнный іудей,—я опять чуть не умеръ со смѣха; но она такъ правила мнѣ, что я прощалъ ей всѣ эти глупости.

Трудно было моему бѣдному уму понять, какъ можно любить іудея, а меня спасти, ничего изъ этого я не понималъ. Это былъ ея любимый разговоръ; я скоро привыкъ къ нему и слушалъ покойнѣе; а когда я увидалъ, что меня не гонятъ и продолжаютъ кормить и поить по-немногу виномъ, то я очень скоро поправился; я всталъ на ноги и сталъ бродить по дому и по саду.

У ней было очень много людей, работниковъ, но всѣ

были такіе странные и какіе то непонятные. Оказалось, что кромѣ меня, она подобрала на томъ же полѣ еще двухъ; одинъ уже выздоровѣлъ и ушелъ, а другой на-дняхъ уходилъ, но прежде она его куда то отсылала принять ея вѣру.

Все это было такъ дико для меня. Я положительно ходилъ какъ очарованный и представьте, я даже насколько силъ хватало, старался удержаться отъ дикихъ штукъ, ругательства и пьянства.

Но довольно на сегодня, — вы устали. Нерось очень огорчился, что не успѣлъ сказать всего. Но ничего, теперь онъ успокоился. Ухожу и я. До скораго свиданія.

II.

18 апрѣля 1900 г.

Здравствуйте!—Я Платонъ; пришелъ опять съ Неросомъ. Желаете его слушать?—Онъ хочетъ продолжать свою исторію.

В. Очень рады; мы слушаемъ.

О. Я Нерось. Я буду продолжать:

Такъ я жилъ у своей богини и все мнѣ тамъ казалось страннымъ. Меня удивляло, что всѣ люди окружающіе ее, были не похожи на другихъ. Всѣ они были замѣчательно ласковы, привѣтливы и мнѣ казалось, что я тутъ между ними жилъ всегда. Много было у нихъ странностей. Съ госпожей своей они обращались, какъ будто она была имъ равна; затѣмъ почти каждый вечеръ они собирались въ одну комнату, запирали двери, и что они дѣлали—я не знаю, но они говорили, что молятся этому Іудею, и часто оттуда раздавалось пѣніе и особенно прекрасенъ былъ голосъ моей богини. Не скажу, чтобъ мнѣ было весело, но отчего то мнѣ не хотѣлось уходить. Напротивъ, я съ какимъ то страхомъ подумывалъ, когда же наконецъ мнѣ скажутъ, чтобъ я ушелъ.

Что удерживало меня, я не отдавалъ себѣ яснаго отчета, вѣроятно меня притягивала къ себѣ моя богиня. Я постоянно звалъ ее такъ, но однажды она сказала мнѣ:

— Не называй меня такъ, меня зовутъ Ириза. Но я просилъ ее позволенія звать ее богиней. Она засмѣялась и сказала:

— Если тебѣ нравится, то называй, но знай, что богинь нѣтъ, есть только одинъ Богъ.

Часто слушалъ я ея рассказы о ея Богѣ, и знаете, я даже началъ чувствовать къ Нему уваженіе. Я даже началъ прощать Ему, что Онъ Іудей. Однажды, она довела меня до того, что я предложилъ ей отомстить за ея Бога. Но она сказала мнѣ:

— О нѣтъ, нѣтъ, ты не понялъ меня, не мстить, а прощать Онъ повелѣваетъ намъ. Ну, это я уже совсѣмъ отказался понимать. Прощать врагамъ! Это было больше, чѣмъ глупо, и я рѣшилъ, что Онъ, если — и хорошій Богъ, но что Онъ тѣмъ не менѣе — трусъ.

О, какъ у моей богини было хорошо жить! — И какъ мнѣ — тяжело переходить къ тому, что было дальше! Мнѣ очень трудно рассказывать вамъ, что со мной дальше было. Я уже сказалъ вамъ, что все въ ней было не такъ какъ въ другихъ. Голосомъ ея я заслушивался, и часто сидѣлъ я какъ очарованный, слушая ее, или смотря на нее и любуясь ею.

Не подумайте, что я любилъ ее какъ женщину, — о нѣтъ, мнѣ въ голову не приходило чтонибудь подобное, и если бы чтонибудь подобное пришло мнѣ въ голову, очарованіе прошло бы немедленно и замѣнилось другимъ чувствомъ. Я любилъ ее истинно, какъ богиню, я обожалъ и боготворилъ ее, я считалъ ее существомъ выше себя, совсѣмъ не такимъ, какъ я.

Однажды я пошелъ ее искать, потому что прошло ужъ нѣсколько часовъ, какъ я не видалъ ее. Когда ее нашелъ,

она сидѣла передъ какимъ то ларцомъ и что то дѣлала; я подошелъ ближе и вдругъ увидалъ, что она разбираетъ какія то сокровища. Это было все золото и другіе камни. Я остолбенѣлъ. Я такъ давно не видалъ золота, что духъ сперся у меня и кровь прилила сначала къ сердцу, а потомъ къ головѣ и я почти прохрипѣлъ:

— Что это? Она посмотрѣла на меня и спокойно сказала:

— Это женскія украшенія. Но что съ тобой? Я постарался успокоиться и спросилъ:

— Что же ты съ ними будешь дѣлать?

— Видишь, ко мнѣ придетъ одинъ старикъ. Онъ ученикъ Его, и вотъ я все отдамъ ему. Онъ обратитъ все это въ золото, и раздастъ многимъ нуждающимся изъ нашей вѣры. Изъ нихъ есть очень бѣдные люди. Многие даже не могутъ работать, ибо должны скрываться

— Какъ, думаю я себѣ, отдать это какому то чужому старику! — И я положительно задохся. Я опустилсѣ предъ ней на колѣни и сказалъ:

— Отдай мнѣ, я тоже очень бѣденъ. Но она сказала:

— Что ты, развѣ такіе бываютъ бѣдные? Ты сильный, здоровый человѣкъ, ты не только для себя, но — могъ бы работать даже на другихъ. А тамъ, столько нужды, столько бѣдноты, столько дѣтей, у которыхъ убили и отца и мать!

— Но зачѣмъ же имъ такъ много золота? — Она грустно улыбнулась и сказала:

— О, если бы, хотя на одну сотую часть изъ нихъ хватило! Этого золота слишкомъ мало, чтобы помочь всѣмъ тѣмъ, кому мы должны помочь. А вѣдь я не знала, что ты такъ жаденъ на золото. Если хочешь, я дамъ тебѣ чтонибудь на память. Выбери себѣ чтонибудь.

Но какъ могъ я что выбрать, если я хотѣлъ получить все! Тогда она сама выбрала браслетъ; это была золотая змѣя и два драгоценныхъ зеленыхъ камня были

вмѣсто глазъ и она сама надѣла мнѣ ее на руку, сказавъ:

— Змѣя—мудрость, пусть это будетъ тебѣ на память обо мнѣ, и можетъ быть, ты когда нибудь применишь мою вѣру, ради меня.

Но что значилъ этотъ подарокъ!—хотя я видѣлъ, что она мнѣ не отдастъ этого золота, но въ моемъ воображеніи это было уже все мое. Надо было только придумать, какъ его взять:—силою взять было невозможно, но какъ же иначе?—какъ взять?—вотъ это мнѣ оставалось придумать. Я спросилъ ее:

— Когда придетъ этотъ старикъ?

— Не знаю,—сказала она,—я жду его или сегодня ночью, или завтра рано утромъ. Такъ скоро!—думаю я про себя,—что, что можно придумать такъ скоро? Тогда я сказалъ:

— Ты говоришь, что онъ старикъ? Его вѣдь могутъ убить, ограбить,—позволь мнѣ его проводить до мѣста.

— О, нѣтъ,—сказала она—онъ не одинъ; съ нимъ идетъ много его учениковъ и потомъ онъ передастъ это другимъ. Нѣтъ, я не боюсь за него.

Я замолчалъ, но умъ мой работалъ и придумывалъ, чтобъ во что бы то ни стало, но помѣшать ей отдать такое богатство. Она преспокойно все сложила, передала мнѣ ларецъ и сказала:

— Помоги мнѣ донести этотъ ящикъ. Я взялъ ящикъ въ руки; идя за ней я успѣлъ вполнѣ осмотрѣть замокъ и устройство его. Мы вошли въ комнату, гдѣ я еще никогда не былъ. Это была небольшая комната, въ которой стояло ея ложе, а въ углу стоялъ крестъ и на немъ было повѣшено изображеніе ея Бога. Я спросилъ ее.

— Ты тутъ спишь?

— Да,—сказала она;—взяла ящикъ и заперла его подъ свое ложе, а тамъ былъ еще ящикъ.

Выйдя отъ нея, я былъ окончательно пьянъ, я не могъ ни пить ни ѣсть. Голова моя горѣла, а золото такъ и стояло въ моихъ глазахъ. Я постоянно вспоминалъ съ какимъ то жаднымъ трепетомъ, что—вотъ-вотъ придетъ какой то чужой старикъ, и все мое золото заберетъ. Я давно считалъ его своимъ и уже разстаться съ нимъ я не былъ въ состояніи.

Какъ прошелъ день—не помню; но я все бродилъ по саду около ея окна, придумывая, какъ его взять.

А она, какъ нарочно, все сидѣла въ той комнатѣ со своей старухой, и все что то тамъ дѣлали. Только вечеромъ она на минуту вышла изъ комнаты, а я — немедленно вскочилъ черезъ окно и спрятался за тяжелой занавѣсью. Сказать правду, у меня еще не было никакого плана. Я просто хотѣлъ видѣть, какъ она опять будетъ доставать это золото. Она вошла въ комнату, опустилась на колѣни передъ крестомъ и, вѣроятно, молилась. Слезы струились изъ ея глазъ, но я старался не смотрѣть на нее, и мнѣ было такъ тяжело и даже страшно.

Но, наконецъ, она кончила; я слышалъ какъ она близко подошла ко мнѣ; я замеръ; она открыла окно и какъ будто прислушивалась. Я не дышалъ; мнѣ казалось, я не выдержу, но брошусь къ ней, и буду умолять отдать мнѣ все это золото, мнѣ казалось невозможнымъ отказаться отъ него. Но она отошла, раздѣлась и легла. Я стоялъ и все ждалъ. Она лежала, но скоро ея дыханіе стало ровно и она заснула. Я вышелъ изъ засады, подошелъ къ ней и думалъ:

Что дѣлать? вѣдь сокровище подъ ней;—нельзя, чтобъ она не услышала шума, когда я буду ломать замокъ.

Я все стоялъ, и вдругъ я взглянулъ на нее и увидѣлъ, что она открыла глаза. О, мой ужасъ!—но въ ея глазахъ не было ни ужаса, ни испуга, а одно лишь удивленіе. Я не помню, какъ это случилось, но я поднялъ

ножь—и вонзилъ ей въ грудь!... И именно въ то самое мѣсто, гдѣ когда то была и у меня рана, и которую она залечила мнѣ.

Да, я часто представлялъ себѣ эту рану, именно тамъ и была моя рана!.. Какъ это давно было!.. и какъ это было страшно!.. и теперь еще я вспоминаю все это съ ужасомъ!.. Сколько я убивалъ людей, и до и послѣ этого, но это убійство было совсѣмъ другого рода, это было страшное убійство!

Все остальное было легко сдѣлать: я сломалъ замокъ, взялъ сокровища, выскочилъ въ окно; въ концѣ сада паслись лошади; я вскочилъ на одну изъ нихъ и помчался. Я такъ мчался, что скоро лошадь моя зашаталась и пала. Тогда я побѣжалъ. Сколько я бѣжалъ, не знаю и даже куда я бѣжалъ не знаю. Я три дня не ѣлъ, и только разъ напился воды. Но понявъ, что теперь меня догнать нельзя, я остановился и сталъ отдыхать.

Это было въ лѣсу. Проспавъ, не знаю сколько часовъ, я проснулся, и первое, что я почувствовалъ, это — голодь. Я пошелъ медленно, и скоро дошелъ до селенія, и такъ я пробирался до своего легіона. По дорогѣ я пилъ сколько могъ, и игралъ въ клинокъ и уже много истратилъ изъ того, что у меня было. Я продавалъ часто за пустяки, чтобъ только поскорѣй отъ всего избавиться и обратить все это въ золото.

Я почти все время былъ пьянъ, а когда хмѣль проходилъ, я вдругъ видѣлъ ее, видѣлъ ея улыбку и слышалъ ея голосъ. Тогда я какъ сумасшедшій вскакивалъ и бѣжалъ, чтобъ ничего не видеть и не слышать. Но у меня было еще мученіе, отъ котораго я не былъ въ состояніи отдѣлаться, я не могъ видѣть змѣи у себя на рукѣ и, представьте, у меня былъ просто паническій страхъ, когда я хотѣлъ снять ее: мнѣ казалось, если я сниму, то со мной должно случиться что то ужасное.

Но будетъ. Пора кончить на сегодня. Онъ уже ушелъ. Ну и солдатикъ, Богъ съ нимъ; увидимъ, что дальше будетъ. До свиданія.

III.

21 апрѣля 1901 г.

Здравствуйте! Вашъ контроль звалъ насъ на сегодня, вотъ мы съ солдатикомъ и пришли. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашего разрѣшенія продолжать свою исторію. Вы готовы и позволите начинать?

В. Очень рады, мы слушаемъ его.

О. Наконецъ я вернулся домой, т. е. въ свой легіонъ. Но я вернулся совсѣмъ другимъ, чѣмъ былъ раньше. Я былъ сумраченъ и страшно золъ. Глядѣлъ я исподлобья, ни съ кѣмъ не говорилъ. Вся моя веселость покинула меня, а временами я просто былъ ужасенъ. Скоро не только мирные жители, но и товарищи меня боялись, и сторонились. Даже начальство избѣгало мнѣ дѣлать замѣчаніе, такъ свирѣпъ былъ мой видъ. Я пилъ съ утра до вечера и ко всѣмъ придирался. Однажды я поделушалъ разговоръ, двухъ товарищей солдатъ:

— А я думаю,—если онъ,—т. е. я, отпавился бы къ богамъ, то никто не былъ бы въ претензіи. А другой еказалъ:

— Да,—онъ,—вѣроятно, скоро доиграется до чего нибудь: его всѣ боятся и ненавидятъ.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно, что меня всѣ боятся такъ мнѣ было какъ будто легче. Но въ сущности я сталъ большимъ трусомъ. Я, во-первыхъ, боялся женщинъ. Я со страхомъ глядѣлъ на каждую женщину, которую я встрѣчалъ, боясь узнать въ ней ее; а затѣмъ я ужасно боялся тѣхъ людей, которыхъ называли христианами. Мнѣ казалось, что если я встрѣчу такого, онъ сейчасъ узнаетъ, что я ее убилъ. Разъ арестовали одного

христианина, и я долженъ былъ участвовать въ его конвоѣ, а когда я увидѣлъ, что это старикъ, я сейчасъ вообразилъ себѣ, что это именно тотъ, котораго она ждала, и я сбѣжалъ съ караула, хотя за это меня могли казнить.

Да, все это было ужасное для меня время. Конечно, все золото и вещи я спустилъ очень скоро; да я и не берегъ его. И странно: меня не смущали мои преступленія, т. е. что я убилъ и обокралъ, вѣдь я столько кралъ и убивалъ, но меня мучило, что именно я ее убилъ. Я почти былъ увѣренъ, что она не простой чело-вѣкъ, но что она богиня; а главное, я очень тосковалъ, что я ее не увижу.

Такъ шло время. Я все пилъ, а силы мои слабѣли. Я чувствовалъ, что я уже не тотъ; часто я не попадалъ въ цѣль. Глазъ мой не сталъ уже такъ вѣренъ и рука ослабѣла. Но я продолжалъ пить. Потому, что когда я былъ трезвъ, я испытывалъ прямо муки.

Но тутъ послали насъ опять усмирять какую то провинцію. О!—какъ я былъ доволенъ. Я опять рубилъ направо и налево. Я захлебывался отъ крови, хотя рука моя уже значительно ослабѣла. Я съ восторгомъ и увлеченіемъ убивалъ женщинъ и дѣтей, потому что я былъ убѣжденъ, что я мстилъ за нее; но кому!.. и какъ!..

Въ одной схваткѣ меня убили. Случилось это неожиданно, конечно, и я не понималъ, что умеръ. Я продолжалъ драться, но меня удивляло только то, что я никого не убиваю. Да, это было очень странно для меня; я бросался съ остервенѣніемъ, но мои жертвы не обращали на меня ни малѣйшаго вниманія.

Я остановился, потому что я увидѣлъ, что меня окружили какія то странныя существа, не люди и не тѣни. Взглянувъ на нихъ, я удивился ихъ злорадству и это меня немного отрезвило.

Гдѣ я?—думаю себѣ, и что это все значитъ? Но она

подняли такой шумъ, что я опѣшилъ. Они указывали мнѣ на мое тѣло и хохотали. Я очень удивился увидя себя проткнутаго насквозь. Я ничего не понималъ, что все это значитъ, и наконецъ, изъ ихъ крика, я понялъ, что я убитъ. Тогда я потерялъ сознание.

Сколько это продолжалось,—не знаю; но когда я очнулся, то увидѣлъ, что меня опять окружили эти духи; о, какъ они были злы и отвратительны; я старался отъ нихъ отдѣлаться бранью, но это ихъ только смѣшило, и вызывало тысячи насмѣшекъ надо мной. Это уже было совершенно для меня ново и невыносимо, и опять я терялъ сознание.

Затѣмъ передо мной, какъ сонъ, начала проходить въ картинахъ вся моя земная жизнь. Я былъ одинъ; но часто я приходилъ въ такое состояніе озлобленія, что, когда я видѣлъ тѣхъ, кого я убивалъ, я снова хотѣлъ на нихъ бросаться, чтобы опять ихъ убивать.

Иногда я смутно слышалъ, какой то голосъ, который около меня рыдалъ, и тогда я смолкалъ и прислушивался, и что то начинало, какъ будто во мнѣ просыпаться. Но это продолжалось недолго.

Кто то какъ будто хотѣлъ ко мнѣ прорваться; кто то мнѣ очень близкій и дорогой, но что то его удерживало, и я опять оставался одинъ.

Но когда въ этихъ картинахъ я увидѣлъ ее,—то я принялся такъ неистовствовать, и такъ кричать, что меня опять окружили злые духи. Недолго думая, они подхватили меня и помчались куда то.

Сначала я видѣлъ свѣтъ солнца, но потомъ все дѣлалось темнѣй и темнѣй и остался одинъ мракъ. Я все видѣлъ въ этомъ мракѣ. Наконецъ мы опустились, т. е. лучше сказать меня опустили на какую то землю. Я сразу ничего не могъ понять: ни гдѣ я, ни что дѣлается со мной. Подъ ногами у меня была земля, но я чувство-

валь, что она мертвая. Это трудно рассказать, но я именно чувствовал, что она была мертвая. На ней ничего не было, кромѣ какихъ то костей. Надъ головой была какъ черная шапка, мракъ кругомъ.

Меня окружали духи. Они карабкались по землѣ; другіе тутъ же летали. Они скорѣе напоминали какихъ то гадюкъ, но не людей, и не духовъ. Они почему то стонали, корчились, хохотали,—что то кричали, хотя ихъ никто не обижалъ и не мучалъ; и они все это сами, добровольно продѣлывали. Скоро мнѣ надоѣло все это, и я пересталъ смотрѣть на нихъ и всѣ они исчезли.

Вдругъ, я оборачиваюсь и вижу, что передо мной, грудию золота. Я очень обрадовался и сейчасъ же бросился къ ней. Мнѣ казалось, что если—есть золото, значитъ—все есть. Но я увидѣлъ, что подойти къ нему я не могу: передо мной пропасть, наполненная кровью. Тогда я разбѣжался желая перепрыгнуть и упалъ въ эту пропасть.

Я почувствовалъ какъ я тону въ крови; кровь заливала мой ротъ, носъ, уши и при этомъ мои жертвы обхватывали меня и тянули глубже въ это море крови.

Вдругъ я почувствовалъ, какъ кто-то меня взялъ за руку и вытащилъ. Это была она, моя богиня. Я бросился къ ней, но она покачала головой; между ею и мной лежала змѣя, а она стала исчезать, а змѣя стала рассыпаться въ золото. Я съ алчностью хваталъ это золото и пряталъ его куда только могъ; я даже пробовалъ его глотать, и все же его было много, очень много! Я чувствовалъ такую тяжесть, но все больше набиралъ его, и до тѣхъ поръ набиралъ, пока падалъ отъ изнеможенія.

Вдругъ вижу: поотдалъ стоятъ роскошные столы со всевозможными яствами. Вино въ дорогихъ кувшинахъ; мало того, громадный фонтанъ изъ вина и наконецъ — цѣлые водонады изъ самаго моего любимаго. Я жадно пилъ, безъ конца пилъ. Но въ то именно время, когда я наслаждался

виномъ, оно все мало по малу превращалось въ кровь, а всѣ яства—въ человѣческое мясо. Я съ отвращеніемъ отвараживался отъ него, чувствовалъ страшное омерзѣніе и невыносимую тошноту, но остановиться я уже не могъ, я все продолжалъ и пить и ѣсть все это. Но тутъ я опять увидѣлъ ее и стремглавъ бросался къ ней.

Да, я видѣлъ ее всегда въ бѣломъ и со страшной раной въ груди; когда я только бросался къ ней, выползала опять змѣя, а она исчезала. Иногда изъ змѣи подымалось что то похожее на паръ, и я уже увидѣлъ войну. Я убивалъ безъ конца, я рубилъ все, что мнѣ ни попадалось, живаго и мертваго, и вдругъ меня превозглашали царемъ. Меня сажали на тронъ; кругомъ роскошнѣйшій дворецъ, у меня легіоны войскъ и я такъ счастливъ, такъ счастливъ,—у меня есть все, что мнѣ надо; у меня даже тысячу разъ больше, чѣмъ надо; опять стоятъ столы съ яствами и виномъ, опять царскія сокровища, которымъ конца нѣтъ.

Но вдругъ я замѣчаю, что мнѣ подали не корону, но что это была змѣя. Я съ ужасомъ отодвигался, бѣжалъ отъ нея, а она гналась за мной. И все вновь пропадало.

Опять я погружался въ мракъ, опять тьма страшная, непроглядная, ужасная, заставляющая кровь стыть въ жилахъ; опять она, такая блестящая, бѣлая, предстаетъ передо мной, и рана зіяющая открыта въ груди. Она сидитъ далеко отъ меня и я вижу, что горько плачетъ ея слезы душатъ меня. Я начинаю осторожно подползать къ ней, она все меня не замѣчаетъ, но когда я подползалъ такъ близко, что мнѣ казалось, я могу дотронуться до нея, то она исчезала и опять я видѣлъ золотыя горы, куди драгоценныхъ камней, и такъ все безъ конца одно и тоже.

О! Какая это была мука! Мука, доводящая до отчаянья! Безраздѣльная мука! Безпредѣльная мука.

Мнѣ было до того противно и золото, и вино и всё сокровища, что я не могу ихъ видѣть и чувствовать около себя, но они не оставляли меня и чѣмъ я чувствовалъ къ нимъ большое отвращеніе, тѣмъ ихъ становилось все больше и больше, а она приходила все рѣже и рѣже, и чѣмъ легче мнѣ все это давалось, — тѣмъ противнѣе все это казалось мнѣ.

Скоро кругомъ меня накопилось такъ много всего, такъ много, что мнѣ некуда было это дѣвать. Я чувствовалъ и сознавалъ, что все это было не нужно мнѣ; я старался золото куда нибудь забросить, зарыть, чтобы его не видѣть. Яства производили прямо болѣзненную тошноту, а вино!!... О, вино!! — какъ я ненавидѣлъ его!!... и тутъ уже все чаще и чаще стали появляться убитые мною, а ее уже не было.

Теперь уже убитые мною смотрѣли на меня съ укоромъ, съ такимъ укоромъ, котораго переносить я не былъ въ состояніи; я бросаю въ нихъ золото, я бросаю въ нихъ ѣду, вино, но они все стояли и укоряли!!... О!!... развѣ можетъ кто понять весь ужасъ моего положенія?! Сколько бы я ни рассказывалъ вамъ, вы ничего не представите себѣ, у васъ ни фантазии такой не будетъ, ни словъ вашихъ не хватитъ, языкъ вашъ очень плохъ и бѣденъ.

Довольно на сегодня. Онъ ушелъ. Онъ такъ волнуется, что теряетъ всё силы. Ухожу и я. До свиданія.

IV.

24 апрѣля 1900 г.

Здравствуйте! Какъ поживаете? Желаете продолжать? Солдатъ давно тутъ и жаждетъ поскорѣй высказать вамъ что у него на душѣ. Онъ уже и теперь волнуется. Ну, пустить его?

V. Мы готовы, можетъ рассказывать.

О. Да, страдалъ я невыносимо. Никто не можетъ понять всѣхъ мукъ ада. Это невозможно описать; я подъ конецъ, дошелъ до такого состоянія, что уже не могъ понять ни себя, ни того, что я видѣлъ: золото лилось рѣкой, яства было навалено цѣлыя горы, изъ вина были цѣлые водопады и цѣлые потоки, однимъ словомъ мое состояніе можно было сравнить съ утопленіемъ: я захлебывался, я положительно тонулъ въ изобиліи благъ земныхъ, но вдругъ все пропало, — и я опять почувствовалъ мертвую почву и мракъ. Кто то сказалъ мнѣ:

— Не довольно ли тебѣ теперь наслаждаться? Ты вѣдь теперь вѣрно уже и пьянъ и сытъ больше, чѣмъ по горло. Полакомился, ну, и довольно же наконецъ.

И я увидѣлъ злаго духа; о! какъ я ему обрадовался! Наконецъ то кончилось это отвратительное, невыносимое состояніе и начинается вѣчто другое. Онъ былъ отвратителенъ, но я ему былъ радъ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, хочешь, все будетъ по другому? Тебѣ вѣрно все это уже больше не въ могоу. Если хочешь, то теперь можешь служить намъ; срокъ твой прошелъ; идемъ.

Но я такъ былъ разбитъ, что не могъ подняться. А онъ говоритъ мнѣ:

— Ну, если ты не хочешь идти со мной, то какъ хочешь, оставайся здѣсь и наслаждайся еще.

О, какъ я испугался! Ужасъ сразу ободрилъ меня, и я ухватился за него.

— Нѣтъ, нѣтъ, идемъ, куда хочешь идемъ, но здѣсь я оставаться дольше не могу.

Вотъ мы и полетѣли. Сначала все былъ мракъ, но потомъ я увидалъ массу звѣздъ; сколько, сколько ихъ было! Какой свѣтъ шелъ отъ нихъ! Ихъ было столько, что не перечестъ; были и большія и малые, и все разныхъ цвѣтовъ, а онъ сказалъ мнѣ:

— Видишь все это? Это міръ или вселенная. Это все

міры или лучше, или хуже твоей земли, на которой ты жилъ; это царство свѣта, а назади, за нами осталось царство тьмы, то что называютъ—Рокъ! Вѣдь и царство свѣта все наше, но вотъ задача наша, все это забрать и владѣть этимъ всѣмъ, и ты долженъ, какъ и всѣ мы, добиваться этого. Это есть наша задача и наше стремленіе. Я очень удивился.

— Какъ забрать? спросилъ я его.

— Что же тутъ непонятнаго? требуется царство свѣта обратить тоже въ царство тьмы;

— Что же я могу для этого сдѣлать?

— Видишь, ты долженъ, все что только живетъ, все что только дышетъ, духъ-ли, человѣкъ-ли, — все развращать, все губить, чтобы все довести до такого состоянія, въ какомъ ты самъ находишься.

— Но какъ? — и что я могу сдѣлать?

— О, это не твоя забота, ты младшій здѣсь, тебя будутъ учить, направлять, а твое дѣло только слушаться. А вотъ, если ты не послушаешься, то тебя ждуть опять всѣ муки, и муки во сто кратъ хуже, чѣмъ были.

И такъ онъ сталъ меня просвѣщать. Я понялъ только одно, что за все меня ждетъ какое-то наказаніе. Но мнѣ было все равно!... Я такъ былъ пришибленъ, что лишь что то смутное носилось въ моихъ мысляхъ; вообще я былъ какъ каменный, меня ничто не удивляло, я даже не пугался.

Онъ сталъ меня водить по всѣмъ планетамъ; сталъ показывать всѣ міры; я былъ и на землѣ, но теперь я ее не узналъ, такъ она перемѣнилась за это время; все казалось мнѣ какимъ то хаосомъ. Да, могу сказать, что все первое время я былъ какъ бы во снѣ. Одна картина смѣнялась другой, одинъ духъ — другимъ, и я крайне смутно понималъ все, что собственно я дѣлалъ и что долженъ былъ дѣлать, а меня постоянно ругали и постоянно пугали какими-то наказаніями.

Но потомъ, понемногу я сталъ привыкать и понялъ, что я долженъ на каждомъ шагу дѣлать какую-нибудь гадость. Я долженъ былъ все противопоставлять другой силѣ — силѣ добра.

Да, я многое тутъ узналъ: я узналъ, что есть настоящій Богъ и что дѣйствительно существуетъ Христосъ и что Онъ нашъ первый и самый страшный врагъ. Я узналъ, что существуютъ ангелы, святые духи, хорошіе люди, хорошіе духи, что мы враги всѣмъ имъ и что они враги наши и что это будетъ война.

Затѣмъ я узналъ, что такое Рокъ: во первыхъ, — есть старшій духъ, падшій ангелъ, Денница, а мы всѣ его слуги. Затѣмъ есть старшіе духи, тоже изъ падшихъ ангеловъ, а что мы — падшія души. Что Рокъ состоитъ изъ массы планетъ, гдѣ вѣчный мракъ, но что мы отлично видимъ въ этомъ мракѣ, что насъ очень, очень много и мы дѣлимся на миллионы группъ и всѣ мы подчинены старшимъ духамъ.

Я сказалъ, старшій у насъ Денница, и считая съ нимъ, на Рокѣ находится всего семь важныхъ духовъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свою должность. Это тѣ дары, которые имъ даны отъ Бога, еще до ихъ паденія; но которые они извратили въ себѣ. Такъ одинъ былъ одаренъ великой мудростью, и называется Мудрость, но его зовутъ въ насмѣшку Философъ; онъ управляетъ всѣми науками, всѣми знаніями, а потому онъ старается все это извратить, и вотъ почему люди не могутъ постичь многого; вотъ почему людямъ такъ трудно все дается.

Другой называется Пламенный, а зовутъ его—Рыжій. Этотъ былъ одаренъ высшей любовью. Это онъ извратилъ любовь; вотъ почему всѣ чувства извратились, вотъ почему появилась месть, ненависть и всѣ другія страшныя чувства, которыя губятъ людей; всѣ чувства онъ извратилъ.

Третій носить названіє Стихійный; но его зовуть Горбунъ. Не думайте, что онъ горбатъ, — но ходить онъ всегда согнувшись, опустивъ глаза и поднявъ плечи. Онъ знаетъ всѣ законы стихійные; онъ учитъ людей какъ все испортить на своей планетѣ, чтобы всѣ стихіи пошли не на благо, а на погибель людей.

Четвертый называется Жизнепроводчикъ, но зовуть его Скототить, потому что онъ знаетъ все, — чѣмъ управляется всякій звѣрь, каждая букашка. Это онъ извращаетъ всѣхъ звѣрей и научаеъ людей, какъ мучить, изводить и извращать всякаго звѣря.

Затѣмъ пятый называется Знахарь; онъ управляетъ всѣми растеніями, онъ знаетъ каждую травку, каждое дерево, на что они, и какую пользу приносятъ, и какъ излѣчиваютъ, но онъ старается во вредъ человѣку и дѣлаеъ ихъ вредными, даже не только для людей, но и для животныхъ.

И шестой — Законникъ, онъ знаетъ Божескіе законы, какъ долженъ человѣкъ къ человѣку относиться и какъ духъ къ духу; какіе законы связываютъ ихъ, и онъ старается извратить эти всѣ законы.

И наконецъ седьмой — Денница; этотъ обладаетъ всѣми вмѣстѣ взятыми ихъ дарами. Онъ несравненно выше ихъ всѣхъ, потому что онъ обладаетъ всѣми этими дарами въ совершенствѣ, и онъ во многомъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ злыхъ духовъ. Онъ правитъ всѣми ими. Онъ глава всего Рока. Онъ первый палецъ и всѣхъ совратилъ остальныхъ, и потому всѣ, сколько ихъ есть, — всѣ ненавидятъ и боятся его. Во первыхъ, потому что онъ своими занятіями выше ихъ всѣхъ, а силъ его никто изъ нихъ не можетъ измѣрить. Они не знаютъ ея границъ. Во вторыхъ, они ненавидятъ его за то, что онъ лишилъ ихъ блаженства, и если онъ достигнетъ той задачи, къ какой они всѣ стремятся, и дастъ имъ блаженство — то все-таки они будутъ подчинены ему.

Своей наружностью Денница сильно отличается отъ остальныхъ злыхъ духовъ. Онъ говоритъ всегда людскимъ словомъ и необыкновенно краснорѣчивъ. Онъ даже не утратилъ своей внѣшней красоты, какъ другіе. Онъ силенъ, онъ смѣлъ до дерзости, онъ неприступенъ и гордъ и всѣ законы на Рокѣ исходятъ отъ него.

Денница тоже ненавидитъ всѣхъ подвластныхъ ему духовъ, но какъ-бы вы думали за что? — а это за то, что они предпочли его Богу. Это я уже послѣ понялъ и это вѣрно. Онъ такъ страстно и горячо любитъ Бога, что презираеъ всѣхъ противниковъ Его и до болѣзни ревнуеъ и завидуетъ всѣмъ послѣдователямъ Бога.

Кромѣ этихъ, есть еще и другіе падшіе ангелы; но они не обладаютъ отдѣльными качествами, а подчинены одному изъ тѣхъ шести старшихъ духовъ, несмотря на то, что у каждого изъ нихъ есть своя особая группа падшихъ ангеловъ. Затѣмъ идутъ миллионы падшихъ духовъ и душъ, т. е. въ родѣ меня, — и вотъ всѣ, кто составляетъ это царство тьмы.

Итакъ я сказалъ, что тутъ царитъ одна ненависть и общее у всѣхъ стремленіе: погубить царство свѣта.

Всѣ они страшно несчастны; всѣ они постоянно ощущаютъ муки ада; всѣхъ ихъ съѣдаеъ ненависть, злоба, зависть къ Денницѣ и другъ къ другу; каждый изъ нихъ постоянно боится, что одинъ возьметъ перевѣсъ передъ другимъ, и я думалъ, что во всемъ Рокѣ счастливъ одинъ Денница, но и въ этомъ мнѣ пришлось скоро разубѣдиться.

До этого я видѣлъ его только разъ, и то издали. Вообще всѣ падшіе духи, да и ангелы, когда онъ идетъ, стараются исчезнуть. Страхъ и ужасъ гонитъ всѣхъ отъ него; потому я долго не могъ его рассмотретьъ; я тоже бѣжалъ отъ него, когда слышалъ, что онъ идетъ. Подходятъ къ нему только тѣ, кого онъ зоветъ, или тѣ, кто

отдасть ему отчетъ, — но я былъ такой мелкій духъ, что мнѣ до него не было дѣла.

Но вотъ однажды... Но прежде чѣмъ я это расскажу вамъ, я долженъ вамъ замѣтить, что я чрезвычайно скоро все постигъ. Когда я умеръ, умъ мой былъ такъ не развитъ, а кругозоръ мой былъ такъ узокъ, что если бы я не былъ такъ пороченъ, то могъ бы сравнить себя съ ребенкомъ. Но здѣсь, на Рокъ, я такъ быстро развился и чрезвычайно многому научился. Я понялъ одну важную вещь, — что и тутъ есть свободная воля; ее могутъ подавлять, угнетать, насиловать, но отнять ее никто не въ силахъ.

Потомъ, шатаясь по всѣмъ мірамъ, я много наблюдалъ, присматривался, примѣнял жизнь и ощущенія другихъ къ себѣ, и сталъ приобретать самостоятельность. Я скоро изъ кроткаго и загнаннаго существа сдѣлался тоже злымъ, неукротимымъ и — страшно непослушнымъ. Я понялъ, что наказаній нѣтъ, что каждый самъ казнить себя. Я понялъ, что сила наша ничтожна въ сравненіи съ силой добра, и что если кто слѣдуетъ злымъ навѣтамъ, то это только потому, что это ему лично или пріятно, или выгодно. Я понялъ, что каждый изъ насъ страшно радъ, когда проиграетъ другой, и каждый, даже въ ущербъ себѣ, готовъ сдѣлать другому гадость, чтобы чѣмъ-нибудь досадить одинъ другому. Я понялъ также очень хорошо, что при такомъ строѣ Река нѣтъ возможности злу бороться съ добромъ, и что если кто борется, то только одинъ Денница и главные падшіе ангелы, а мы, духи, даже не понимаемъ той цѣли, за что мы боремся, и только наше паденіе насъ держитъ тутъ и приковываетъ насъ къ царству зла; это именно потому, что каждый изъ насъ, чтобы вернуться въ міръ добра, долженъ раскаяться, но это стоитъ страшныхъ мукъ, а мы, падшія души, такъ измучены и изнурены, что у насъ нѣтъ силъ

самимъ еще накладывать на себя новыя муки. Поэтому мы поневолѣ плывемъ по теченію, лишь бы еще больше не страдать; въ сущности мы все-таки страдаемъ всѣ: вѣчная тоска, вѣчное чувство злобы, которое насъ снѣдаетъ, и вѣчная зависть къ міру добра.

Узнавъ и постигнувъ все это, я скоро охладѣлъ къ своей мисси и сталъ относиться къ ней какъ къ чему-то, что меня ровно не интересуетъ. Я даже бросилъ смущать людей, а если я это изрѣдка и дѣлалъ, то просто только для своей собственной забавы, или чтобы хотя отчасти заглушить тѣ чувства, которыя меня угнетали.

О, какъ много приобрѣлъ я познаній на Рокъ! Ни одна школа не дастъ мнѣ того, что далъ мнѣ Рокъ!

Однажды, послѣ того какъ я очень долго странствовалъ по міру свѣта, я почему-то заглянулъ на Рокъ; чувства мои были ужасны, я несказанно тосковалъ по жизни и по всему добру, и чтобы отдохнуть, я направился на одну изъ пустынныхъ планетъ. Но, надо вамъ сказать, что у Денницы, есть своя, отдѣльная планета, а на другія онъ только изрѣдка заходитъ, и это всегда можно узнать даже издали, ибо онъ мрака не любитъ и на той планетѣ гдѣ онъ, онъ воспроизводитъ свѣтъ. Это присуще ему одному.

Я былъ такъ угнетенъ, что не замѣтилъ, что на этой планетѣ свѣтъ, что значило, что онъ тамъ. Когда я опустился на эту планету, я вдругъ увидѣлъ его. Онъ былъ одинъ. Первую минуту, отъ страха, я не зналъ, что дѣлать, я даже потерялъ способность летать, но видя, что онъ такъ занятъ, что меня не замѣчаетъ, я подошелъ къ нему ближе, прямо изъ чистаго любопытства, и взглянувъ въ него, я увидѣлъ, какъ страшно онъ страдаетъ.

Только тутъ я понялъ, что всѣ наши муки ада вполне ничтожны въ сравненіи съ тѣми муками, которыя даетъ

ему адъ. О! Какой это былъ ужасъ!.. О! Насколько это открыло мнѣ глаза!.. Я испугался, я содрогнулся, я торжествовалъ, видя все это безсиліе!.. Я понялъ, что если онъ, глава и царь ада, такъ безсиленъ и ничтоженъ, то что же мы такое?!.. Гдѣ же вся власть темнаго царства? Гдѣ же ему бороться съ міромъ добра?

Картина будетъ далеко не полна, если я скажу, что видѣлъ его на голой, мертвой землѣ, въ полулежащемъ и полусидящемъ положеніи. Стиснувъ голову руками, онъ, казалось, хотѣлъ бы раздавить ее; а въ глазахъ его отражался такой безнадежный и безысходный страхъ, такой ужасъ!.. такое отчаяніе!!!—что я содрогнулся и подумалъ:

— Ты сила и мощь; ты совратилъ столько душъ, но что же можешь ты дать взамѣнъ того, что ты отнял у нихъ!..—развѣ только твой ужасъ и твое отчаяніе!..

И такая глубокая ненависть стала въ моемъ сердцѣ, что я даже потерялъ страхъ къ нему. О!—какъ мнѣ хотѣлось вылить передъ нимъ мою злобу¹⁾, но онъ, не замѣчая меня, стоналъ, качаясь со стороны въ сторону, скрежеталъ зубами и билъ со всей мочи кулаками о мертвую почву, на которой находился.

Скоро онъ, вѣроятно, почувствовалъ мое присутствіе; или что за нимъ наблюдаютъ, но онъ встрепенулся, адская улыбка искривила его губы, глаза загорѣлись и онъ оглянулся.

Но страхъ уже мчалъ меня и я съ быстротою мысли, самъ не зная куда и зачѣмъ, старался уйти какъ можно дальше отъ этого мѣста.

Черезъ нѣкоторое время я его видѣлъ опять, сіяющимъ, торжествующимъ. Онъ принималъ почести,—какъ царь, нѣтъ — больше: какъ Богъ. Но я не могъ съ пре-

¹⁾ Все мое презрѣніе и всю ненависть къ нему!..

зрѣніемъ не улыбнуться глядя на нихъ всѣхъ и сказалъ про себя:

— О, проклятый фигляръ!—ты больше нашего страдаешь; ты несчастнѣе всѣхъ въ мірѣ, и ты достоинъ больше жалости, чѣмъ всѣ несчастныя существа, вмѣстѣ взятія!.. Спасаетъ тебя одно притворство!..

Но будетъ. Вы устали. А солдатикъ то нашъ какъ?.. Вотъ именно бравый солдатъ, право. По началу трудно было ожидать всего этого отъ него. До свиданія.

I.

27 апрѣля 1900 г.

Здравствуйте!.. Мы опять съ солдатикомъ къ вамъ пришли. Желаете насъ слушать? Онъ сегодня спокойнѣе выйдитъ, не такъ волнуется. Онъ начинаетъ меня интересоваться, я буду его съ удовольствіемъ слушать. Вы готовы?—Можетъ онъ говорить?

В. Да, все готово; просимъ начинать.

О. Съ тѣхъ поръ я старался быть на Рокѣ какъ можно рѣже, и меня никто не удерживалъ, потому что всѣ отлично знали, что куда бы я ни пошелъ,—я вернусь на Рокъ.

Это вѣдь не на землѣ, гдѣ всякій стремится жить тамъ, гдѣ ему не мѣсто. У васъ часто великій мыслитель живетъ въ лачугѣ, а какой-нибудь глупецъ—въ палатахъ; тутъ этого нельзя сдѣлать. Тутъ—какъ святой не можетъ жить на Рокѣ, такъ и падшій не можетъ жить на высшихъ планетахъ, и не потому, чтобы его не пустили туда, а потому что та жизнь не соответствуетъ его духу, следовательно, ни моя оболочка, ни мое настроеніе, не позволяютъ мнѣ тамъ жить.

Я все бродилъ по вселенной, приглядываясь къ разнымъ планетамъ, къ разнымъ жизнямъ, людямъ, къ духамъ и постепенно все изучалъ и никто мнѣ не мѣшалъ

это дѣлать, ибо возлагаемыхъ на меня порученій я больше не исполнялъ.

Сначала меня бранили за это, потомъ перестали ихъ давать, а затѣмъ совсѣмъ махнули на меня рукой. Да, такихъ духовъ, какъ я, очень много. Однажды я даже отыскалъ Иризу, но видѣлъ я ее только издали; она была между святыми духами, но у меня не хватило силъ подойти къ ней. Знаете, я нисколько не раскаивался, что убилъ ее, нѣтъ,—меня мучило только то, что я убилъ ее благодаря такой низкой цѣли, я промѣнялъ ее на проклятое золото,—вотъ это меня прямо убивало. Если бы я тогда сознавалъ насколько ей теперь хорошо, я можетъ быть опять бы убилъ ее, чтобы доставить ей это блаженство. Но мнѣ было стыдно, мучительно стыдно, что я убилъ ее изъ-за золота.

Разъ я встрѣтился съ высшимъ добромъ, милосердіемъ и всепрощеніемъ!.. О!—какое сильное, глубокое!!.... нѣтъ, всѣ эти слова не могутъ объяснить того чувства, какое я ощущалъ, и то блаженство, которое я пережилъ подойдя къ нимъ и понявъ ихъ!.. Я сразу понялъ, почему Ириза могла такъ горячо любить и благоговѣть передъ ними.

Я тутъ только понялъ, что все, именно все, должно быть такъ, какъ оно есть, т. е. все, что существуетъ: зло, добро, пороки, несчастья, страданія, — все, все должно существовать! да, это великая истина; я понялъ, что весь міръ, т. е. люди, духи и все, что живетъ, и даже не живетъ, есть одно цѣлое, это именно и есть тотъ атомъ, да, другого слова нѣтъ, все это есть крошечныя частицы, которыя составляютъ одно большое духовное и Божественное цѣлое или тѣло, а что Богъ есть душа этого тѣла.

Я понялъ, что если бы взять тѣло человѣка, и устроить такъ, чтобы оно было въ вѣчномъ свѣтѣ,—при вѣчномъ

блаженствѣ, то что бы стало съ этимъ тѣломъ? Представьте, что мозгу не нужно было бы работать; о чемъ ему думать, когда все такъ прекрасно, лучше вѣдь не выдумаешь; желудку не нужно было бы питаться, ибо онъ всегда сытъ. Зачѣмъ движеніе или перемѣна мѣста, когда вездѣ одинаково хорошо; зачѣмъ руки, когда имъ нечего дѣлать, то же относится и къ чувствамъ:—зачѣмъ любить, когда нѣтъ другого чувства кромѣ любви, зачѣмъ блаженство, когда даже и понятія нѣтъ о другомъ состояніи, зачѣмъ свѣтъ, когда мы его не замѣчаемъ, ибо не знаемъ тьмы?

Такое тѣло не можетъ существовать, всѣ атомы, которые составляютъ это тѣло, распадутся, потому что нѣтъ никакой борьбы, никакого стремленія и душа не можетъ жить въ такомъ тѣлѣ, а особенно такая великая душа, которая сама полна всѣхъ стремленій, всѣхъ великихъ порывовъ! и потому всѣ эти маленькія части, непременно должны быть разныя,—разно чувствовать, разно понимать, разно стремиться и бороться между собой, будутъ стремиться одинъ къ другому, въ борьбѣ будутъ жить, волноваться, двигаться, кружиться, соединяться, разъединяться, чтобы потомъ опять сплотиться, и одни будутъ подчинять себѣ другихъ и составлять одно цѣлое; и когда всѣ эти атомы соединятся плотно, тогда они подчинятся душѣ и духъ возьметъ перевѣсъ надъ тѣломъ и постепенно обратитъ это тѣло въ высшее, духовное, но столь духовное, что уже нельзя будетъ разобрать, гдѣ душа, гдѣ тѣло, и произойдетъ полное слитіе. Тогда настанетъ то, чего мы и представить себѣ не можемъ,—да и невозможно представить, смѣшно даже сказать все это представить, когда теперь у насъ нѣтъ тѣхъ понятій, которыми мы могли бы все это представить.

Вѣдь не можетъ моя нога себѣ представить зачѣмъ

она ходить; не можетъ представить моя рука, зачѣмъ она работаетъ; глаза, зачѣмъ видятъ; зубы, зачѣмъ жуютъ пищу. Они не могутъ, т. е. моя рука, нога, зубы, желудокъ и всѣ органы и всѣ члены, каждый по себѣ, не могутъ представить, зачѣмъ все это нужно для души, они только могутъ чувствовать, когда имъ больно, когда они устали, когда они страдаютъ, но остальное чувство имъ неизвѣстно. Такъ и мы, атомы, не можемъ себѣ представить, что будетъ тогда, когда всѣ превратимся и подчинимся душѣ и сольемся съ ней.

Не знаю, хорошо ли я это все выразилъ, и понятно ли вамъ?—но я такъ хорошо чувствую это, я такъ глубоко вникъ въ эту великую истину!

Когда я это постигъ, я очень задумался: что же можетъ, что же можетъ помочь скорбѣ и скорбѣ соединить насъ? Что же самое главное нужно намъ всѣмъ, чтобы помочь, какъ можно скорѣе соединиться, слиться съ этой Божественной душой? Но я, пока, не находилъ и это мучило меня; я много, много, очень много, думалъ объ этомъ; я зналъ, что если бы всѣ это узнали, то, вѣроятно, все бы, все, пошло скорѣе, даже пускай не всѣ, но хотя бы двѣ трети, то и это подвинуло бы дѣло и что много еще страданій происходитъ, именно отъ того, что мы не знаемъ это. Поэтому я еще сильнѣе сталъ приглядываться ко всѣмъ, но не находилъ.

Однажды я встрѣтилъ Марту. Я слыхалъ еще раньше про нее, что она можетъ указать въ чемъ счастье. Я подошелъ къ ней и спросилъ ее:

— Марта, скажи мнѣ, какъ сдѣлать, чтобы быть счастливымъ?—она сказала мнѣ:

— Полюби своего брата. Я не понималъ, и отвѣтъ ея мнѣ казался страннымъ: что значитъ «брата?» я до сихъ поръ никогда не думалъ ни о комъ. Я не признавалъ, что такое родство, братъ, сестра, мать, отецъ—

и какія къ нимъ чувства можно питать, и есть ли такія чувства?—И я сказалъ:

— У меня нѣтъ брата. Она сказала:

— Я дамъ тебѣ его.

Все это было для меня дико, но я пошелъ за ней, больше изъ любопытства, не надѣясь получить отвѣтъ на то, что такъ мучило меня.

Она привела меня на землю, и я увидалъ человѣка, который страшно мучился. Какой у него былъ недугъ, я не зналъ, да это мнѣ и не нужно было, но страданія были ужасны, и не потому они были ужасны, что ему было очень больно, нѣтъ, это меня бы не тронуло, я видѣлъ за это время массу страданій, но то было ужасно, что этотъ человѣкъ страдалъ тѣмъ самымъ недугомъ, которымъ, страдалъ и я на Рокѣ.

Этотъ человѣкъ былъ страшно жаденъ до золота и до всякихъ земныхъ наслажденій. Онъ былъ обжора, пьяница, развратникъ. Онъ успѣлъ пресытиться всѣмъ этимъ уже здѣсь на землѣ. Онъ такъ ужасно прожилъ жизнь, что всѣ наслажденія ему опротивѣли, а между тѣмъ у него не хватало силъ разстаться со всѣмъ этимъ. Онъ ненавидѣлъ уже золото, онъ не могъ уже ѣсть, пить, развратничать, его натура, его тѣло—уже не могло воспринять этого, но онъ все не могъ съ этимъ разстаться и страшно мучился. Меня охватилъ ужасъ за него. Я со страхомъ подумалъ:—а, что если онъ все это не оставитъ здѣсь, а понесетъ туда, на Рокъ?—и такая страшная жалость охватила меня, я забылъ, что это онъ страдаетъ, я чувствовалъ, что это я, да,—именно я самъ страдаю. Духъ мой метался, я искалъ выхода и я понималъ, что только Одинъ, Одинъ Богъ можетъ спасти его, и снять—съ него этотъ страшный завѣтъ отъ зла.

Онъ Одинъ можетъ его спасти, какъ нѣкогда Онъ спасъ

разбойника, на крестѣ, въ одно мгновеніе;—вѣдь и этотъ уже сознавалъ всю порочность свою и ненавидитъ свои преступленія, но не можетъ только отрѣшиться отъ нихъ.

Я началъ просить и умолять Марту, чтобы она молила Бога помочь, ибо только Онъ одинъ можетъ помочь ему.

Марта же отвѣтила мнѣ:

— Что намъ за дѣло до него!...

Я совсѣмъ не ожидалъ такого отвѣта, я поразился этимъ отвѣтомъ, и тутъ только почувствовалъ то, что почувствовалъ, бы если бы она сказала: «что мнѣ за дѣло до *тебя*»? Тутъ только я понялъ что такое *братъ* и что значитъ жалость и состраданіе, а за ними, всеохватывающая любовь.

Съ этого времени я узналъ и понялъ, что всѣ мы — братья, и чтобы намъ сплотиться во единое цѣлое, намъ нужно имѣть именно эту самую любовь, которая насъ свяжетъ насъ атомъ за атомъ и составитъ то Божественное тѣло, которое оживляетъ та Божественная душа, состоящая изъ Трехъ—Одна.

О, какая великая радость наполнила меня, и какая горячая любовь возгорѣлась во мнѣ! Какъ горячо полюбилъ я всѣхъ, рѣшительно всѣхъ, отъ Рока до святыхъ, и я все, все, простилъ себѣ. Да, именно себѣ, потому что я понялъ, что никто кромѣ меня самаго не виновенъ въ моихъ грѣхахъ и моихъ страданіяхъ, и что только я одинъ могу ихъ простить себѣ.

Придя къ такому рѣшенію, мнѣ захотѣлось идти къ Иризѣ, и я пошелъ. Но во мнѣ было еще сомнѣніе, я не былъ увѣренъ, что она будетъ одного со мною мнѣнія. Вдругъ, думалось мнѣ, она понимаетъ все это иначе? И эти мысли доставляли мнѣ муки. Но, скоро я оправился, я былъ такъ увѣренъ въ своей правотѣ, что сказалъ самъ себѣ:

— Что-же, если это будетъ такъ, то я расскажу ей все, что я пережилъ, и теперь буду я ее учить, какъ учила меня она нѣкогда. О! сколько силъ было во мнѣ! Я скоро напелъ ее и сказалъ:

— Ириза, я все простилъ себѣ, прости и ты мнѣ! я сразу почувствовалъ, что и она чувствуетъ и понимаетъ все именно такъ же, какъ и я. Она упала къ моимъ ногамъ и сказала:

— О, Неросъ, какъ я счастлива, что теперь я могу высказать тебѣ всю мою благодарность, за все то блаженство, которое ты мнѣ далъ. Благодарю тебя за то, что невольно, не зная самъ того, прощая себя, ты значитъ простилъ и мнѣ, за всѣ тѣ мученія ада, которыя ты перенесъ за меня. И мы обнялись.

О, какое блаженство наполняло насъ обоихъ; мы сразу почувствовали что мы именно тѣ двѣ крохотныя частицы, которыя должны слиться въ одно, чтобы примкнуть къ общему безконечному цѣлому.

Я не знаю, сколько времени я пробылъ съ ней. Я не знаю, сколько разъ я возвращался, чтобы упиваться блаженствомъ разговоровъ съ ней. Мы много бесѣдовали съ ней и всѣ эти разговоры улучшали меня во мнѣніяхъ.

Однако я опять пошелъ на Рокъ, чтобы провѣрить себя и чтобы уже больше не возвращаться въ него. Знаете, что показалось мнѣ ужасно странно? Это то, что я не чувствовалъ къ нему никакого отвращенія. Я дѣйствительно видѣлъ, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего и жить больше нельзя. Но если-бы даже я могъ тамъ жить и остался-бы тамъ, то эта жизнь не была-бы для меня адомъ.

Если вы, напримѣръ, видите мѣсто, даже мучительнаго скажемъ, труда, полное лишеній, ну хоть на какойнибудь фабрикѣ, гдѣ мучаются, страдаютъ, но гдѣ всѣ

работаютъ для себя. Вы будете ихъ сожалѣть, придумывать какъ облегчить ихъ трудъ и жизнь, молиться за нихъ, но ненавидѣть ихъ, презирать и глумиться надъ ними вы не будете. Такъ точно чувствовалъ и я себя на Рокѣ. Насмѣшки злыхъ духовъ не задѣвали и не обижали меня, ихъ нападки казались мнѣ ребячествомъ, мнѣ отъ души было жаль ихъ и я огорчался за нихъ, видя и сознавая, что эта жизнь ихъ для нихъ-же тяжела, а мнѣ что-же, если я ничего общаго съ ней не имѣю.

Я ушелъ съ Року и поселился на другой планетѣ; но я и тамъ мало живу. Я больше все съ Мартой и теперь работаю съ ней.

Мнѣ опять надо жить на землѣ, но кѣмъ и чѣмъ я буду? еще вѣрно не знаю, но думаю, мнѣ по крайней мѣрѣ совѣтуютъ и Ириза и Марта, быть священникомъ и проповѣдникомъ въ одной изъ христіанскихъ религій. Въ какой именно—это не важно, а важно то чтобы не торопиться и дать хорошенько душѣ проникнуться всеѣмъ тѣмъ, что она здѣсь почерпнула, чтобы идти на землю только тогда, когда душа будетъ крѣпка въ своихъ познаніяхъ. Вѣдь когда у васъ родятся то, получаютъ забвеніе прошлаго; это забвеніе очень важно для души, но когда она еще не окрѣпла здѣсь и идетъ на землю, то можетъ впасть въ новыя искушенія и не выполнить всего, что хотѣла.

Мнѣ надо бы торопиться, ибо Ириза будетъ ждать меня, но я думаю лучше выдержать, лишь бы на землѣ сдѣлать все, все. И хочу я такъ сдѣлать не для себя. Что я такое. Что мнѣ надо? — ровно ничего. Если я опять на землѣ нагрѣшу, — что за бѣда—раскаюсь, это не важно, но я хочу дать землѣ и міру все то, что мной замыслено. Я хочу воскресить, насколько Господь поможетъ, ту любовь, которой учить вѣра. Я хочу соединить всѣхъ братьевъ и сестеръ воедино, помощью этой

любви, чтобы они поняли, какъ они должны любить другъ друга, и не только когда они хороши и добры, но именно тогда, когда они злы и порочны.

— О! скажете вы, — эта задача непосильна одной душѣ; что можетъ сдѣлать одна несовершенная душа? — Поэтому я конечно не возьмусь одинъ за эту задачу. И до меня учили, и послѣ будутъ учить и со мной тоже, но я вѣрю, что я по крайней мѣрѣ приближу то время, когда люди пойдутъ твердымъ шагомъ къ истинному пути своего спасенія. Аминь.

Онъ ушелъ. Уходя онъ сказалъ мнѣ, что все сказалъ, что хотѣлъ. Но я? — я ничего пока не скажу. У меня нѣтъ еще словъ, но за то слишкомъ много мыслей. Теперь говорю вамъ: До свиданія.

Ив. Карышевъ.

СООБЩЕНИЕ СЧАСТЛИВОЙ МАРТЫ.

I.

1-го июня 1900 года.

Я духъ для васъ новый. Миръ вамъ. Меня зовутъ Марта. Таня меня знаетъ. Миѣ трудно говорить и писать по русски, ибо я при жизни на землѣ была французонкой. Меня зовутъ не просто Марта, но «Счастливая Марта».

Да, всѣ хотятъ счастья, и его такъ мало у васъ на землѣ; и только тогда, когда его мало, его можно назвать счастьемъ; но когда его много, то, вѣдь, и оно превращается въ несчастье. Я много страдала за счастье!... И если хотите, я расскажу вамъ свою исторію и вы поймете меня.

Вопросъ. Мы, «Счастливая Марта», много слышали о тебѣ отъ другихъ «духовъ» и будемъ очень рады, если ты намъ расскажешь свою, интересную, исторію.

Отвѣтъ. Съ позволенія вашего, я начинаю: я жила на землѣ три раза. Первый разъ очень давно, и воспоминаній объ этой жизни осталось мало въ моей памяти. Я умерла очень маленькой; помню какой-то шумъ, страхъ, но что именно это было, я не помню, я тогда пришла прямо съ Венеры.

Вторая жизнь была для меня самая важная. Я была русская. Мои отецъ и мать были богатые люди, очень

добрые, очень хорошіе; никого не обижали они сами и всё около нихъ были счастливы. У меня было пять тетусшекъ и три дяди; всё богатые и всё добрые. Но у всѣхъ была большая печаль, у нихъ не было дѣтей. И вотъ, вдругъ, родилась я.

Понятно, какая была я для нихъ радость! Маленькая, хорошенькая дѣвочка, здоровая, крѣпкая, какъ желѣзо. Всѣ обрадовались и всё въ одно слово сказали:

— Это наше счастье!

Всѣ хотѣли меня крестить; всѣ заботились обо мнѣ; всѣ готовы были умереть изъ-за меня; и дѣйствительно я росла, какъ цвѣтокъ. Всѣ работали для меня, всѣ жили для меня, всѣ баловали, всѣ качали, одѣвали; я заплачу— всѣ становятся грустны и озабочены; я смѣюсь—и всѣ радуются со мной. А я все росла и повѣрьте, я никогда не болѣла, я никогда, кажется, не ушибалась, я всегда была здорова, крѣпка, весела. У меня были большіе голубые глаза, но я не была красива, однако, всѣ называли меня красавицей.

Мы жили въ деревнѣ, меня никуда не возили, меня не ридили, но у меня было много платьевъ легкихъ, просторныхъ, теплыхъ и удобныхъ. Дорогихъ игрушекъ у меня тоже не было, но для меня все было игрушки: домъ, садъ, лѣсъ, поле, звѣри и вся природа и всѣ родные, близкіе, знакомые и даже слуги.

Когда я подросла, меня учиться никуда не отдали, какъ отдають другихъ дѣтей; меня учили всё мои дяди и тети, и я училась очень хорошо. Я была доброе дитя и старалась для нихъ, и очень скоро выучила все, что мои учителя знали и они не знали, чему меня больше учить и порѣшили:

— Она теперь все знаетъ — она большая!

Мнѣ было тогда 16 лѣтъ. Я жила такъ счастливо, я не знала ни болѣзни, ни горя, ни другого какого не-

счастья, все для меня было однимъ сплошнымъ счастьемъ. Недалеко отъ насъ жила другая богатая семья и тамъ былъ тоже единственный сынъ. Этого Николая, когда я была еще ребенкомъ, привозили ко мнѣ играть, но потомъ его увезли учиться и я его забыла. Но, когда онъ кончилъ курсъ ученія и пріѣхалъ, то всё сказали:

— Это будетъ ея мужъ, онъ хорошій, онъ будетъ у насъ жить. И сказали мнѣ:

— Счастье наше, всѣ дѣвушки должны выходить замужъ, онъ будетъ твой мужъ, ты должна его полюбить. И я его полюбила и стала его женой.

И опять потекло одно нескончаемое счастье, и онъ меня полюбилъ, и всё вмѣстѣ жили и мало что измѣнилось. Только тутъ я узнала, что настоящее мое имя— Настасья, ибо никто меня такъ не звалъ, я для всѣхъ была «Счастье», а Настя звали мою мать.

Вотъ однажды умерла одна изъ моихъ тетусшекъ, и мнѣ сказали о томъ; я заплакала, но всё говорили мнѣ:

— Нельзя, нельзя плакать, у тебя скоро будетъ ребенокъ, нельзя плакать. Тетускѣ давно пора умирать, ей хорошо у Бога, а тебѣ нужно жить для насъ, и быть здоровой.

Я уснокоилась и больше на плакала. Я повѣрила, что ей хорошо, а мнѣ надо, чтобы у меня были здоровыя дѣти, и я была опять весела и счастлива. Такъ у меня рождались здоровыя дѣти, а тетуски и дяди умирали понемногу. Вотъ и мать умерла и отецъ, но я привыкла, что имъ надо всёму уходить къ Богу, а мнѣ быть спокойной.

Вы думаете, что я была безъ сердца, не добрая, не любила ихъ?—нѣтъ, я очень ихъ любила, но, вѣдь, надо же имъ умирать, они устали жить и нужны Богу, но я пожалуй втихомолку про себя и скучала немножко, но тщательно скрывала это, чтобы не бранили меня.

Въ то время было у меня уже семеро дѣтей, всѣ здоровыя, красивыя и добрыя; три дочери и четыре сына, но здоровѣе всѣхъ была я. Дѣти росли, дочери учились дома, сыновья въ училищѣ, а когда кончали, пріѣзжали домой. У насъ было три дома и всѣмъ было много работы, мы всѣ работали и были всегда веселы. У насъ никогда не было пожаровъ, вода насъ не заливала, умирали только старыя, т. е. тѣ, кто, какъ я себѣ представляла, усталъ жить; зла мы никому не дѣлали, всѣ насъ любили, уважали, мы никогда ни съ кѣмъ не ссорились, даже тогда, когда дочери вышли замужъ, а сыновья женились. У нихъ нарождались дѣти и всѣхъ насъ было 22 человекъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы хорошо жили! . . . Мы помогали своимъ крестьянамъ, помогали и стороннимъ, около насъ всѣмъ жилось хорошо и всѣ были сыты. У кого домъ старился, мы выстраивали ему новый, у насъ не было даже воровъ, ибо кому что надо было—всѣ шли къ намъ и мы всѣмъ давали и никого не обижали.

Такъ жили пока мнѣ минуло 60 лѣтъ; но я была со-всѣмъ здорова, даже зубы, волосы и глаза мои — были цѣлы. Я цѣлый день работала, бѣгала съ дѣтьми, и меня давно уже звали бабушка-Счастье. Но правда, у всего есть свой конецъ. И вотъ, какъ это было. Я принимала причастіе и вдругъ послѣ того заснула днемъ, чего со мною прежде никогда не бывало. Когда я проснулась, было тихо, я спросила служанку:

— Гдѣ всѣ? Она сказала, что всѣ ушли въ поле, на которомъ передъ посѣвомъ служатъ молебнѣ. Я немного подосадовала, что меня не разбудили, и сказала:

— Я пойду, а лошади пусть меня догоняютъ.

И я пошла скоро и все досадовала, что заснула, но вдругъ, земля стала уходить у меня изъ подъ ногъ, въ глазахъ потемнѣло и я упала. Что было послѣ, я не знаю, но я проснулась въ кровати, и увидѣла, что всѣ стоятъ

около меня въ глубокой печали. У меня ничего не болѣло. Когда я открыла глаза, то всѣ обрадовались и закричали:

— Ахъ, ахъ, мы тебя нашли въ полѣ! поѣшь то! поѣшь другое! ахъ, какое горе!

И я всего поѣла понемногу, чтобы сдѣлать всѣмъ пріятное, ибо я чувствовала себя виноватой передъ ними. Ёда мнѣ не помогла; я не могла ходить, и все лежала. Такъ я лежала нѣсколько дней. Меня носили въ садъ и тамъ я сидѣла и мнѣ было хорошо. Мужъ мой все хотѣлъ позвать доктора, но всѣ и я говорили:

— Не надо, это пройдетъ, надо чего-нибудь поѣсть и все пройдетъ.

Однажды, когда я сидѣла въ саду, около меня сидѣла моя любимая внучка; она была очень похожа на меня и звали ее Настей, ей было двѣнадцать лѣтъ. Она сказала мнѣ:

— Бабушка-Счастье, ты устала жить и хочешь къ Богу идти, правда это? — Я сказала:

— Не знаю, но не очень еще хочу.

— Такъ ты, бабуся, не устай, встань, я знаю, тебѣ сначала будетъ трудно, а потомъ право ничего и Богъ увидитъ, что ты еще не устала, а мы будемъ всѣ Его просить подождать. — Я подумала:

— Она очень умный ребенокъ и говорить правду, мнѣ дѣйствительно не ѣду нужно, а надо себя поднять, и я съ большимъ трудомъ поднялась, а ей велѣла смотреть, чтобы кто не вошелъ. И я встала и сдѣлала три шага. Настя отъ радости смѣялась и говорила:

— Ты, бабуся-Счастье, не ходишь отъ страха, мы тебя уговорили, что ты больна, а ты и повѣрила; отъ этого все такъ и вышло.

— Ну, хорошо, сказала я, ты, Настя, молчи, не говори никому и ничего, а завтра я встану.

На другой день я дѣйствительно встала, забрала опять

ключи и пошла хозяйничать по дому. Боже! сколько было радости, всё жили, завеселились, а вечеромъ я даже потанцевала немного съ самымъ маленькимъ «бебе»—вотъ какъ я сразу выздоровѣла, и всё радовались и смѣялись,—что бабуся, было, устала жить, да раздумала къ Богу идти.

Черезъ двѣ недѣли надо было ѣхать въ городъ за покупками; мы разъ въ годъ ѣздили всей семьей въ городъ покупать платья и все, что въ хозяйствѣ надо. Это было очень весело. У моего мужа былъ въ городѣ большой домъ и мы ѣхали туда недѣли на двѣ и брали съ собой всёхъ «бебе» и такъ это было весело, столько радости и всё покупали, что кому надо.

Мы служили утромъ молебень, потомъ садились въ кареты, коляски, повозки и ѣхали. По дорогѣ мы шутили, останавливались и гуляли, пѣли, играли въ игры и такъ это все весело у насъ выходило. Когда мы кончили молиться и уже собирались уѣзжать, я сказала:

— Вы кончайте укладываться и торопитесь, а я пойду, посмотрю, какъ копаютъ новый колодезь, поговорю съ управляющимъ и дамъ ему денегъ.—И пошла.

Но какъ только я пошла, земля опять стала уходить у меня изъ-подъ ногъ. Но я сказала:

— Опять тоже,—это уже вздоръ!—и пошла еще быстрѣй; но тутъ въ глазахъ стало темно, я упала и умерла.

Ну, до свиданья, я устала. Скажу Танѣ, что видѣла васъ и очень рада была познакомиться.

II.

6 июня 1790 года.

Миръ вамъ и Христосъ между нами.

Я вамъ сказала, что я умерла. Меня похоронили. Я мало помню, какъ все это произошло; я что видѣла, а что опять какъ будто не видѣла; и я знаю, что дѣлалось

вокругъ меня, мнѣ мѣшали другіе «духи». Ихъ собралось очень много, чтобы привѣтствовать меня и они всё такъ были рады мнѣ, и каждый изъ нихъ хотѣлъ сказать мнѣ что-нибудь; кромѣ того, я много молилась.

Мой духъ очень усталъ отъ такой долгой, вялой и недѣлительной жизни, а потому, молитва мнѣ ничего не давала, вѣдь я все молилась за себя.

Послѣ того, какъ меня похоронили, я стала разсматривать свою жизнь, и загрустила. Мнѣ стало такъ скучно и печально отъ того, что въ земной жизни я была такъ счастлива. У меня, вѣдь, было полное счастье въ то время, когда вокругъ меня было такъ много слезъ и страданій. Богъ мнѣ далъ все, а я сама міру ничего не дала, и объ этомъ то я болѣла душой.

Потомъ я пошла на планету, не на ту, гдѣ я теперь, а на другую, и мнѣ было такъ стыдно, что всё страдали сами или за другихъ, или рассказывали про свои жизни—а я?—про какія свои жизненные подвиги могла рассказывать?

Мнѣ было сначала стыдно, а потомъ досадно за свою земную жизнь, никого я не утѣшила, ни за кого не страдала, всегда была сыта, весела и все для себя и для себя. Охъ, какъ не хорошо мнѣ стало! . . . Я не знала, что мнѣ сдѣлать, чтобы заглушить свое довольство и, когда меня спрашивали, что я сдѣлала? я молчала, потому что... въ сущности, я ничего не сдѣлала? Я давала бѣднымъ, это вѣрно, но вѣдь намъ и такъ некуда было дѣвать богатства; я молилась, но за кого? Все за себя, и за своихъ; я любила людей, да развѣ я смѣла не любить ихъ, когда мнѣ никто никогда зла не дѣлалъ.

И такъ, я только сама была счастлива. Вотъ если бы я сдѣлала кого-нибудь другого счастливымъ, или пострагала бы за кого-нибудь! . . . то я чувствовала бы себя лучше, а теперь мнѣ стало невыносимо стыдно и обидно за себя,

и я не знала, что мнѣ съ собой дѣлать? Молиться — но о чемъ? Я старалась помочь «духамъ», но денегъ имъ не надо, да и ихъ я оставила на землѣ; утѣшать? — но нея понимала ихъ страданій, я не знала, что такое горе или страданіе.

И объ этомъ я долго плакала, и молила Бога научить меня, какъ все это поправить. Пришелъ ко мнѣ высокій духъ, очень высокій духъ и я ему сказала:

— Все мое горе, мое первое и главное горе въ жизни это — счастье.

Долго онъ меня слушалъ, и наконецъ сказалъ:

— Да, на землѣ невозможно имѣть такое счастье. Но зато тамъ есть другое счастье, великое счастье, но не то, какое было у тебя. Я спросила:

— Какое-же это счастье? — и онъ сказалъ:

— Это то счастье, которому насъ научилъ Христосъ, живя на землѣ. Это далеко отъ того мнимаго счастья, которое происходитъ отъ довольства, но то, которое является послѣ того, какъ ты душу свою положила за ближняго и когда ты готова отдать все за нихъ, и въ ихъ несчастіи черпаешь силу для нихъ же. Вотъ великое счастье: не самой быть счастливой, а другимъ давать его.

Прошу васъ, обдумайте хорошенько эти великія слова; я очень желала бы, чтобы и вы ихъ поняли и усвоили себѣ.

Когда онъ ушелъ, я много думала и просила Бога дать мнѣ другую жизнь; и дѣйствительно, я опять скоро родилась на землѣ.

Теперь все было по другому. Я родилась тамъ, гдѣ даже не имѣли права имѣть дѣтей: я родилась у одной дамы большого свѣта, у которой не было мужа. Отецъ мой имѣлъ свою семью и не имѣлъ права назвать меня своею дочерью. Мать моя отдала меня въ деревню одной бѣдной женщинѣ, у которой было много своихъ дѣтей.

Я жила въ страшной бѣдности; холодъ, голодъ терпѣла эта семья и тѣ деньги, что платили за меня, спасали всѣхъ отъ голодной смерти. Я была всегда въ грязи; всегда больна; у меня былъ большой животъ, большая голова и я всегда была голодна, а ручки и ножки у меня были какъ палочки. Да, я была больше похожа на паука, чѣмъ на ребенка.

Когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ, меня отвезли къ моей матери и, когда она увидѣла меня, она вскричала:

— О, Господи! я отдамъ все, чтобъ этого уroda не видѣть никогда, и зачѣмъ вы не уморили ее голодомъ! — Но я смотрѣла на мою мать и думала:

— Какъ она прекрасна! И какъ я ее люблю и если бы такая дама только разъ меня поцѣловала!

Но она не поцѣловала меня. Какая-то старуха увезла меня въ большой домъ, гдѣ было много такихъ же дѣтей, какъ и я. Всѣ они были такія-же больныя, худыя и еще много хуже меня. Тамъ тоже было всегда холодно и скучно; мы всѣ что-то работали, никогда не играли и не смѣялись. Насъ учили, лѣчили, но радостей у насъ не было. О! какъ любила я всѣхъ этихъ дѣтей, я имъ пѣла деревенскія пѣсни, я согрѣвала ихъ озябшія тѣла своимъ дыханіемъ, и мнѣ было такъ отрадно любить ихъ и ласкать. Но они не понимали этого, они были всѣ такія странныя. А тѣ, которые насъ учили, не любили насъ, и не только приласкать, но и дотронуться до насъ они часто боялись.

Но пока будетъ, я устала.

III.

8-го іюня 1900 года.

Миръ вамъ, мои друзья. Вотъ какъ скоро вы вспомнили меня опять. Да, я очень рада васъ видѣть, такъ хорошо, когда духъ и люди понимаютъ другъ друга. Правда?

Въ послѣдній разъ я сказала, что меня отвезли въ очень большой домъ. Да, тамъ жизнь была очень трудна. Но дѣти скоро забываютъ свои страданія; я стала скоро поправляться и привыкла. Я даже думала, что нѣтъ другой жизни.

Сначала мнѣ было очень жаль маму Фани, сестеръ, но скоро я и здѣсь освоилась, полюбила дѣтей и привязалась къ нимъ. Мы всѣ были очень робки, но и у насъ были свои радости и свои удовольствія. Здоровье мое поправилось; мой животъ опалъ; только ноги были кривы и я никогда не могла скоро ходить.

Я очень любила маленькихъ дѣтей и даже строгія учительницы и тѣ полюбили меня; и даже начальница любила, хотя и называла меня маленькимъ уродомъ. Я принимала это за ласкательное слово и была за него очень благодарна. Такъ я росла до 16 лѣтъ. Больше нельзя было мнѣ оставаться тамъ. Я умѣла шить, вязать, готовить, читать, писать, мыть бѣлье, кружева и много, много чего, такъ какъ всѣ мы, выйдя изъ этого дома, должны были сами добывать свой хлѣбъ. И вотъ, однажды, меня позвала начальница и сказала:

— Марта, куда ты пойдешь? Въмѣсто отвѣта я заплакала: куда я пойду? мнѣ некуда было идти, у меня не было никого въ мірѣ. Тогда начальница сказала:

— Я знаю одну семью, иди туда, тамъ есть маленькій ребенокъ, ты будешь тамъ бонной.—Я согласилась и благодарилась ей.

Эта семья состояла изъ матери, отца и маленькаго больного мальчика, у котораго не было ногъ. Онъ былъ страшно золъ; кусалъ всѣхъ, всегда кричалъ и капризничалъ. И вотъ я должна была его нянчить. Мать и отецъ рѣдко бывали дома; они возвращались только къ ночи. Гдѣ они цѣлыми днями пропадали — я не знаю.

Скоро мальчикъ этотъ полюбилъ меня, ибо я сумѣла

его занять. Мнѣ было это не трудно сдѣлать. Да я сама его полюбила и хотя часто мои руки отказывались его носить, но я терпѣла боль, пересиливала себя и носила его и играла съ нимъ.

Всѣ меня въ этомъ домѣ полюбили. Отецъ и мать были рады за ребенка; я пѣла, играла и мальчикъ былъ веселъ. Но недолго онъ жилъ; онъ умеръ на моихъ рукахъ. И опять я осталась безъ дѣла. Тогда господинъ сказалъ:

— Марта, хотите, я васъ устрою въ госпиталь? Вы такъ хорошо умѣете занять больного.—И я поступила въ госпиталь.

О! какая началась ужасная жизнь; и въ то же время какая радостная и счастливая. Вотъ гдѣ было настоящее мое мѣсто, я съ восторгомъ работала день и ночь, и сколько счастья было тутъ. Мои больные были для меня моими дѣтьми, друзьями, и какъ я любила ихъ и какъ мнѣ было весело и хорошо съ ними.

Этотъ госпиталь былъ для самыхъ бѣдныхъ и несчастныхъ. Ихъ приносили прямо съ улицы, и какъ я чувствовала ихъ любовь, ихъ бѣдность, ихъ страданія. Все мое вознагражденіе, все, что у меня было, я отдавала имъ. Вѣдь, госпиталь давалъ мнѣ все, мнѣ ничего не надо было. Доктора были злы и грубы, они не любили лечить; мнѣ часто приходилось упрашивать ихъ, и они меня хотя и ругали за это, но всетаки иногда слушали и помогали больнымъ даже ночью.

Тамъ были и другія бонны, но онѣ не очень любили свое дѣло. Надо мной онѣ даже смѣялись сначала, но скоро и онѣ полюбили меня, ибо я никогда не жаловалась на нихъ и многое дѣлала за нихъ. Но скоро со мной случился удивительный фактъ: меня позвалъ старый докторъ и сказалъ:

— Марта, одна очень важная и богатая дама больна, ей нужна сидѣлка, я ее лечу и я васъ туда посылаю

Я заплакала и просила оставить меня въ госпиталѣ. Но онъ сказалъ:

— Вы должны ѣхать и никто больше. Она очень капризна, и только вы одна можете за ней ходить. Послѣ этого я должна была его послушать.

Вы уже угадали вѣрно. Да, со мной случилось совершенно такъ, какъ пишутъ въ вашихъ романахъ: эта дама была моя мать. Я это узнала уже тогда, когда мы съ докторомъ ѣхали къ ней. Когда онъ мнѣ сказалъ ея имя и фамилію, то я первую минуту испугалась, но потомъ я ѣхала и все молилась, чтобы Богъ научилъ меня, какъ мнѣ быть. Скоро я успокоилась и рѣшила, что если нужно ей меня узнать, то она узнаетъ, а если нѣтъ, то Богъ лучше знаетъ, но я буду молчать.

Мы приѣхали въ богатый и роскошный домъ, и докторъ повелъ меня въ комнату больной. О! какъ билось мое сердце, какъ я боялась, что она опять меня прогнать отъ себя. Когда мы вошли, она сидѣла въ креслѣ, вся закутанная въ дорогіе мѣха, у камина. Она была такъ же прекрасна, но очень худа и желта, глаза ея впали въ лобъ и черные круги лежали вокругъ глазъ.

— Вотъ, мадамъ, та дѣвушка, про которую я говорилъ вамъ, сказалъ докторъ. Она поглядѣла на меня, и я отъ страха даже закрыла глаза, боялась, что она узнаетъ. Но она перевела свои истомленные глаза и сказала:

— Вы умѣете читать?

— О, да, мадамъ.

— Ну хорошо, идите на кухню пока.

Да! — это было очень давно, но моя душа и теперь плачетъ отъ воспоминанія объ этомъ. Моя мать не узнала меня и забыла. Я тогда горько заплакала, но сказала себѣ:

— Я заставляю ее меня полюбить, если не какъ дочь, то какъ человѣка, я не дамъ ей умереть съ этимъ грѣхомъ.

Но пока довольно, я утѣмилась, мои друзья. До свиданья.

IV.

12-го іюня 1900 года.

Миръ вамъ! Какъ живете? Я опять пришла къ вамъ и продолжаю свой рассказъ:

Итакъ, я сказала, что я попала къ своей матери. Да, трудно мнѣ было сначала, охъ, какъ трудно. Но я все молилась и постепенно дошла до того, что я сдѣлалась для нея положительно необходима—она не могла жить безъ меня. Я читала ей всю ночь, и сидѣла съ ней, потому что ночью она не могла спать; днемъ еще немного спала, но ночью она боялась спать. У нея была страшная болѣзнь, въ груди была большая рана, отъ которой вся грудь распухла. Ей часто рѣзали эту рану и жгли огнемъ. Да, это была страшная болѣзнь! Она часто такъ кричала, что все убѣгали отъ нея, — но я не отходила отъ нея.

Она почти не спала, ничего не ѣла, была ужасно худа, но все таки прекрасна, и все глядѣла на себя въ зеркало, боясь сдѣлаться некрасивой. Такъ сидѣла я полгода около нея. Она была страшно сердита и отъ боли кусала и мои, и свои руки, или щипала ихъ! Бѣдная!.. велико было ея страданіе!.. Я все кротко переносила отъ нея, и когда боль утихала, она плакала и говорила:

— Марта, я вамъ сдѣлала больно.

Но я смѣялась и шутила, и такъ, мало по малу, она полюбила меня. Однажды я поправляла ей кровать и слышала, какъ она говорила доктору:

— О! какъ я вамъ благодарна за эту дѣвушку, я такъ полюбила ее, не берите ее отъ меня. Какъ сердце мое забилось отъ этихъ словъ и я стала еще больше ей угождать и любить ее!

Часто она меня очень мучила, но я съ радостью все прощала, и какъ я счастлива была, о, какъ счастлива! Разъ призываетъ меня докторъ и говоритъ:

— Марта, еще нѣсколько дней и она умретъ. Больше ей жить нельзя.

Что было мнѣ дѣлать?—я молилась, чтобъ былъ хороший конецъ. Она уже мало, совсѣмъ мало спала. Никакія лекарства не помогали. Она страшно страдала. Однажды ночью, когда я читала ей, а она, какъ мнѣ казалось, спала, вдругъ спросила меня такъ тихо, тихо:

— Марта, откуда вы? Я удивилась и сказала:

— Изъ госпиталя.

— Нѣтъ, кто были ваши отецъ и мать? Я испугалась, но сказала твердо:

— Отецъ и мать были простые, бѣдные люди и уже давно умерли. Тогда она помолчала и сказала:

— Марта, у васъ никого нѣтъ, и у меня никого нѣтъ. У меня была дѣвочка, и звали ее тоже Марта, но она давно умерла.

Когда я подошла къ ней поправить ей подушку, она вдругъ меня поцѣловала. О, какъ много силъ стоило мнѣ, чтобы не заплакать; но я пересилила себя и тоже поцѣловала ее. Она сказала:

— Марта, любите меня; меня никто не любитъ! Я начала ее успокаивать. Она меня спросила:

— Марта, вы бѣдны?

— О, нѣтъ, мнѣ все даетъ госпиталь.

— Какая вы счастливая! — а я, Марта, очень бѣдна, у меня ничего нѣтъ. Все, что вы тутъ видите, это все не мое, и если бы я не заболѣла, то меня посадили бы въ тюрьму, такъ много у меня долговъ! Скоро мнѣ нечего будетъ ѣсть, а когда я поправлюсь, я пойду съ вами въ госпиталь.

— Да, да, это очень хорошо, — сказала я, а она взяла мою руку и, улыбаясь, заснула. Я плакала отъ радости и счастья, глядя на нее.

Съ этихъ поръ она стала ко мнѣ добра и ласкова. Дня черезъ два она опять сказала мнѣ ночью:

— Марта, я не пойду, вѣрно, съ вами въ госпиталь, я умру. — Я стала ее успокаивать, но она все плакала и говорила:

— Нѣтъ, умру, я видѣла во снѣ мою дѣвочку, она звала меня и мнѣ стало такъ страшно, такъ страшно! Марта, я большая грѣшница, молитесь за меня и молитесь громко, чтобъ я слышала.

И я стала молиться вслухъ, а она все говорила:

— Громче, громче, не слышу! Потомъ она подозвала меня и сказала:

— Вотъ, Марта, кольцо моей матери, спрячьте его; это единственная вещь, которая здѣсь принадлежитъ мнѣ, и я вамъ ее дарю; а чтобы не подумали, что вы его сами взяли, я вамъ напишу письмо, дайте мнѣ бумаги.

Я подала ей бумагу и она написала и подала мнѣ, а потомъ послала меня принести ей ледъ: она все время его глотала. Но когда я вернулась, она уже умерла. Я осталась опять одна и пошла въ госпиталь. Мнѣ было легко и весело, кольцо ея было у меня на сердцѣ, и мнѣ все казалось, что она со мной.

Въ скоромъ времени началась война. О! видали ли вы когда-нибудь войну? О! какой страхъ, какой ужасъ! Боже, Боже, прости людямъ за войну. Какое ужасное, какое громадное зло! И я пошла на войну.

Что я тамъ видѣла, я не могу вамъ рассказать. Сначала было еще ничего; привозили безъ рукъ, безъ ногъ; а потомъ стали возить цѣлыми повозками, одинъ на одномъ, цѣлыя кучи и мы разбирали—кто живой и кто мертвый. Давно не было мѣста, куда класть раненыхъ. Ихъ клали на полу, на дворѣ, вездѣ лежали, стонали, кричали, кому рѣзали, кому перевязывали. О! — крови, крови сколько! всего не опишешь.

Вотъ гдѣ была работа. Мы не ѣли, не спали, и только Богъ поддерживалъ насъ. Потомъ постепенно стали во-

зять все меньше и меньше и наконецъ совсѣмъ затихло, мы немного отдохнули.

Но вдругъ началось другое ужасное несчастье: появилась болѣзнь, страшная болѣзнь, — черная оспа. О! это было еще страшнѣй: умирали и раненые, и выздоравливающіе, и здоровые.

Въ это время у меня въ комнатѣ лежалъ одинъ офицеръ, очень молодой; у него не было ни руки, ни ноги, и я ухаживала за нимъ. Онъ полюбилъ меня и уже давно выздоровѣлъ, но все ждалъ своего отца, чтобы ѣхать домой. Онъ былъ очень богатъ; единственный сынъ, и пошелъ на войну по своему желанію. Однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Марта, я люблю васъ, будьте моей женой. Я не повѣрила, но онъ убѣждалъ меня, настаивалъ и говорилъ:

— Вы не бойтесь, что у меня нѣтъ ноги и руки, но я сдѣлаю ихъ себѣ.

Пріѣхалъ отецъ. Онъ плакалъ какъ дитя и говорилъ:

— Я не поѣду безъ Марты. Тогда я сказала:

— Поѣзжайте, а я послѣ пріѣду и буду вашей женой, но теперь я не могу бросить своихъ больныхъ. Это нехорошо для своего счастья дѣлать несчастье другимъ.

Онъ уѣхалъ, а я думала, что онъ забудетъ, но онъ и его отецъ все писали мнѣ и просили, чтобы я скорѣй ѣхала и я не знала, что мнѣ дѣлать. Вотъ разъ я горячо помолилась, чтобы Богъ научилъ меня, что мнѣ дѣлать, и я увидала странный сонъ; я прямо увидала красивую женщину всю въ бѣломъ и она держала два вѣнка, — одинъ изъ розъ, а другой изъ иммортелей, и сказала:

— Марта, вотъ два вѣнка, — который хочешь? Я не знала, но розы были такъ красивы и я протянула руку къ розамъ. Но какъ только я дотронулась до нихъ, онѣ

осыпались, стали черны и остались однѣ колючки, а бѣлая женщина улыбнулась и сказала:

— Это наше личное счастье, Марта, оно не надолго; одно міровое счастье — вѣчно! и она надѣла на меня вѣнокъ изъ иммортелей. Я очнулась. Я стала обдумывать, какъ мнѣ отказать ему, но черезъ день я заболѣла черной оспой и умерла.

На сегодня довольно. Будьте здоровы, веселы и счастливы, какъ я. До свиданья.

V.

15-го іюня 1900 года.

Ну, хотите слушать дальше? Какъ вамъ нравится моя вторая жизнь? Вотъ я умерла и какая разница! Я была такая добрая, свѣжая, духъ мой былъ высокъ, въ сердцѣ столько счастья и радости. Я съ восторгомъ молилась и, знаете, я даже забыла, что умерла.

Все это вышло такъ странно; о своемъ тѣлѣ я совершенно забыла, какъ забываютъ старое платье. Мнѣ его нисколько не было жаль. Я вотъ теперь вспоминаю: я даже ни разу не взглянула на свое мертвое тѣло.

Я много, много молилась, размышляла и поняла, что только такая жизнь даетъ счастье. Я ушла на другую планету. О! — какъ мнѣ тамъ было хорошо, весело и какъ я была счастлива... Я и теперь имѣю много, много душъ, которымъ я нужна; я ихъ утѣшаю, и молюсь за нихъ, помогаю имъ и такъ мнѣ хорошо. Да, я здѣсь живу очень хорошо. Наша планета совсѣмъ на вашу не похожа; наша меньше; къ намъ приходитъ очень много высокихъ «духовъ» и бесѣдуетъ съ нами.

«Право, приходите всѣ жить къ намъ; спросите и отца Аввела» и ему хорошо. Я вамъ вотъ расскажу: у насъ есть большое море, но вода не такая, какъ у васъ. Мы

очень любимъ наше море, оно такъ блеститъ, такая въ немъ игра цвѣтовъ.

Какіе прекрасные сады у насъ. О! я не могу описать. Мы всѣ одѣты одинаково и просто, намъ не нужна ѣда, ибо мы всегда сыты. Не огорчайтесь и не завидуйте мнѣ: вѣдь, вы тоже будете тамъ, когда-нибудь. Знаю, вы думаете: будемъ, да не скоро. Да, правда, сколько труда нужно положить прежде и сколько страданія.

Знаете, я скажу вамъ, что и въ страданіяхъ есть свое счастье. Вотъ бываетъ такая сильная боль, такая сильная, что ужъ нельзя больше терпѣть, знаете, что тогда бываетъ? Вдругъ боль пропадаетъ; она совсѣмъ исчезаетъ, тѣло еще дѣлаетъ гримасу, но душа пришла уже въ такой восторгъ и ощущаетъ такое блаженство, что описать нельзя. Люди думаютъ: Ахъ, какъ ему больно, а боли ужъ давно нѣтъ, человѣкъ вполне счастливъ.

Разъ одинъ больной страдалъ ужасно, у него была боль въ груди. Я ухаживала за нимъ въ госпиталѣ. Я держала его руку и все молилась, чтобы Богъ послалъ скорѣе смерть. И вдругъ мнѣ стало такъ весело, такъ легко, я взглянула на больного и даже разсердилась на себя за то, что въ то время, когда онъ такъ страдаетъ, мнѣ становилось все веселѣй и веселѣй. Тогда я опустила его руку и это состояніе прошло.

Знаете, такія состоянія были со мной нѣсколько разъ, и я не знала, что это такое. Я въ это время всегда молилась и думала, что сердце мое не чисто, и не умѣетъ сочувствовать чужому горю. Но когда я стала духомъ, я узнала, что у всякаго человѣка есть такой предѣлъ, когда вдругъ пропадаютъ всѣ страданія и Богъ вдругъ посылаетъ такое блаженство. Подобное же бываетъ не только при однѣхъ болѣзняхъ, но и при несчастіяхъ; я часто это видѣла на землѣ, а теперь вижу еще чаще.

Богъ всегда съ тѣмъ, кто сильно страдаетъ, если даже онъ большой преступникъ. Не вѣрьте, если скажутъ, что Богъ кого-нибудь бросаетъ — этого никогда не бываетъ. Когда у человѣка большое горе, или у него что болитъ непомѣрно, то Самъ Духъ Святой какъ-бы сходитъ на него и тогда—все проходитъ.

Вы не вѣрите? А, вѣдь, это правда, я сама такъ никогда не страдала, но видѣла, какъ другіе страдали, я знаю страданія. Когда я бываю у больныхъ и другихъ несчастныхъ, я прошу скорѣй прійти Духа Святого, и Онъ всегда скоро приходитъ и утѣшаетъ и душу, и тѣло. И послѣ того человѣкъ или совсѣмъ выздоравливаетъ, или умираетъ.

Такъ я живу теперь; и жизнь моя одно сплошное счастье. Я много молюсь, и не боюсь ни одного злого духа. Что мнѣ злой духъ, я и за него помолюсь, ему сдѣлается легко и онъ поспѣшитъ уйти. Злые «духи» не любятъ, когда имъ легко. Это имъ странно, они этого боятся.

Знаете, я такъ люблю землю. Говорятъ, земля грязна, на ней много страданій и много горя; ахъ, какъ я люблю это горе! Еслибы не это горе, развѣ мы могли бы жить такъ, какъ мы живемъ теперь? Я люблю страданія, ахъ, какъ хорошо страдать. Черезъ страданія человѣкъ дѣлается такимъ хорошимъ, такимъ добрымъ!.. Вы потомъ поймете это, теперь это вамъ еще недоступно.

Я скоро собираюсь идти жить на Марсъ. Тамъ мнѣ будетъ очень хорошо, но мнѣ очень не хочется бросать земли. Я постоянно хожу на землю; сколько у меня тутъ излюбленныхъ, я живу съ ними, я стараюсь уберечь ихъ отъ страданій, о, какъ я ихъ люблю!.. но я уже утомила себя... Я ухожу домой. Прощайте.

II 5589

СОЧИНЕНІЯ И. А. КАРЫШЕВА.

1) ОСНОВА ИСТИННОЙ НАУКИ.

Кн. I. Богъ неопровержимъ наукой. Цѣна
1 р. 50 к.

Кн. II. Составъ человѣческаго существа.
Цѣна 1 р. 50 к.

Кн. III. Сущность жизни. Цѣна 1 р. 50 к.

2) ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКІЙ ВЗГЛЯДЪ.

На основанія принятыя Гр. Л. Н. Толстымъ
для своего изъясненія изложеннаго въ его со-
чиненіи «Въ чемъ моя вѣра». Цѣна 60 к.

3) ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ МІРЪ въ чело-
вѣкѣ. Цѣна 1 р. 25 к.

4) САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ ГОМЕОПА-
ТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ. Цѣна 75 к.
